

Свящ. Н. Дьяковъ.

801-19

214

ГОДЪ НА КРЕЙСЕРЪ

АДМИРАЛЪ

НАХИМОВЪ".

Петербургъ,
1904 г.

2-е изданіе.
Ц. 1 р 25 к.

Священникъ

Н. ДЪЯКОВЪ.

801-19

214

ГОДЪ

НА КРЕЙСЕРЪ

**„АДМИРАЛЪ
НАХИМОВЪ“.**

- I. Въ Европейскихъ водахъ.
II. У азиатскихъ береговъ.
III. На стражѣ въ Китаѣ.

Второе изданіе.

(Особымъ отдѣломъ Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія книга, въ изд. 1902 г., допущена въ ученич. библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки)

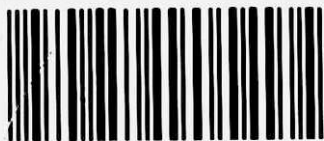
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Артели Печатн. Дѣла, Невск. просп., 61.

1904

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 декабря 1903 г.

2007048536

Типографія „Артели Печатнаго Дѣла“, Невскій, д. № 61.

Оглавленіе.

	СТРАН.
Вмѣсто предисловія	1— 6
I.	
Въ европейскихъ водахъ.	7— 92
II.	
У азіатскихъ береговъ.	93—178
III.	
На стражѣ въ Китаѣ	179—247
Приложенія	249—254

ЗАПИСЫВАЯ свои путевыя впечатлѣнія и собирая матеріаль для настоящей книжки, я заботился только о томъ, чтобы сохранить въ памяти тѣ картины жизни различныхъ народовъ, которыя встрѣчались на пути «Нахимова» изъ Россіи на Дальній Востокъ, и—въ связи съ этимъ, не могъ умолчать о нѣкоторыхъ сторонахъ жизни на крейсерѣ, говоря о нихъ слогомъ простаго наблюдателя, а не специалиста моряка.

Само собою понятно, что при такой скромной задачѣ, я не могъ стремиться къ обобщенію отдѣльных и случайныхъ явленій, а тѣмъ болѣе къ проведенію опредѣленныхъ своихъ тенденцій въ характеристику жизни, природы и людей, встрѣченныхъ на всемъ переходѣ въ Китай. Для меня, въ положеніи любопытствующаго путешественника, наиболѣе выгоднымъ и единственно цѣннымъ оставалось совершенно объективное отношеніе

къ случайнымъ встрѣчамъ, картинамъ и впечатлѣніямъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ весь собранный матеріалъ, будучи видоизмѣненъ временнымъ настроеніемъ, потерялъ бы свою цѣнность въ будущемъ даже и для меня лично. На этомъ основаніи я старался и въ описаніяхъ, и въ характеристикахъ не сгущать красокъ тамъ, гдѣ сгущало ихъ мое временное настроеніе, и не разрѣжать ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мое личное чувство стремилось видѣть другую, болѣе выгодную картину.

Въ виду этого я могу ожидать, что мои записки не смогутъ удовлетворить всѣмъ тѣмъ требованіямъ, какія къ нимъ, естественно, будутъ предъявлены; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ же чисто-объективномъ отношеніи своемъ къ описываемому матеріалу я нахожу для себя надежду, что мои записки прочтутъ *sine ira et studio*.

Для меня важно здѣсь же отмѣтить и тѣ мысли, которыя невольно возникли, уже много спустя послѣ путешествія, когда я перечитывалъ свои записки. Эти мысли, какъ результатъ обзрѣнія всего собраннаго матеріала, конечно, должны были бы помѣщаться въ заключительной главѣ и составлять, такъ сказать, послѣсловіе, но въ такомъ случаѣ долженъ былъ бы значительно видоизмѣ-

ниться характеръ и планъ моихъ записокъ, на что я, по нѣкоторымъ причинамъ, не рѣшился, стараясь сохранить ихъ въ томъ непосредственномъ видѣ, въ какомъ они у меня естественно вылились, подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ картинъ и складывались на основаніи компетентныхъ источниковъ ¹⁾.

Съ давнихъ поръ путешествіе служить заключительною ступенью образованія, непосредственно разясняя развитіе и ростъ человѣчества въ его государственныхъ, социальныхъ, бытовыхъ и религиозныхъ особенностяхъ,—и тѣмъ приближая къ пониманію всего строя жизни людей. Въ живомъ впечатлѣніи путешественника наглядно опредѣляется связь, какая существуетъ между особенностями страны и народа, и непосредственно замѣчается то вліяніе, какое оказываетъ стихія на культурныя, бытовыя и религиозныя особенности той или другой націи. Благодаря этому, непосредственно устанавливается связь между географіею и исторіею, — и въ простомъ ознакомленіи путешественника съ географическими и этнографическими особенностями различныхъ странъ рельеф-

¹⁾ Таковы—„Земля и Люди“, Э. Реклю, Спб., 1885 г.; „Китайцы и ихъ цивилизація“, И. Коростовецъ, Спб., 1898 г.; „Записки миссіонера“, архим. Сергій, Арзамасъ, 1897 г.; „Кр. мор. словарь“, В. Вахтинъ, Спб., 1876 г.; „Мор. термин.“, кап. 1 р. Сорохтинъ, 1872 г., и др.

но выступают и историческіе прецеденты развитія жизни человѣчества.

Въ длинномъ переходѣ «Нахимова» изъ Россіи въ Китай, изъ культурной Европы къ колыбели человѣчества, Индіи, и отсюда къ застывшему въ своихъ вѣковыхъ традиціяхъ, Китаю, — приходилось непосредственно созерцать, какъ въ калейдоскопѣ; смѣну разнообразныхъ по своему историческому значенію картинъ, въ которыхъ прошлыя черты древнѣйшей жизни человѣчества выпукло выдѣлялись изъ современной культуры, характеризую стадіи жизни и развитіе людей. Такія картины, содержаніемъ своимъ касающіяся Западной Европы, у меня едва отмѣчены въ виду того, что сказать здѣсь что-нибудь новое и, тѣмъ болѣе, значительное едва-ли бы удалось: такъ много достойнаго вниманія встрѣчается въ этомъ направленіи въ самобытной и переводной нашей литературѣ. Другое отношеніе къ матеріалу, наблюдаемому на Востокѣ, руководило моимъ вниманіемъ и побуждало мысль. О Востокѣ литература наша далеко не богата, и тѣмъ болѣе легко было наблюдать жизнь Востока, что тамъ туземцы живутъ особнякомъ отъ европейцевъ, не заимствуя отъ нихъ ничего, а рѣзко и настойчиво сохраняя свой бытъ и свои старыя особенности. Эти явленія, выдѣляя куль-

турныя особенности различныхъ эпохъ, невольно привели меня къ тому любопытному заключенію, что всѣ народности Азіи, оставшись здѣсь неподвижно, послѣ переселенія отсюда народовъ въ Европу, сохранили неподвижною и свою культуру, выжидая того времени, когда вышедшій отсюда въ Европу народъ совершитъ свой культурный оборотъ въ Европѣ и Америкѣ и снова потечетъ обратно въ Азію, выйдя изъ которой онъ нѣкогда положилъ начало новой исторической жизни Европы.

Современныя стремленія европейцевъ на Востокъ навели меня на мысль, что эти обратныя движенія народовъ уже начались. Борьба у стѣнъ Китая, имѣющая всемірный политическій интересъ и собравшая сюда всѣ націи, ясно показала, что Азія привлекаетъ теперь вниманіе всей Европы, — и нужно ждать, что теченіе народовъ обратно въ Азію приметъ рано или поздно рѣшительный характеръ и естественно выразится въ такихъ размѣрахъ, которые рѣзко раздѣлятъ современную жизнь отъ новой жизни на азіатской почвѣ. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ завоевательномъ походѣ европейцевъ на Востокъ естественно должны столкнуться между собою разнообразныя особенности

культурнаго строя различныхъ націй, а это столкновение повлечетъ за собою извѣстную ассимиляцію, которая и установитъ принципы новой жизни и положитъ грань новѣйшей эпохѣ исторіи.

Всѣ эти мысли явились у меня невольно, какъ результатъ анализа явленій и событій Востока. Каково историческое значеніе этихъ событій и какова достовѣрность моихъ выводовъ,—объ этомъ скажетъ будущее.

I. ВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ВОДАХЪ.

„Холодна въ синемъ морѣ волна,
И глубоки пучины морекія“...

Шелли.

Первые сутки въ морѣ.

ОТЪ стѣнки Кронштадтской гавани уходя въ гор. Ревель крейсера 1 ранга, гвардейскаго экипажа, «Адмиралъ Нахимовъ» назначенъ въ 8 часовъ утра 10 ноября 1899 года.

Счеты съ берегомъ закончены съ вечера. Идетъ судно съ 548 нижними чинами, съ 200 рабочихъ, при 21 офицерѣ и 15 указателяхъ, завѣдующихъ разнаго рода работами, которыя предположено окончить въ Ревелѣ. Переходъ—небольшой, около 190 морскихъ миль; скорость хода предположена экономическая,—по 10 узловъ въ часъ ¹⁾.

¹⁾ Морская миля равняется $1\frac{3}{4}$ версты; весь переходъ составляетъ около 332 сухопутныхъ верстъ. Милю въ разговорномъ обиходѣ называютъ и нынѣ „узломъ“. Но, по научной терминологіи паруснаго флота, узелъ равняется $\frac{1}{120}$ части

Но въ день, назначенный для ухода судна, очень свѣжій NW,—сѣверо-восточный вѣтеръ не позволилъ вывести судно въ тѣсныя ворота за стѣнку гавани. Тоже, при нѣкоторыхъ побочных обстоятельствахъ, случилось и на другой день. И только **12 ноября**, съ 8 часовъ утра, по три паровыхъ катера съ носа и кормы нашего крейсера приняли перлиня ¹⁾.

Медленно тронулся съ мѣста морской великанъ,—стройный крейсеръ, замѣчательно пропорціональный во всѣхъ своихъ частяхъ,—по водоизмѣщенію около $8\frac{1}{2}$ тысячъ тоннъ ²⁾ занимающій почтенное мѣсто въ русскомъ военномъ флотѣ. Отнынѣ это: «нашъ домъ—наша крѣпость», говоря въ собственномъ смыслѣ ³⁾.

Въ пасмурно-туманномъ, неподвижномъ воздухѣ стоитъ —3°. Тонкій ледъ, покрывшій за ночь поверхность гавани, легко уступаетъ дорогу судну, ломаясь и нѣжно звуча по бортамъ, какъ высоко настроенный колокольчикъ. Кругомъ — торжественная тишина; ни возгласа на суднѣ, ни звука посторонняго, — только усиленно пыхтятъ

итальянской мили, т. е. 50 фут. 8 дюйм., и на дѣлѣ считается онъ только въ 48 фут. Сколько узловъ высучить лагъ лини (см. примѣч. на стр. 12) въ теченіе 30 сек., столько миль судно проходитъ въ часъ. Объяняется это тѣмъ, что 30 секундъ составляютъ $\frac{1}{120}$ часть часа и узелъ тоже равенъ почти $\frac{1}{120}$ части мили.

¹⁾ Толстые, отъ 4—6 дюймовъ, чаще—проводочные, стальные канаты, свитые изъ 3—4 тросовъ, т. е. веревокъ.

²⁾ Тонна равняется 60 пудамъ.

³⁾ Англійская пословица: „My house is my castle“.

пароходы, ведущіе судно, да перлиня поскрипываютъ въ клюзахъ ¹⁾. Крейсеръ, какъ хорошо дисциплинированный матросъ, всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ выражаетъ полное послушаніе шести катерамъ — пигмеямъ, которымъ онъ отданъ во временное подчиненіе. Но въ глубинѣ его корпуса, во всей полнотѣ безчисленныхъ механизмовъ, кипитъ и бурлитъ внутренняя сила и мощь, готовая проявиться самостоятельно, по первому позволенію тѣхъ нѣсколькихъ людей, что высоко вырисовываются на верхнемъ, командномъ мостикѣ.

Вотъ, съ сосѣда по стоянкѣ въ гавани, съ адмиральскаго судна «Севастополь», проиграли намъ прощальный маршъ. На любезность отвѣчаемъ музыкою же и, счастливо пройдя ворота гавани, на свѣжей водѣ рейда даемъ первый—тихий, но могучій оборотъ обоимъ винтамъ судовой машины.

Ожилъ крейсеръ, встряхнувшись весь, и вдругъ на глубину 25 футовъ своей посадки въ водѣ. За кормою его зашумѣлъ бурунь поднятой со дна мутной воды. Буксирующіе катера стремительно бросились въ стороны, сберегая себя. Своеобразно пропѣла у насъ паровая сирена, замѣняющая сигнальные свистки торговыхъ пароходовъ. На низко, съ покорностію склонившіеся трижды предъ стар-

¹⁾ Это сквозныя отверстія или уключины по бортамъ судна, назначеніе которыхъ, между прочимъ, предохранять палубу отъ тренія канатами (швартовыми), пропускаемыми сквозь нихъ.

шимъ своимъ братомъ, военнымъ судномъ, флаги купеческихъ русскихъ и иностранныхъ судовъ, однажды приспущенъ у насъ синій въ бѣломъ квадратъ Андреевскій крестъ военного кормоваго флага. Молчаливо обмѣнялись прощальнымъ благожеланіемъ съ единственно оставшимся на внутреннемъ рейдѣ военнымъ судномъ, броненосцемъ береговой обороны «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ».

Наконецъ, при самомъ тихомъ ходѣ нашего крейсера, провожавшіе съ брандвахты ¹⁾ родные и знакомые **прокричали намъ**—«ура» и получили троекратный, дружный отвѣтъ нашъ въ полтысячи голосовъ. Ванты ²⁾, бортъ, рубки, мостики усыяны матросами; офицеры машутъ на берегъ фуражками и платками.

Къ 10 часамъ сигналъ отъ командира въ машину прибавилъ ходу «до средняго». Тотчасъ и ясно ощутился по всему крейсеру мягкій, но энергичный толчекъ впередъ. Сильнѣе зашумѣлъ ледъ по бортамъ, за кормою круче засеребрилась струя вспѣниваемой воды. Синяя полоса полыньи въ

¹⁾ Въ Кронштадтѣ это — сторожевой постъ у выхода на рейдъ, а вообще—караульное судно въ гавани или на рейдѣ (значительно обширной части моря, защищенной отъ вѣтра берегомъ и островами или искусственною стѣнкою, моломъ).

²⁾ Это — толстыя веревки, большею частью — проволочныя, которыя держатъ мачту съ боковъ и сзади, почти всегда перевязанныя между собою попарно тонкими, смоляными веревками (выблинками), придающими видъ лѣстницы, ведущей на мачту. Морскія оваціи, сопровождаемыя командою—«по вантамъ», соединяются съ криками «ура» и пр.

пройденномъ ледѣ опредѣленно суживается по направленію къ покидаемому берегу. Настали минуты послѣдняго прощанія съ Кронштадтомъ... Глубоко, въ молчаніи переживаются онѣ.

Но непродолжительно было торжественное раздумье, охватившее всѣхъ на суднѣ. Скоро показался старшій артиллерійскій офицеръ,—небольшого роста, съ зоркими глазами и строго-оффиціальнымъ лицомъ, — будто весь сотканный изъ однихъ нервовъ, словно прокопченный пороховымъ дымомъ. По краю верхняго мостика, гдѣ сосредоточивается все управленіе судномъ, проходитъ онъ съ праваго борта на лѣвый, осматриваясь въ ожиданіи распоряженія командира.

— «Начать салютъ,» — негромко приказываетъ послѣдній чрезъ вахтеннаго начальника.

— «Флагъ пристопорить,» — рѣшительно командуютъ съ вахты. Въ данномъ случаѣ полагается салютъ флагу порта, который и поднимается на мачту свернутымъ въ аккуратный комокъ матеріи, и эффектно раздвигается тамъ съ помощью двухъ тонкихъ бичевовъ, предварительно закрѣпленныхъ съ палубы.

— «Къ орудіямъ,» — вызываются люди. Одновременно встали люди при орудіяхъ и развился флагъ. Горнисть, по приказу съ вахты, играетъ сигналъ на—«товсъ» ¹⁾.

— «П-первая!» — громко командуетъ съ мости-

¹⁾ То есть, «готовься»...

ка артиллеристъ и, вмѣстѣ со взмахомъ руки его вправо, гулко гремитъ выстрѣлъ пушки съ праваго борта. Слѣдуетъ, потомъ, размѣренный переходъ этого маленькаго Юпитера на лѣвый бортъ.

— «Втор-рая!..» — взмахъ руки влѣво, громъ и молнія выстрѣла съ лѣваго борта.

— «Тр-ретья... — чет-вертая...» — и снова: — «п-первая...» — отчетливо рѣзко, съ правильными промежутками раздается команда. Первые семь выстрѣловъ прощальнаго салюта въ честь родной колыбели, Кронштадскаго порта, огласили окрестности и потрясли самое судно. Со стѣнки порта ясно слышится соотвѣтствующій салютъ.

Но вотъ и послѣдній отзвукъ берегового эха замираетъ вдали. Крейсеръ — въ морѣ. Знакомые берега медленно уходятъ изъ глазъ. Съ кормы судна опустили лагъ ¹⁾. Дано, по звонку въ машину, условно полное, на 10 узловъ хода, число оборотовъ обоимъ винтамъ. Слышится новая команда...

— «Подвахтенные — вниз!» — и большая часть людей на суднѣ идетъ по своимъ специальнымъ занятіямъ.

— «На бакъ открыть фитиль», — и можно курить въ указанномъ мѣстѣ, причемъ зажигать спичку не допускается, а слѣдуетъ брать огонь отъ общаго фитиля.

... ¹⁾ Лагъ (патентованный) состоитъ изъ вертушки (винта) или колесика съ лопастями; выброшенный съ кормы на крѣпкой бичевкѣ (шнурѣ, линѣ), онъ крутится, вслѣдствіе упора.

— «Унтеръ-офицеры къ люкамъ ¹⁾», — свистать къ вину и — обѣдать. И баталеръ подалъ ендову съ виномъ; писарь приготовилъ списокъ команды для отмѣтки, кто выпилъ свою законную чарку. Весело наигрывая въ дудку, «пропѣли соловьи»

Морская жизнь началась.

надъ виномъ, по мѣткому выраженію матросовъ объ этомъ сигналѣ унтеръ-офицеровъ.

воды и въ зависимости отъ скорости хода судна; пройденное разстояніе опредѣляетъ онъ въ миляхъ съ помощью часоваго прибора, за который бечевка укрѣплена на борту.

¹⁾ Люкъ — квадратное отверстіе въ палубѣ, заключающее трапъ, лѣстницу. «Свѣтлый люкъ» прикрывается стеклянною рамой, поверхъ которой накладывается металлическая рѣшетка. Надъ «сходнымъ люкомъ» ставятъ иногда родъ деревянной коробки, называемой «рубкой», или утверждаютъ по угламъ четыре металлических стойки, связанные поручнями. Стойки служатъ основаніемъ для двухъ, накрестъ поставленныхъ на нихъ, дугъ, на которыя накладываютъ во время дождя парусинный чехоль.

Поданная командиру пробная миска командной пищи предложена уже старшему офицеру и вахтенному начальнику. Спустилась она и въ офицерскую каютъ-компанію.

Матросы садятся обѣдать въ 11 часовъ дня. Въ то же время въ офицерской каютъ-компаніи весело доканчиваютъ «пробу» ревизоръ, старшій докторъ, ротные командиры и любители.

— «Господа!..» — слышится вскорѣ призывъ старшаго офицера предъ накрытымъ къ офицерскому завтраку столомъ и, при наступившей тишинѣ, проситъ онъ же судового священника:

— «Батюшко, благословите...»

— «Аминь», — согласно протягиваютъ всѣ хоромъ на молитву и благословеніе — «ясти и пити».

При стоянкѣ судна на якорѣ, въ это время, для означенія общаго отдыха, поднимается наверху, на концѣ одной изъ рей¹⁾, сигнальный флажекъ.

Морская жизнь, — правильная смѣна труда и отдыха, началась. Походу благопріятствуютъ всѣ внѣшнія условія. За Толбухинымъ маякомъ²⁾ лишь легкая рябь морщитъ поверхность сгустившагося отъ холода верхняго слоя воды: это, какъ говорятъ образно, морское сало, — оно состоитъ изъ ледяныхъ иголокъ. Полный штиль. Яркое

¹⁾ Рей — рангоутное дерево, подвѣшенное за середину на мачтѣ. На крайнемъ концѣ такой поперечной перекладины передней мачты „отдыхъ“ держится съ 11 до 2 часовъ дня.

²⁾ Это — крайній, входной маякъ Кронштадскаго порта.

солнце временами прорывается въ морозномъ воздухѣ. Кругомъ — свобода полная, ни суденышка — по горизонту. Только отъ Кронштадта показался блѣдный дымокъ; отъ насъ не отстаютъ онъ: это «Апраксинъ». Онъ идетъ по одному съ нами курсу до г. Ревеля; далѣе назначеніе его — встать на зимовку въ Либавѣ, въ портѣ Императора Александра III.

Берега часть-другой едва виднѣются съ обоихъ бортовъ. Далѣе — совсѣмъ скрылись они; застилаетъ ихъ какая-то мутная изморозь въ воздухѣ. Скоро и солнце сядетъ; оно бросаетъ послѣдній, ярко-багровый лучъ заката, но уже безсильно разогнать эту муть, что виситъ въ воздухѣ какою-то густою паутиной, вызывая чувство безотчетной тоски и подавленности.

Къ 3 часамъ вечера спустили кормовой флагъ въ минуту, когда солнце сѣло за горизонтъ. Слышны стали первыя колыханія судна, пріятныя на первыхъ порахъ даже для новичка въ морѣ. Небольшой вѣтеръ чаще наноситъ туманную изморозь; появляется и сухой снѣжекъ.

Въ 6 часовъ офицеры обѣдаютъ, команда ужинаетъ, кромѣ безсмѣнныхъ командира и старшаго штурмана. Оба они уже обезпечены, хотя и каждый — про себя. Вѣтеръ и снѣгъ усилились; судно качается ровно и плавно; кругомъ — темно вдвойнѣ: осенняя ночь и густые хлопья снѣга скрываютъ возможность во время увидѣть отличительные огни встрѣчнаго судна или маяка.

Островъ Гогландъ долженъ бы открыться въ 7 час. вечера; не опредѣлившись въ мѣстонахожденіи судна по маяку этого острова, опасно идти далѣе. Но къ тому времени «заревѣлъ штормъ», оцѣниваемый по силѣ вѣтра въ 11 балловъ¹⁾. И этотъ вѣтеръ—еще бы не бѣда!—но поднялась снѣжная пурга. На верхней палубѣ не видно огней, расположенныхъ въ незначительномъ другъ отъ друга разстояніи; вездѣ электрическія лампы, почки сильнаго свѣта кажутся, съ трехъ шаговъ разстоянія отъ нихъ, мутными бѣловатыми пятнами; обмерзли и не даютъ свѣта отличительные по бортамъ фонари, красный и зеленый. А качаетъ уже такъ, что дверей въ каютахъ не удержатъ,—хлопаютъ. Тамъ что-то звонко разбилось, здѣсь упало и гремитъ желѣзо; за бортомъ по стали корпуса судна рѣзко гремитъ сердитая волна. Ходовые винты проскальзываютъ въ воздухѣ, когда корму поднимаетъ волною; могуче потрясается тогда все судно до основанія. Скрипъ дерева, лязгъ желѣза, свистъ вѣтра, непрерыв-

¹⁾ Силу вѣтра принято выразить 12-ти балльной системой Бофорта, по которой нуль означаетъ штиль (затишье), а 12 б.—ураганъ или сильный штормъ (до 120 ф. въ секунду). Вырываніе деревьевъ съ корнями, разрушеніе домовъ, переноска самыхъ тяжелыхъ вещей на значительное разстояніе, а на морѣ—потопленіе судовъ,—является обычнымъ результатомъ силы урагана. Чаше ураганы свирѣпствуютъ въ тропикахъ, но и здѣсь, не во всѣхъ долготахъ, а преимущественно въ двухъ странахъ: при Антильскихъ островахъ въ Мексиканскомъ заливѣ и въ Индійскомъ океанѣ, и тамъ и тутъ—во время равноденствія.

ные стоны и ревъ паровой сирены, пущенной во всю ея силу, чтобъ предупредить возможность столкновенія съ какимъ-либо судномъ,—одновременно все это настраиваетъ душу и неробкаго и бывалаго моряка—увы!—не къ легкимъ и пріятнымъ чувствованіямъ.

Очень многіе изъ новичковъ матросовъ и простыхъ рабочихъ страдаютъ морской болѣзнію. Никто еще и не ложился спать послѣ обшей вечерней молитвы въ 8 часовъ. Снѣжный ураганъ продолжается, усиливаясь порывами. Такъ какъ въ морѣ не видно ни зги, то крейсеръ начинаетъ ходить въ открытомъ мѣстѣ, именно—между островами Гогландомъ иommerсомъ, туда и обратно—разъ за разомъ, и—такъ до 7 часовъ утра, пока, наконецъ, погода, при измѣнившемся вѣтрѣ, не прояснилась и оказалась возможность увидѣтьommerсъ, а потомъ—и Гогландъ.

Ужасная ночь! никто не спитъ. На поворотахъ судно кренить; подвѣшенные къ потолку холщевыя койки съ матросами круто мотаются; расположившіеся прямо на палубѣ рабочіе въ дремотѣ скатываются со своихъ мѣстъ и больно давятъ другъ друга. Вахта съ 12 до 4 часовъ ночи, на субботу¹⁾, особенно тяжела для офицеровъ,

¹⁾ У моряковъ есть предразсудокъ относительно „тяжелыхъ дней“: пятницы и понедѣльника, и 13 числа въ мѣсяцѣ, когда они набѣгаютъ сниматься съ якоря и уходить въ море, а сейчасъ—ночь съ 12 на 13 ноября и день—пятница.

обязанныхъ быть на командномъ мостикѣ. До крови рѣжетъ глаза холодный снѣжный вѣтеръ, а «впередъ смотрѣть» необходимо, при данныхъ условіяхъ плаванія, съ неослабѣвающимъ вниманіемъ. У одного офицера отъ холода и сырости подъ ногами примерзли подошвы новыхъ резиновыхъ галошъ къ палубѣ верхняго мостика, и когда онъ порывисто тронулся, то подошвы остались на мѣстѣ. Чтобы удержаться за поручни мостика, надо употребить немалое и постоянное усиліе, а между тѣмъ старшему штурману придется подыматься еще выше по узкому трапу ¹⁾, на совершенно открытое для вѣтра мѣсто къ главному компасу. Тамъ сорвало съ него вѣтромъ и унесло въ море фуражку, несмотря на то, что она, буквально, привязана была къ головѣ башлыкомъ, и башлыкъ, надуваемый вѣтромъ спереди, до боли ломилъ ему шею. Въмѣсто лицъ у всѣхъ стоящихъ на вахтѣ образовались какіе-то безформенные комья снѣга и льда.

Послѣ 2 часовъ ночи, времени вторичнаго поворота крейсера отъ Гогланда къ Коммерсу, скорѣе—по предчувствію, свойственному опытному моряку при крайнемъ напряженіи его нервовъ, нежели по отчетливому сознанію, показавъ на вахтѣ, будто промелькнули вблизи ка-

¹⁾ Эта лѣсенка очень крутая, съ двумя поручнями. На высоту отъ воды она соотвѣтствуетъ третьему этажу какой-либо большой мануфактурной фабрики, и выводитъ на очень тѣсную площадку, занятую компаснымъ столбомъ.

кіе-то огни. Явилось предположеніе о близости «Апраксина». И, дѣйствительно, какъ оказалось послѣ, догадка эта имѣла за собою полную вѣроятность. Тогда выяснилось, что только благодаря Бога, опасность столкновенія судовъ благополучно миновала.

Но—какому грустному зрѣлищу мы были свидѣтелями утромъ, послѣ восьми часовъ! Когда проходили южную оконечность острова Гогланда, въ глазахъ вахтенныхъ промелькнулъ вдругъ въ неясномъ разсвѣтѣ дня огонь пушечнаго выстрѣла и сиротливо прозвучалъ, затѣмъ, едва слышимый за сильнымъ противнымъ вѣтромъ, самый звукъ его. Тотчасъ же замѣченъ былъ этотъ печальный сигналъ и вѣрно понятъ онъ, къ общему ужасу. Ясно справа усмотрѣны были двѣ трубы и корпусъ низко опустившагося въ воду судна. Носъ судна, казалось, вылѣзъ на самый берегъ юговосточной стороны острова, въ одной приблизительно милѣ разстоянія отъ южнаго краснаго маяка.

— «Апраксинъ выскочилъ на берегъ!» — вырвалось восклицаніе съ вахты.

— «Апраксинъ — на Гогландѣ!» — пронеслась вѣсть въ офицерскую каютъ-компанію, по жилымъ палубамъ и вездѣ, гдѣ только были люди. Въ общемъ смятеніи толпою выскочили всѣ наверхъ.

Крейсеръ, сильно накренившись на крутомъ поворотѣ, быстро идетъ къ погибающему собрату.

Страхъ неизвѣстности, общій ужасъ и смя-

теніе уступаютъ мѣсто горькому чувству сожалѣнія, тоска охватываетъ сердца, у многихъ—слезы на глазахъ... Забыто въ первое время, что и мы сами совершенно въ такомъ же положеніи могли бы оказаться за эту непроглядно-мрачную ночь. Разобрались и сообразили, что и нашъ крейсеръ, несмотря на принятыя мѣры, выразившіяся, между прочимъ, и въ томъ, что всѣ свои повороты между Гогландомъ и Соммерсомъ мы намѣренно дѣлали противъ вѣтра, чтобы не быть снесенными къ которому-либо изъ этихъ острововъ,—все же не доходилъ до Гогланда какихъ-либо полутора миль.

Опасность быть снесенными еще ближе къ берегу и ткнуться въ островъ угрожала и намъ, равно съ «Апраксинымъ».

Иныя предположенія о причинахъ катастрофы съ броненосцемъ, наприимѣръ, что «Апраксинъ», не видя маяка съ Гогланда, рискнулъ пройти мимо этого острова, едва ли должны оправдаться форменнымъ дознаніемъ, хотя за такое объясненіе могутъ быть указаны нѣкоторыя вѣроятности.

Слѣдующіе два часа своихъ первыхъ сутокъ плаванія мы проводимъ около «Апраксина». Спускаемся кормою, по возможности, ближе къ нему, и начинаемъ переговоры сигналами ¹⁾. Чѣмъ помочь

¹⁾ Сигналы набираются изъ небольшихъ флаговъ, условно означающихъ буквы и цѣлыя фразы морского обихода. Сигналь „съ пушкой?“ (когда вмѣстѣ съ подъемомъ сигнала про-

погибающему судну, спаслись ли люди, нѣтъ ли убитыхъ и раненыхъ, сброшенныхъ въ море или ошпаренныхъ, при вѣроятности, что паровыя трубы машиннаго отдѣленія могли лопнуть отъ силы удара корпусомъ въ берегъ?—на камняхъ или на пескѣ сидитъ броненосецъ?—только и думъ, только и разговоровъ...

Погода стоитъ холодная; вѣтеръ очень свѣжій, но пасмурности не осталось и слѣда. Видно, что отъ броненосца до береговыхъ камней остается не болѣе трехъ—пяти сажень. Въ передней части броненосца, съ фокъ-мачты, высоко натянуты и укрѣплены за береговыя деревья леера ¹⁾, по которымъ въ особомъ приборѣ, составленномъ изъ двухъ парусинныхъ мѣшковъ, переправлена команда, теперь тревожно копошащаяся на снѣгу. Трубы судна значительно склонились на лѣвый бортъ. Эта сторона броненосца лежитъ въ водѣ по самые иллюминаторы ²⁾; чрезъ правый, приподнятый бортъ, летятъ по всей палубѣ брызги волнъ. Корма кажется низко запавшею на глубину и волна нерѣдко заливаетъ эту часть верхней палубы ³⁾.

изводится выстрѣлъ изъ пушки) означаетъ, что требуется скорое исполненіе, или—что дѣлается выговоръ лицомъ, власть на то имѣющимъ.

¹⁾ Это—легкіе и прочные канаты, приготовляемые изъ манильскаго троса,—изъ прядей блестящаго бѣлаго волокна, получаемого съ острова Манилы.

²⁾ Иллюминаторъ—толстое круглое стекло или стеклянная призма, вставляемая въ прочную раму по бортамъ судна и въ палубу, вмѣсто оконъ.

³⁾ „Волна ходитъ чрезъ ютъ“, по выраженію моряковъ.

Сигналами выяснилось, что «Апраксинъ» выско-
чилъ на Гогландъ около трехъ часовъ ночи, не
замѣтивъ за пургою краснаго маяка. При ударѣ
подводною частію о прибрежные камни пробиты
у него въ днищѣ три носовыхъ отдѣленія, кото-
рыя и залило водою. Вода наполнила только
одну носовую кочегарню, машина и котлы сча-
стливо уцѣлѣли отъ взрыва. Команда не постра-
дала и, переправленная на берегъ, вошла уже въ
сношеніе съ мѣстною деревнею рыбаковъ-чухон-
цевъ. Въ кормовой части судна командирское и
офицерскія помѣщенія остаются сухими, но хо-
лодными, такъ какъ паровое отопленіе прекра-
щено, по необходимости.

— «Прошу прислать помощь паровыми су-
дами», разобрали у насъ послѣдній сигналъ съ
«Апраксина». За судами и вмѣстѣ съ тѣмъ, по
назначенію своему, немедленно спѣшимъ мы въ
Ревель.

Кромѣ первыхъ сутокъ въ морѣ, остальной
переходъ до Ревеля совершенъ благополучно.

Пришли на рейдъ въ 6 час. вечера 13 ноября.
Отсюда сигналами дали знать въ городъ о ка-
тастрофѣ съ «Апраксинымъ». Телеграммы тотчасъ
разнесли эту вѣсть по всей Россіи.

Отъ Ревеля до Киля.

Продолжительная стоянка въ Ревельской га-
вани зимою, со второй половины ноября по 25
января, наскучила разными житейскими неудоб-
ствами.

Каюты офицеровъ и командныя помѣщенія на
крейсерѣ достаточно приспособлены къ зимнему
плаванію, такъ какъ отопляются паромъ, но душ-
но и томно чувствуется въ нихъ при недостаткѣ
свѣжаго воздуха, и—особенно, при полномъ по-
чти отсутствіи солнечнаго свѣта. Всѣ выходные
люки и пушечныя башни, имѣющія сообщеніе съ
жилою палубой, обшиты сейчасъ деревомъ и по-
крыты толстыми парусинными чехлами для сбе-
реженія тепла, но при частой необходимости
входа и выхода людей, люки пропускаютъ прямо
въ жилия помѣщенія рѣзкій наружный воздухъ.
Сталь бортовъ въ каютахъ, едва покрытая тонкою
обшивкой дерева, нахолодилась отъ мороза такъ,
что стѣнки отпотѣваютъ, по нимъ постоянно те-
кутъ струйки воды. То бокъ, то руку пронизы-
ваетъ во снѣ рѣзкій холодъ, идущій отъ борта;
отъ сквозняковъ значительно прибыло больныхъ.
Крейсеръ кругомъ обмерзъ; ходятъ на берегъ по
льду. Станнымъ кажется такое «плаваніе», и

внутреннее настроеніе плавателей не обычное, веселости мало.

Вообще, все время стоянки въ Ревелѣ напоминало тѣ торжественно томительныя минуты, когда, по старому обычаю, предъ дальнею дорогой «присаживаются», чтобы встать для напутствій и прощальныхъ слезъ.

Интересы провинціанальной общественной жизни полунѣмецкаго города, каковъ Ревель, скоро были исчерпаны. Городской клубъ, военное собраніе, морская библіотека, нѣсколько знакомыхъ домовъ привлекли офицерство на самыхъ первыхъ порахъ стоянки, но ненадолго. Личныя стремленія у каждаго были на сторонѣ близкаго, родного Петербурга, и онѣ такъ легко и безпрепятственно могли быть удовлетворены, что связь съ Ревельскимъ обществомъ не пошла дальше соблюденія нѣкоторыхъ необходимыхъ правилъ вѣжливости и общежитія. Не по одному разу съѣздили въ Петербургъ... Къ нѣкоторымъ пріѣзжали ихъ семьи... По правдѣ сказать, много скрашиваетъ и смягчаетъ холостое положеніе офицеровъ и команды хотя бы минутное присутствіе на суднѣ родныхъ женщинъ, и особенно родныхъ дѣтей.

Съ другой стороны, однообразныя работы по судну, стукъ и громъ желѣза, трескъ и визгъ сверль по стали, грязь и непорядливость въ обстановкѣ, производимыя рабочими, навели на всѣхъ томительную тоску. Съ уходомъ судна нетерпѣливо ждали лучшаго будущаго.

Непосредственныя распоряженія къ выходу изъ гавани на рейдъ получены на суднѣ къ 20 января.

Крейсеръ готовъ къ походу. Кое-какія мелочи по ремонту легко закончить своими средствами; остается лишь исполнить послѣднія важныя формальности по испытанію артиллеріи и по штурманской части. У высшаго начальства желаніе отправить судно вызвано сознаниемъ неизвѣстности всѣхъ условій такого поздняго зимняго перехода, какой предстояло сдѣлать намъ впервые изъ всѣхъ судовъ Балтійскаго военнаго флота, и... пр.

День выхода въ море, направленіе вѣтровъ во время перехода и зависящее отъ нихъ расположеніе льдовъ,—все заранѣе горячо обсуждалось. Безпокоило, больше всего, мѣстное наблюденіе, что къ мѣсяцу февралю Ревельскій рейдъ и выходы изъ него обычно покрываются сплошнымъ льдомъ, наносимымъ изъ шхеръ Финляндіи. До сихъ поръ самая гавань здѣсь то покрывалась льдомъ, то очищалась при довольной оттепели и южномъ вѣтрѣ, а внѣшній рейдъ все время оставался сравнительно удобопроходимымъ для судовъ.

Свѣдѣнія о состояніи открытаго моря отбирались съ приходящихъ въ портъ иностранныхъ купеческихъ судовъ и до 20-го января были вполне благопріятны. Но съ 23-го января получены нарочитыя телеграммы; одна изъ нихъ, съ верхняго маяка острова Дагерорта, извѣщала о появленіи тамъ льдовъ, а другая съ береговъ Финляндіи,

сообщала о сплошномъ льдѣ, видимомъ по всему горизонту.

На суднѣ заспѣшили уходомъ. По этой причинѣ оказалось необходимымъ отложить испытаніе артиллеріи. Только къ ночи 23-го января успѣли «вытянуться» изъ гавани на внѣшній рейдъ.

На другой день прибывшая изъ Петербурга комиссія опредѣляла, посредствомъ извѣстныхъ наблюдений и математическихъ вычислений, производимыхъ на ходу судна, разницу между показаніями компасовъ и истиннымъ направленіемъ магнитной стрѣлки. Но къ вечеру этого дня быстро упалъ туманъ; ходить по рейду въ наступившей темнотѣ не рисковали и комиссія отвѣтственного дѣла своего, — «опредѣленія девиации» ¹⁾, къ общему огорченію, немного не кончила.

Разъяснило погоду только къ вечеру 25-го января. Тогда, къ 4—5 часамъ, комиссія завершила свои работы. Крейсеръ теперь былъ свободенъ и вполне готовъ къ уходу за-границу.

Въ послѣдніе дни стояли западные и юго-западные вѣтры, — погода была сырая. Но вотъ, подулъ съ сѣвера, круто измѣнилась и погода. Въ ночь на 26-е января сухой морозъ дошелъ до

¹⁾ Девиация — погрѣшность компаса, происходящая отъ вліянія на него судового желѣза, которую необходимо имѣть въ виду при ежечасномъ сличеніи проложеннаго по картѣ курса и дѣйствительно пройденнаго судномъ пути. Объ ошибкахъ въ опредѣленіи девиации, неисправленныхъ своевременно, говорятъ, что — „разницу раки съѣли“, намекая этимъ выраженіемъ на то обстоятельство, что все судно можетъ пойти ко дну, когда оно идетъ невѣрнымъ курсомъ.

— 4⁰, и еще съ вечера начало наносить обломки толстаго льда. Предположено было сняться съ якоря на другой день въ темнотѣ, чтобы не терять времени и почти съ одинаковымъ удобствомъ, какъ бы и днемъ, выйти съ рейда по створамъ маяковъ.

Думалось, какъ трудно собрать большое военное судно въ плаваніе! «Мучениками за свое дѣло» называютъ себя всѣ участники этихъ сборовъ, начиная со старшаго офицера и кончая самымъ невиднымъ во флотской іерархіи нижнимъ чиномъ. Не говоря о людяхъ, нужно приспособить «къ полной боевой готовности», какъ бы нѣсколько самостоятельныхъ фабрикъ...

Очень широко морское понятіе — «вооружить судно въ плаваніе».

Утромъ, **12-го января**, сняться съ якоря оказалось не легко. Морозъ сковалъ «найтовы» ¹⁾; едва только справились съ ними, какъ поломалась брашпильная машина, наматывающая на валъ паровымъ своимъ приводомъ якорную цѣпь. Пришлось «въ ручную выхаживать якорь», — работа медленная и тяжелая. Къ 7^{1/2} часамъ, однако, успѣли дать ходъ судовой машинѣ.

Пришла пора проститься съ послѣднимъ городомъ родины. Крейсеръ рѣшительно повернулъ къ выходу съ рейда. Идетъ онъ полнымъ ходомъ.

¹⁾ Найтовъ — обвивка тросомъ (мягкими концами веревокъ), соединяющая предметы, причемъ каждый круговой оборотъ называется шлагомъ.

Но уйти далеко не удастся. Предъ самымъ выходомъ съ рейда уже встрѣтили сплошное ледяное поле и не могли пробиться сквозь него. Повернули въ другой проходъ и здѣсь, чрезъ полчаса, встрѣтили такой же ледъ. Съ сожалѣніемъ должны были вернуться назадъ, на рейдъ.

Снова—у вчерашней якорной стоянки. Отдана уже и команда: «оба якоря приготовить къ отдачѣ». Приуныли всѣ, въ виду неизбежной, скучной стоянки на неопредѣленный срокъ.

Но вотъ совершенно неожиданно, съ моря на горизонтѣ показался во льдахъ дымъ приближающагося къ Ревелю судна; за первымъ замѣтили второй, меньшій дымокъ. Тотчасъ же опредѣлили, что это ледоколъ «Ермакъ» ведетъ во льдахъ какой-либо торговый пароходъ.

— «Какъ кстати! Откуда это «Ермакъ?»—радуются на полуютѣ офицеры, зная, что ледоколъ могъ бы вывести крейсеръ.

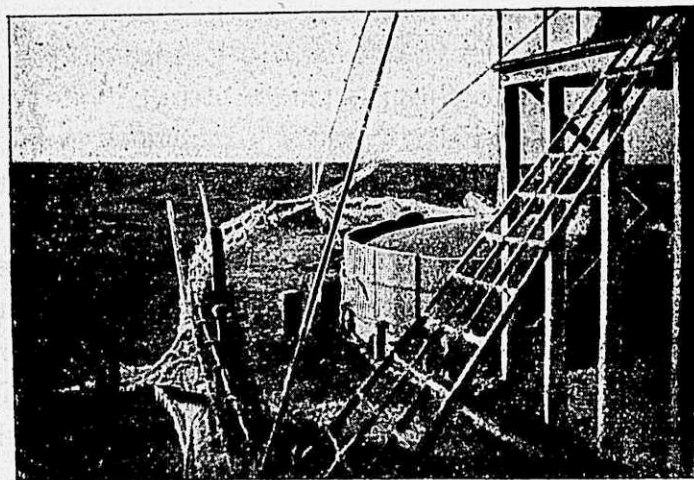
— «Господа, сигналъ... слышите, команда была: «набрать сигналъ».

— «Досадно было бы возвращаться на якорь»,—еще разъ вырывается сожалѣніе за собственное безсиліе пробиться во льдахъ и выражается надежда на скорую помощь. И, весело разговаривая, свободная отъ службы группа офицеровъ съ нетерпѣніемъ понуждаетъ поднимать набранный изъ разноцвѣтныхъ флаговъ, многосложный сигналъ. Между судами происходитъ продолжительный разговоръ.

— «Можете ли провести въ море?» — спрашиваемъ у «Ермака».

— «Да; идите за мною,» — быстро и увѣренно отсигналилъ онъ.

Далѣе выясняется, что до острова Дагерорта, на разстояніи 75 миль, стоитъ сплошной ледъ. Суда соглашаются между собою относительно скорости хода и другихъ условій пути.

„Въ походъ“.

Послѣ 9 часовъ смѣло врѣзываемся въ ледяное поле. Впереди ледоколъ идетъ легко и мягко; ледъ безъ большаго шума, незамѣтно будто таетъ подъ нимъ.

Не то происходитъ съ нашимъ, неприспособленнымъ къ плаванію во льдахъ, крейсеромъ. Здѣсь, по носу судна, ледъ собирается, шумно ломается,

горою, одна на другую ползуть отъ него во всѣ стороны льдины. Постоянный грохотъ и трескъ льда о стальной корпусъ заглушаетъ громкій разговоръ внутри офицерской каютъ-компаніи. На бакѣ ¹⁾ поталкиваетъ такъ, какъ бы и при землетрясеніи: ноги въ колѣнахъ подкашиваются отъ сотрясенія палубы послѣ боковыхъ ударовъ скулами судна ²⁾ въ правую или лѣвую цѣлины льда, который быстро сближается за кормой «Ермака». Внизу, по ватерлиніи ³⁾, внутри тараннаго отдѣленія страшно остаться на одну минуту. Тамъ отдается громъ ударовъ; перебаты эха заполняютъ все это небольшое пространство ⁴⁾; какъ туго натянутая струна, звенить здѣсь сталь корпуса судна, выдерживая всю силу напора льда.

«Ермакъ» считается шириною въ 60 футовъ, но это только въ широкомъ мѣстѣ надводнаго его пояса; къ ватерлиніи онъ суженъ. И еще—на ходу, обламывая ледъ подъ себя, онъ оставляетъ чистую полосу воды только въ срединѣ; по краямъ полыньи, на всемъ протяженіи пути за нимъ, торчатъ острые углы льда, нерѣдко выставляющіеся далеко внутрь, какъ зубья у пилы. При

¹⁾ Т. е., на верхней, передней части палубы, до фокъ-мачты.

²⁾ Выпуклости въ передней надводной части судна называются скулами.

³⁾ Это значитъ—по черту, на которую судно углубляется въ воду.

⁴⁾ Въ самой передней подводной части судна имѣется таранъ; по формѣ своей это—ножъ, выгнутый остриемъ впередъ: устои тарана занимаютъ внутри помѣщеніе, носящее названіе «тараннаго отдѣленія».

такихъ условіяхъ ширина свободной воды за кормою ледокола бываетъ не болѣе 55 футовъ. Кромѣ того, слѣдующему за ледоколомъ судну невозможно удержаться строго въ кильватеръ ¹⁾, такъ какъ силою сопротивленія разрушаемаго льда самъ «Ермакъ» часто и круто сбивается съ точнаго курса. Отсюда происходятъ неудобства проводки ледоколомъ большихъ военныхъ судовъ.

Нашъ крейсеръ долженъ бы взять свободную для прохода полосу воды не менѣе 60 футовъ, каковъ самъ шириною по ватерлиніи. Но этого, какъ сказано, «Ермакъ» не даетъ. Кромѣ того, крейсеръ, принужденный отчасти своею силою раздвигать ледъ, совсѣмъ не можетъ держать вѣрный курсъ. Руля не слушаетъ онъ,—поперемѣнно толкается то однимъ бортомъ въ цѣльный ледъ справа, то, въ силу отраженія удара, бьетъ влѣво другимъ бортомъ. Литой изъ цѣльной стали таранъ судна, конечно, отъ того не страдаетъ. Но слѣдующая часть, узкое, сажени въ три длиною, таранное отдѣленіе, снаружи называемое скулами судна, особенно чувствительно къ ударамъ о ледъ. Скулы эти не защищены броней, а между тѣмъ вся сила ударовъ падаетъ на нихъ. Въ подводной своей части и немного выше ватерлиніи онѣ только покрыты досками дерева лиственницы въ два ряда: поперечный рядъ имѣетъ два дюйма толщины и продольный—три дюйма, сверхъ всего

¹⁾ Т. е.—прямо въ струѣ воды, оставляемой идущимъ впереди судномъ.

мѣдная тонкая обшивка. Послѣднюю крейсеръ началъ терять по ватерлиніи отъ перваго же прикосновенія ко льду. Потомъ, перетирается и кусками остается на льду деревянная обшивка; опасность, далѣе, угрожаетъ и самому корпусу судна.

Какой странный, необычный видъ представляетъ сейчасъ море! Никто изъ нашихъ много плававшихъ офицеровъ судна не наблюдалъ еще его такимъ. Гладкая, ослѣпительно сверкающая подъ солнцемъ ледяная равнина искрится кое-гдѣ невысокими грядами торосовъ, образовавшихся въ спаяхъ между отдѣльными наносными льдинами. Проходятъ оба судна и за ними слѣдомъ вѣется такая же невысокая гряда тороса. И, удивительно!—сплошной ледъ во всѣ стороны, а между тѣмъ, за судами, на самомъ незначительномъ разстояніи, свободная полоса воды въ нѣсколько минутъ уже заполняется сдвигающимися массами цѣльнаго льда, гдѣ мелкія, разбитыя льдины поднимаются вверхъ, сжимаются и смерзаются въ торось. Даже вслѣдъ за «Ермакомъ» свободная полоса воды успѣваетъ замѣтно сѣзуться, пока мы проходимъ это незначительное пространство, на какомъ держимся за своимъ проводникомъ.

Идти впередъ становится труднѣе и труднѣе. Толщина льда скоро достигаетъ 2 футовъ. Удары скулами судна ужасны; удары ходовыми винтами по большимъ льдинамъ отдаются во внутреннихъ помѣщеніяхъ судна; они гремятъ глухо и угрожающе, какъ пушечные выстрѣлы.

Въ 10¹/₂ часовъ утра затерло насъ льдомъ. Полная сила обѣихъ машинъ не въ состояніи подвинуть судно; дѣлаются попытки тронуться взадъ или впередъ, но напрасно. «Ермакъ» же стремительно уходитъ и за нимъ затягивается свободная струя. Но онъ тотчасъ возвращается ¹⁾, подаетъ толстый перлинь и полнымъ ходомъ тянетъ буксиръ. Нашъ крейсеръ одновременно работаетъ подъ всѣми парами и, однако, ни тотъ, ни другой не подвигаются впередъ ни на шагъ. Тогда безполезный буксиръ «отдаютъ». Ледоколъ обходитъ кругомъ насъ два раза съ лѣвой подвѣтренной стороны, близко встаетъ впереди, осторожно сдается кормою почти до самаго нашего бака и, тогда уже, по разбитому льду вылѣзаемъ изъ тисковъ мы сами. Такія остановки повторялись еще шесть разъ до 10 часовъ ночи.

Особенно плотно засѣли мы въ 11 часовъ дня. Лѣвою скулою ткнулся крейсеръ съ 10 узловаго хода; послышался зловѣщій трескъ на бакѣ и судно круто остановилось. На этотъ разъ оправдались невысказываемыя до сихъ поръ опасенія: въ таранномъ отдѣленіи показалась сильная течъ, въ лѣвой запасной угольной ямѣ — тоже. Къ счастью, незадолго предъ тѣмъ трюмный механикъ устроилъ толстыя, деревянные распорки между обоими бортами въ узкомъ малярномъ помѣщеніи, занимающемъ средину тараннаго отдѣленія. Рас-

¹⁾ Въ первый разъ «Ермакъ» былъ возвращенъ по сигналу изъ пушки.

порки эти, пружинясь отъ удара снаружи, много смягчили силу его. Но, все же, между третьимъ и четвертымъ шпангоутомъ¹⁾ не выдержалъ одинъ стальной листъ корпуса. По ватерлинии во всю свою длину онъ лопнулъ; изъ трещины фонтаномъ брызнула внутрь вода. На глазахъ у людей, тутъ же, со звукомъ пистолетнаго выстрѣла выскочила и просвистѣла мимо головы матроса одна изъ заклепокъ въ сосѣднемъ листѣ корпуса. Воды быстро скопилось до 8 футовъ глубины, пока наскоро задѣлали трещину войлокомъ, обмазали саломъ и заклинили новыми распорками. Воду выкачали изъ всего отдѣленія въ самое короткое время²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, въ угольной ямѣ сорвало съ заклепокъ и отогнуло внутрь двѣ трети листа въ корпусѣ. Всю яму—и съ углемъ—тотчасъ же наглухо «задраили». И, вотъ, съ той минуты повезъ нашъ крейсеръ лишній грузъ морской воды.

— «Что-то еще дальше будетъ?!» — невольно думается.

— «Только бы машина не сдала»...—на всякій случай предупреждаетъ осторожный старшій механикъ, выдавшій на своемъ вѣку разные виды.

— «Въ заторахъ, на полномъ ходу винтовъ

¹⁾ Шпангоуты — это, такъ сказать, стальные ребра, положенныя въ основаніи судна и идущія въ вышину отъ киля.

²⁾ Водоотливныя турбины, дѣйствующія электричествомъ, выбрасываютъ за бортъ до 750 тоннъ воды въ часъ; самый моторъ (двигатель) даетъ отъ 400 оборотовъ въ минуту; такихъ машинъ на суднѣ нѣсколько.

каждая трубочка въ ней, матушкѣ, поетъ вотъ—какъ... Вмѣсто 75 оборотовъ въ минуту, вдругъ запыхтитъ, голубушка, и больше 52 оборотовъ не можетъ дать!» — нѣжно относится онъ же къ своей любимицѣ.

— «Да», — соображаетъ молодой корабельный строитель-инженеръ, идущій съ судномъ на случай исправленія пропусковъ и недодѣлокъ, возможныхъ при быстро исполненномъ ремонтѣ судна.

— «Пожалуй», — продолжаетъ онъ, подумавши, — «съ заходомъ въ докъ на мѣсяцъ, съ матеріаломъ, да съ чужими рабочими руками тысячъ въ сорокъ день-то нынѣшній и обойдется казнѣ».

— «Ахъ, хорошо бы въ Тулонѣ войти въ докъ», — далеко впередъ загадываетъ молодежь.

— «Сейчасъ бы оттуда—въ Канъ»...

Бодрое настроеніе поддерживается у насъ видомъ «Ермака». Какое это граціозное, легко послушное во льдахъ и внушительно сильное судно!

— «Пойдете-ли ночью?» — спрошенъ онъ сигналомъ.

— «Да», — получается короткій и увѣренный отвѣтъ.

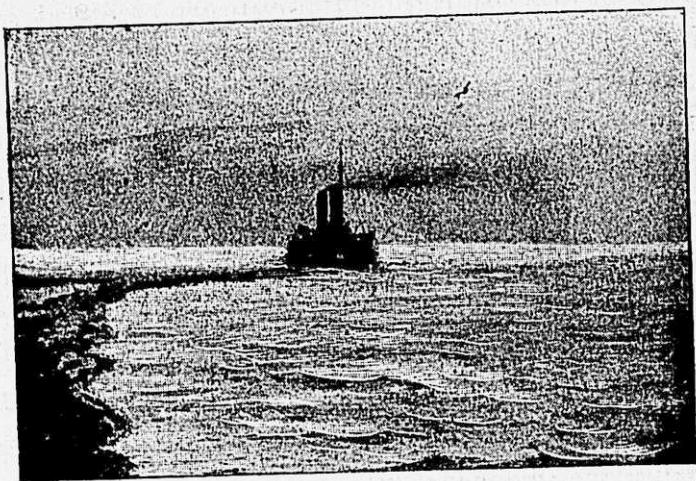
Сегодня въ 8 часовъ вечера особенно оживленно команда пропѣла общія молитвы передъ сномъ.

Ледъ—тоньше и тоньше. Поля его чередовались въ разную толщину: отъ 2 футовъ до 6 дюймовъ. Къ вечеру между отдѣльными полями встрѣчались полыньи въ цѣлую милю. Сейчасъ только

сплошное сало кругомъ и небольшіе куски льда дюйма въ 2 толщиною.

Ночи 11 часовъ. Полная луна и яркія звѣзды покрываютъ небо, а внизу — ровное, пустынное поле въ блѣдно-синемъ саванѣ...

27 января, 8 февраля ¹⁾. «Ермакъ» отпущенъ въ 2 часа ночи у острова Дагерорта. Далѣе—море

«Ермакъ» во льдахъ.

чистое и покойное. Вѣтеръ здѣсь другой; въ открытомъ Балтійскомъ морѣ круто измѣнился онъ въ западный, легкій. Термометръ держится еще на -3° , но морозъ мало чувствителенъ.

На суднѣ считаютъ полученные наканунѣ поврежденія. Назначена комиссія изъ состава офи-

¹⁾ Параллельный счетъ дней начался въ судовой жизни по новому стилю.

церовъ для точнаго опредѣленія и занесенія повреждений въ судовые акты. Въ Килѣ предполагается исправить все своими средствами настолько, чтобы имѣть возможность безопасно продолжать путь. Но необходимъ серьезный ремонтъ судна въ докѣ; это хотятъ отложить до юга Франціи, мотивируя тѣмъ, что тамъ, при дружественныхъ международныхъ и политическихъ отношеніяхъ, дни простоя въ казенномъ докѣ русскаго военнаго крейсера ничего ему не будутъ стоить и, такимъ образомъ, можно будетъ избѣжать расхода рублей на 200 въ день. Впрочемъ, говорятъ не мало объ удобствахъ и экономіи при работахъ въ Италіи и опредѣленно указываютъ на доки и казенныя мастерскія въ г. Спеціи. Туда, говорятъ, пошлютъ насъ потому, что рабочія руки въ Италіи дешевы, а доки—первостепенные.

Въ 10 часу утра остановили машину. Съ бортовъ осматриваютъ судно, ставя его подъ вѣтеръ то однимъ бортомъ, то другимъ. Перепуская прѣсную воду въ трюмахъ на одну которую-либо сторону, устраиваютъ кренъ на этотъ бокъ, чтобы удобнѣе было произвести осмотръ противоположнаго борта. Измочаленное дерево обшивки, искорверканные мѣдные листы и пр., замаскировываютъ снаружи отъ любопытнаго глаза нѣмца, которому не можемъ мы показаться въ лохмотьяхъ, когда придемъ въ Киль въ качествѣ гостей. Внутри судна трещины заливаются цементомъ и забинтовываются, какъ раны больного. Оказалась еще зна-

чительная трещина въ правой угольной ямѣ, давшая течь.

Пострадали за вчерашній день и двое изъ людей. Одному, при смазкѣ рулевой машины, разорвало мякоть между большимъ и указательнымъ пальцами правой руки. Другого довольно сильно ударило концомъ перлиня во время отдачи буksира на «Ермакъ».

Полдень. Все спокойно. По всѣмъ признакамъ надо считать намъ себя за-границею.

Сохранимое на суднѣ ревелское время въ первый разъ исправлено сейчасъ. Получилось вмѣсто 11 часовъ 52 минутъ, только 11 часовъ 27 минутъ дня; на 25 минутъ подвинулись мы къ западу, т. е. догоняемъ солнце.

Близко идетъ пароходъ подъ нѣмецкимъ торговымъ флагомъ.

— «Много ли встрѣтили льду?»—спрашиваетъ онъ у насъ по международному своду сигналовъ.

— «Трудно вамъ пройти въ Финскомъ заливѣ»,—отвѣчаемъ ему.

— «Благодарю»,—удовлетворился извѣстіемъ купецъ ¹⁾. Но, очевидно, понявъ истинное значеніе отвѣта, сквозь ледъ въ Ревель онъ не рискнетъ идти; своими средствами ему туда не пробиться.

— «Не возьметъ ли его «Ермакъ»?—предполагаютъ у насъ.

¹⁾ На военныхъ судахъ такъ называются всѣ прочіе корабли, плавающіе подъ обще-національными флагами.

Послѣднее напоминаніе о родинѣ было въ 11 часовъ ночи, когда, по расчету, поровнялись съ г. Либавою. По этому поводу устроили «бродячую закуску» ¹⁾; пили за процвѣтаніе и славу родины и флота.

— «Глубокій поклонъ ей, дорогой родинѣ!»

— «Прости... не забудь!»—говорили, расходясь на ночь по каютамъ.

28 января, 9 февраля. Идемъ серединою Балтійскаго моря. Чуть-чуть обдуваетъ западный вѣтерокъ. Курсъ—на юго-западъ; дымъ изъ трубы слегка проноситъ на лѣвый бортъ. Температура наружнаго воздуха +2°: на солнечной сторонѣ крейсера—весна.

Не хочется спускаться въ каюту, куда ко мнѣ не попадаетъ ни одинъ ласковый лучъ свѣта. Надоѣло постоянное электрическое освѣщеніе, необходимое въ моей каютѣ и днемъ. И для глазъ оно утомительно, такъ какъ при письмѣ и чтеніи оно даетъ рѣзкіе свѣтовые блики на глянцевиной бумагѣ, на какой теперь стали печатать, кажется, большинство книгъ.

Къ завтраку снова исправили время, но только уже на 17 минутъ.

Въ полдень въ проходѣ между островами Христіансенъ и Борнгольмъ, налетѣлъ холодный шквалъ съ небольшимъ снѣжкомъ. Сначала пока-

¹⁾ Случайную, собранную изъ того, что нашлось въ буфетѣ; закуску такую съѣдаютъ „походя“.

зался здѣсь длинный Борнгольмъ, далеко вытянувшійся къ сѣверу. Мы проходимъ мимо одной только сѣверной оконечности, гдѣ берегъ тянется прямо на западъ. Это—датскія владѣнія, образцово культивированныя и плотно населенныя. Противъ середины этой оконечности острова, еще сѣвернѣе, чрезъ узкій проливъ отчетливо поднялся изъ моря тремя невысокими холмами и Христіансенъ, названный такъ по имени стариннаго замка, теперь обратившагося въ живописныя развалины. Еще дальше на сѣверъ чуть видна Швеція.

Вспоминается сейчасъ старая сентиментальная пѣсенка:

„Борнгольмъ, милый Борнгольмъ“... и пр.
„Но кто, о сердце! можетъ противиться тебѣ“...

Островъ, дѣйствительно, красивъ. Со стороны моря видъ его вызываетъ мечтательное настроеніе. По гребню холмовъ рѣдкія группы заботливо выхоленныхъ деревьевъ просвѣчиваютъ на солнцѣ. Поля правильно разбиты на квадраты и прихотливо чередуются съ игрушечными особняками, сельскими домиками. Это — не городъ, а сплошная по всему острову деревня. Лишь изрѣдка солидно выглядываютъ въ общей скромной картинѣ острия, высокія крыши крупныхъ усадебъ. Солнце, игриво переливаясь въ оконныхъ стеклахъ этихъ вѣковыхъ построекъ, напрасно старается помолодить ихъ. Почти на каждомъ холмѣ, пользуясь открытою поляною, пріютилась кирка или замысловатый домикъ; кое-гдѣ съ холма торопливо

мелькаетъ своими длинными, бѣлыми крыльями, вѣтряная мельница, какъ бы стараясь перебѣжать на сосѣдній холмъ. Съ моря островъ кажется совсѣмъ близкимъ; картина его только выигрываетъ съ извѣстнаго разстоянія, которое кладетъ мягкіе тона на каждую частность вида. Пестрота и грубость реализма въ такой картинѣ ступшевываются; просторъ фантазіи, мечты пробуждаются.

— «Какая-нибудь Гретхенъ или Амальхенъ, навѣрное, любитъ теперь на насъ въ окно»,—выражаетъ общее настроеніе одинъ изъ нашихъ «стариковъ».

— «Бѣленькая, пухленькая такая, нѣмецкая пышка! — вотъ, вотъ тамъ, видите: съ неземными, голубенькими глазками»...—горячо поддерживаетъ веселую догадку молодежь.

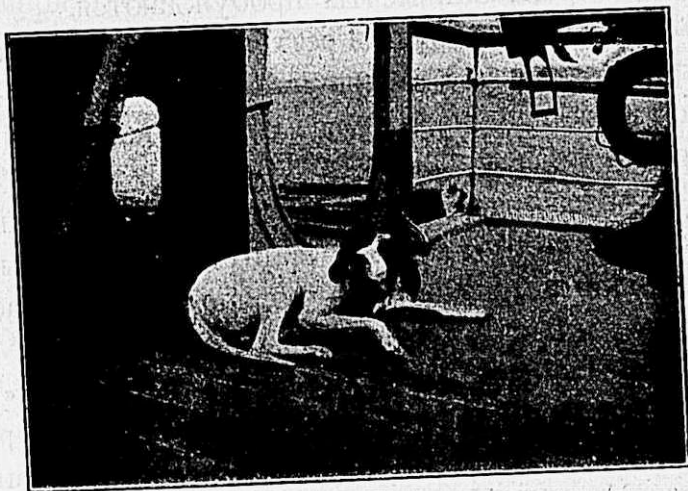
Пока «господа» утѣшались наверху, слуги—«вѣстовые матросы», устроили въ буфетѣ у себя развлеченіе по собственному вкусу. Они стравили кошку «Мальву Нахимовну» съ собакою «Медоромъ». Потомъ, подметая палубу ¹⁾, раздражили щеткою собаку. Неистовствуетъ «Медоръ», хохочутъ вѣстовые, какъ вдругъ въ самый разгаръ шумной веселости «нагрянулъ» всевидящій старшій офицеръ... Онъ скоро «навель свой порядокъ».

¹⁾ Такъ говорится о всемъ, что на сушѣ называютъ поломъ: и въ каютахъ полъ—таже палуба. Сохраняются на современныхъ паровыхъ судахъ и спеціальныя названія частей верхней палубы: носовая, напр., часть верхней палубы называется бакомъ, затѣмъ слѣдуетъ шкафутъ, потомъ шканцы и самая кормовая—ютъ.

День проходит незамѣтно. Ходу 11 узловъ; термометръ упалъ до 0°.

Ночь настала покойная, но съ нею и неожиданность большая. Отданъ якорь на десяти саженой глубинѣ; канату «стравили» до 70 сажень ¹⁾.

Киль еще довольно далеко впереди, до него осталось около 90 миль. Но дѣло въ томъ, что

Усмиранный Медоръ.

за туманомъ не видно маяковъ, а безъ нихъ ночью рискованно проходить проливами.

29 января, 10 февраля. Съ двухъ часовъ ночи часто слышится ревъ сирены. Военныя суда щеголяютъ своими громогласными сиренами. Прав-

¹⁾ Травить канатъ—значить перепускать снасть, завернутую на кнехтъ (на вертикальномъ брусѣ, имѣющемъ основаніе въ шпангоутахъ, и оканчивающемся своею головкою выше палубы).

да, значеніе этого пароваго свистка и его особаго, вибрирующаго звука незамѣнимо; послѣдній и въ бурю далеко слышенъ, и въ туманѣ предупреждаетъ встрѣчное судно, показывая мѣстонахождение судна. Но ужасно слышать сирену надъ своею головою, да еще ночью, въ просонкахъ. Она и взвизгиваетъ, и лагаетъ, и поетъ жалобнымъ стономъ. Какая иронія надъ классическою «сладкозвучною сиреною» въ такомъ названіи, данномъ современному паровому свистку!

Снялись съ якоря только къ 9 часамъ утра. Шли и далѣе очень плохо. Туманъ и нѣкоторыя случайности задерживали...

Вечеромъ, около 8 часовъ, отдали якорь миль за восемь отъ Киль. Ночью нельзя вызвать мѣстнаго лопмана, а безъ него не принято входить на иностранный рейдъ военному судну.

30 января, 11 февраля. Тихо и туманно на морѣ: идти нельзя.

Наконецъ-то, въ 3^{1/2} часа дня, вошли въ Кильскую бухту и встали на бочку въ лучшемъ мѣстѣ гавани. Таковъ почетъ!

При входѣ въ бухту обычно салютовали націи 21 выстрѣломъ. Равнымъ счетомъ выстрѣловъ отвѣтили и намъ нѣмцы. «Ошвартовившись» ¹⁾, отсалютовали 17 выстрѣлами Кронпринцессѣ,

¹⁾ Т. е., когда съ судна завезли конецъ якорной цѣпи и заклепали его въ кольцо (рымъ) бочки, плавающей на мертвомъ якорѣ, очень тяжеломъ, зарытомъ въ землю.

штандартъ ²⁾ которой развѣвался надъ дворцемъ Принца Генриха Прускаго, Обмѣнялись 17 выстрѣлами салюта и съ адмираломъ, командующимъ эскадрою въ Килѣ.

Вотъ что называется международною морскою вѣжливостію! Такая грозно шумная она, что, думается, будто не дружбу, а войну объявляютъ другъ другу представители двухъ націй, сойдясь вмѣстѣ.

Вспоминается, по этому случаю, американскій обычай шумно проводить день освобожденія рабовъ — негровъ, послѣ счастливо законченной сѣверными штатами противъ южныхъ «войны за свободу». Ежегодно, въ день независимости 4-го іюля, нов. стиля, по улицамъ городовъ сѣверныхъ штатовъ устраиваются между молодежью примѣрныя сраженія съ помощью взрывчатыхъ хлопушекъ. Съ тротуара, на противоположную сторону улицы, сыплется иногда цѣлый дождь ихъ. Ударяясь въ твердые предметы, или же подожженные предъ бросаніемъ, хлопушки взрываются съ шумомъ. Игра эта, всегда не безопасная, разгорается до грандіозныхъ размѣровъ, когда по мостовой рядами располагаются хлопушки съ сильными зарядами, отъ взрыва которыхъ чуть-ли не выворачиваются камни мостовой. Такъ, съ опас-

²⁾ Такъ вообще называется флагъ, присвоенный принцамъ королевской крови. Онъ поднимается и спускается не иначе, какъ по личному указанію тѣхъ лицъ, которымъ онъ присвоенъ.

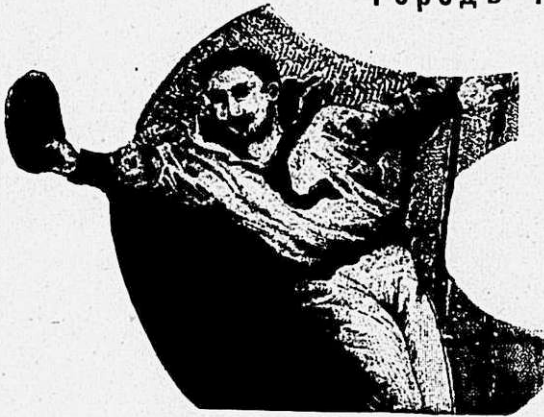
ностію сжечь на себѣ праздничное платье, подпалить волосы и лицо, и даже выжечь глазъ, американецъ тѣшитъ свое патріотическое чувство. То же чувство горделиваго патріотизма объясняетъ и шумный обычай салютовъ.

Во всякомъ случаѣ, картина салютующаго военного судна для береговаго жителя представляется полною эффекта.

И такъ, началось «представительство» наше за границею.

Городъ Киль.

31 января, 12 февраля. Нѣмцы твердо обосновываютъ свое древне-историческое право на владѣніе Кильскою бухтою, указывая на то, что

первымъ владѣтелемъ этой береговой полосы былъ нѣмецкій графъ Адольфъ IV, завоевавшій Борнговедъ въ Голштинской землѣ, въ датскихъ владѣніяхъ, гдѣ и устроилъ онъ 22 іюля 1227 года свой укрѣпленный замокъ, подъ названіемъ — «*tom Kyl*». Этотъ Киль былъ первою нѣмецкою политическою общиною — «*Givitas Holsatorum*» — Голштейнштадтъ, ограничивающею Данію съ юга отъ материка.

Съ 1663 года здѣсь открытъ уже нѣмецкій университетъ и городъ становится съ тѣхъ поръ центромъ духовнаго просвѣщенія въ краѣ, а затѣмъ, носителемъ и проводникомъ нѣмецкой на-

ціональной политики. Онъ скоро обращается въ столицу отдѣльнаго нѣмецкаго герцогства Шлезвигъ-Голштиніи и состоитъ въ тѣсныхъ политическихъ и близкихъ родственныхъ связяхъ съ датскимъ королевскимъ домомъ ¹⁾.

Этой Голштиніи, въ свое время, коснулись широкіе замыслы Императора Петра I. Внукъ его — Императоръ Петръ III былъ владѣтельнымъ герцогомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ. Но, благодаря личному увлеченію этого Государя нѣмцами, Голштинія была подарена имъ Императору Фридриху I. У насъ сейчасъ соображаютъ эти обстоятельства, горячо спорятъ и находятъ, что Императоръ Петръ III не имѣлъ права подарить потомственное владѣніе російской короны и наслѣдниковъ своихъ чужому Государю. Почему наши войска, потомъ, занимали страну и уступили не предъ силою непріятеля, а благодаря только рыцарски великодушному характеру Императора Павла I. Съ тѣхъ поръ Россія лишилась политическаго значенія въ краѣ, хотя Императоры ея продолжаютъ носить въ полномъ своемъ титулѣ наименованіе — «наслѣдниковъ Шлезвигъ-Голштинскихъ».

Съ 28 марта 1848 года Киль стремится къ объединенію со всею Германіей, провозгласивъ у себя революцію. Но, послѣ воссоединенія, политическій перевѣсъ въ области оказывается за чисто нѣмецкою столицею края, Шлезвигомъ.

¹⁾ Путеводитель по г. Килю, на нѣмец. яз., Киль, 1899.

Въ 1864 году, послѣ объявленія войны Пруссіею Даніи изъ-за Голштиніи, Киль окончательно присоединенъ къ Германскому союзу и съ 1867 г. обращенъ въ главный военно-портовый городъ Германіи. Теперь быстро растетъ онъ и развивается въ государственномъ и торгово-промышленномъ своемъ значеніи.

За послѣднія 30 лѣтъ Киль увеличился почти въ четыре раза, а именно, съ 24,216 жителей населеніе города достигло до 100 тысячъ. Имѣетъ онъ, кромѣ университета, высшую реальную школу, морскую академію, разныя промышленно-ремесленныя высшія учебныя заведенія, всѣ провинціальныя государственныя учрежденія военнаго, морскаго, почтоваго, судебнаго и финансоваго вѣдомствъ и евангелическо-лютеранскую Консисторію.

Съ 1895 года отсюда открытъ Кильскій морской каналъ Императора Вильгельма I, много прославившій городъ за самое послѣднее время.

Вся Кильская бухта, не считая внѣшняго залива, вдается въ материкъ верстъ на девять. Начинается она съ сѣверо-востока, уклоняется къ юго-западу, потомъ изламывается прямо на югъ и—въ концѣ своемъ снова загибается на юго-западъ. Ширина ея при входѣ менѣе одной версты, противъ канала—болѣе трехъ верстъ; далѣе, противъ собственно города—снова суживается она до полуторыхъ верстъ, и въ глубинѣ, у желѣзнодорожнаго вокзала, имѣетъ не болѣе 60 сажень. Глу-

бина бухты вездѣ такова, что большія военныя суда могутъ стоять въ ней безопасно. Съ трехъ сторонъ бухта защищена отъ вѣтровъ высокими берегами. Съ сѣвера же, въ уклоненіи къ юго-западу, и на мысу—среди бухты, внутреннюю гавань вполнѣ защищаютъ лѣсистые холмы западнаго берега. Искусственная защита отъ разрушительнаго дѣйствія волнъ ограничивается устройствомъ набережныхъ, не претендующихъ на щегольство, но прочно сложенныхъ изъ неотесаннаго гранита. Глубокіе боковые каналы ведутъ въ корабельныя верфи, къ разнымъ механическимъ мастерскимъ, заводамъ и пр. Удобства бухты счастливы даны, главнымъ образомъ, самою природою.

Собственно городъ расположенъ вдоль западнаго берега бухты, въ глубинѣ ея и по близлежащимъ холмамъ. Центръ города—это торговая часть его съ герцогскимъ дворцомъ на набережной и, лѣвѣе, съ вокзаломъ.

По бульвару, справа отъ центра, набережная обставлена казенными зданіями въ такомъ порядкѣ: Морская академія и Ботаническій садъ, южнѣе—Университетъ и пр. Отъ дворца, нѣсколько въ глубину, слѣдуетъ торговая часть города, окружающая внутреннее озеро, и южнѣе дворца—вокзалъ, старое кладбище и, наконецъ, отсюда идетъ въ подгороднія фермы прекрасное шоссе съ электрическимъ трамваемъ.

За внутреннимъ островомъ, по склонамъ холмовъ, тянется жилой городъ. Онъ выходитъ на

набережную памятником Вильгельму I между университетомъ, дворцомъ и музеемъ. По верху заключаетъ онъ въ себѣ казармы, военный лазаретъ и большіе жилые дома, населенные преимущественно служебнымъ классомъ общества. Дѣленіе населенія на ремесленные цехи и по служебному положенію сохранило въ городѣ старинное значеніе и въ отношеніи къ тому, кто гдѣ живетъ. Старые дома оригинальной постройки, какъ иногда рисуютъ у насъ на тарелкахъ, представляя образцы чистаго готическаго стиля, тянутся здѣсь по замѣчательно узкимъ улицамъ, которыя расположены, главнымъ образомъ, отъ набережной вдоль по каналу, въ направленіи ко внутреннему озеру.

Сѣверо-западная береговая полоса—въ рощахъ; она занята особняками, домами богатыхъ классовъ общества и пригородами. Ближайшія отъ города зданія особенно эффектно рисуются здѣсь съ моря среди зелени садовъ. Красивы пригороды: Достернбрюкъ, и — сѣвернѣе, Голтенау съ морскимъ каналомъ. Внушительно строга, далѣе, Фридрихсортъ, гдѣ бухта оканчивается выходомъ во внѣшній заливъ, съ маякомъ въ проливѣ, съ казармами и крѣпостями по обоимъ берегамъ.

Въ южномъ углу бухты, начиная отъ вокзала, и по восточной сторонѣ ея, расположены верфи, заводы и пр. Далѣе слѣдуютъ пригороды же, но совершенно другого характера, чѣмъ на городской сторонѣ; тутъ непринужденно раскинулся

Эллербекъ съ его идилличной набережной и еще—до пяти поселковъ, заселенныхъ рыбаками и чернорабочими и, наконецъ, крайній у пролива пригородъ Лабозъ.

Желѣзные дороги ведутъ изъ Кили въ города: Гамбургъ и Берлинъ, а въ Копенгагенъ—чрезъ проливы на пароходахъ особаго устройства. Постоянное сообщеніе пароходами. содержится зимою и лѣтомъ съ городами Любекомъ, Данцигомъ и съ нашими—Либавою, Ригою и др.

Новичковъ за-границею Киль удивитъ еще издали; бывалаго восхищаетъ онъ удобствомъ стоянки для судовъ и красотою мѣстной выходной природы.

Входный буюкъ.

При вступленіи во внѣшній заливъ, во всякое время слышится на судахъ звукъ волноваго буйка, который, покачиваясь на тихой волнѣ, механически издаетъ глухой стонъ, а въ бурную погоду, на крутой волнѣ, реветъ громко, какъ морской левъ—моржъ, чѣмъ и предупреждаетъ судно о мѣстонахожденіи береговыхъ отмелей.

Собственно въ бухтѣ, послѣ береговыхъ укрѣпленій, встрѣчающихъ судно расходящеюся въ обѣ стороны дугою, прежде всего открывается

на сухой отмели, выдающейся въ узкій проливъ, угрюмаго вида маякъ, сложенный изъ сѣраго гранита и обнесенный со стороны прибоя солидною стѣною. Со стороны Фридрихсорта маякъ едва разъединенъ съ берегомъ водою, сажень на двадцать.

Далѣе, по западному берегу, среди деревьевъ группами открываются легкія постройки. Видъ Гольтенау полускрытъ деревьями. Чѣмъ ближе собственно къ городу, тѣмъ выше и гуще становятся вѣковые липы, зубчатые клены, каштаны и букъ, но выше и ярче просвѣчиваютъ между ними и каменныя громады домовъ. Нерѣдко дома и деревья прячутся между холмами, круто обрывающимися въ ущелье; часто дома выходятъ изъ зелени отдѣльными группами на набережную и снова прячутся. И—вотъ, наконецъ, занявъ всю узкую, плоскую прибрежную полосу земли, городъ развертывается со всею пышностію въ сады, церкви, дворцы и пр.

Ближайшій видъ Киля, подъ прикрытіемъ его набережной, представляетъ очень мирную картину торговаго мѣстечка, чистаго и скромнаго, украшеннаго садами и скверами, и только къ восточному углу бухты поражаетъ онъ скученностію зданій и сутолокою движенія толпы въ торговыхъ улицахъ. Общее впечатлѣніе портитъ уродливый герцогскій дворецъ, узкій, высокій—съ острою, крутою крышею, съ боковою башнею, прилѣпленною, какъ какая-либо голубятня. Съ бухты видъ

его много похожъ на тюрьму, что ставится у насъ при выѣздѣ изъ провинціальныхъ городовъ, а, между тѣмъ, навязывается здѣсь этотъ дворецъ на первый планъ.

За то, противъ герцогскаго дворца, съ мѣста нашей стоянки чрезъ заливъ весело выглядываетъ съ высокаго берега простой, идиллическій Эллербекъ. Блеститъ оттуда кирка своимъ высокимъ шпилемъ; меланхолически помахиваетъ крыльями неутомимая вѣтряная мельница, словно—хочетъ она что-то отсигналить гордому городу. Тамъ, правѣе—пониже, центръ заводской промышленной дѣятельности: стеклянныя, длинныя крыши казенныхъ верфей, золоченыя стрѣлки на концахъ мачтъ громаднхъ судовъ, стоящихъ здѣсь для большого и малого ремонта, вороненая сталь пушекъ,—мирно все это играетъ оттуда съ вечернимъ лучемъ солнца, падающимъ тогда прямо на нихъ. Слышатся періодическіе свистки, призывающіе на правильную смѣну труда и отдыха.

Въ самую же глубь бухты—туда, гдѣ стоитъ густой лѣсъ мачтъ большихъ и малыхъ судовъ, не проникнетъ и опытный морской глазъ. Какъ за прибрежнымъ камышемъ, прячутся здѣсь за мачтами сухіе доки; кипитъ житейская сутолока на судахъ и непрерывное движеніе по берегу. А вечеромъ ярко блещутъ отсюда и со стороны софдняго вокзала разноцвѣтные электрическіе огни. Множествомъ ихъ залиты зданія и набережная; по разнымъ направленіямъ разбѣгаются они, озна-

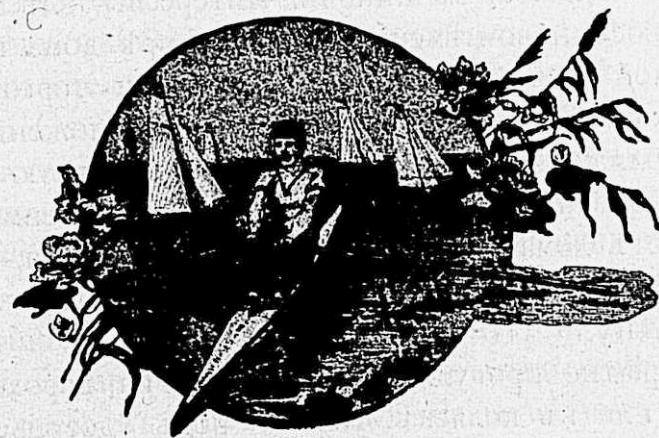
чая желѣзнодорожныя приспособленія для сигналовъ ¹⁾, или освѣщая безконечныя стрѣлки въ густой чащѣ подъѣздныхъ путей.

Внушительные признаки военного порта особенно ясно раскинуты по всей внутренней гавани Кильской бухты. На бочкахъ, грозно покойные, стоятъ здѣсь громадные броненосцы. Среди нихъ и нашъ «Адмиралъ Нахимовъ», броненосный же крейсеръ, самымъ нѣмцамъ не кажется младшимъ братомъ... Подъ берегомъ мѣрно колышутся на своихъ мертвыхъ якоряхъ казармы матросовъ, въ каковыя обращены старыя, негодныя къ другимъ военнымъ цѣлямъ, деревянныя суда бывшаго паруснаго флота. Подъ берегомъ же, близко къ судамъ, стоящимъ въ докахъ, прижались стальные трехугольники высочайшихъ паровыхъ грузоподъемныхъ крановъ. Медленно ползаютъ отъ одного военного великана къ другому, отъ броненосца къ крейсеру, широкія, неуклюжія, какъ черепахи, мусорныя шаланды, водяные боты, угольныя баржи и все, чѣмъ живетъ и движется паровое судно.

Картину сгущаютъ, дымя со всѣхъ сторонъ, пассажирскіе пароходы, буксирные портовые катера и, тутъ же суетливо снующіе взадъ и впередъ, щегольскіе военные катера, со своими отличительно яркими трубами. Похлопываютъ на ходу разнаго рода лодки съ бензиновыми двигателями; безшумно сверкаютъ лакированную своею внѣш-

¹⁾ Это—семафоры.

ностію электрическіе боты. Широко распластавъ паруса, пѣннаты носомъ воду на неровномъ ходу мелкія шлюпки и, какъ чайки, плавно ныряютъ онѣ въ волнахъ. Червякомъ ползаютъ на веслахъ лодочники-перевозики; стрѣлою мчится смѣлый яхтъ-клубистъ.

Стрѣлою мчится смѣлый яхтъ-клубистъ.

При съѣздѣ съ судна на берегъ, лучше всего подходить на шлюпкѣ къ пристани, называемой Шлосгартенъ. Изъ центральной аллеи крошечнаго сквера того же имени открывается видъ на герцогскій дворецъ — много пріятнѣе здѣсь, нежели съ моря. Въ уличной рѣшеткѣ этого дворца, у воротъ его стоятъ статуи коней; это—копіи тѣхъ самыхъ, что на Аничковомъ мосту въ Петербургѣ. Изъ сквера до нихъ очень близко; отсюда же въ электрическомъ трамваѣ можно объѣхать весь городъ.

Внутри Киль производит еще лучшее, нежели съ моря, впечатлѣніе скромною простотою, идеальною чистотою и уютностію, но только не роскошью строеній. Въ торговомъ центрѣ улицы стары и узки; на набережной канала, идущаго во внутреннее озеро, обращаетъ на себя внимание зданіе цеха башмачниковъ. Интересны, здѣсь же, по своей ново-нѣмецкой архитектурѣ дома королевской почты, разныхъ банковъ и торговыхъ конторъ. Характеръ построекъ, расположенныхъ по холмамъ за озеромъ, составляетъ рѣзкую противоположность старому городу; тамъ преимуществуютъ дома новаго общегородскаго стиля, — не красивые каменные ящики, поставленные стѣна въ стѣну.

Пріятно прогуляться за городъ на пароходикахъ или въ коляскѣ. Первый родъ удовольствія поразительно дешевъ, второй также окупается очень не высокою платою, по 2 марки за часъ съ двоихъ.

Окрестности богаты премилыми уголками безискусственной, не подправленной природы. Таковы мѣста по электрическому трамваю къ югу отъ города. Здѣсь гнѣздо веселыхъ кафешантановъ, клубовъ, кегельбановъ и пр., — вечеромъ настолько же шумное, какъ днемъ скромное. По воскресеньямъ нѣмцы обыкновенно съ утра направляются сюда «на лоно природы» полными семьями. Какой-либо булочникъ или колбасникъ неизмѣнно каждый праздникъ запрягаетъ свою рабочую по-

возку и, пригласивъ съ собою сосѣдей и пріятелей, ѣдетъ сюда, чтобъ свободно расположиться гдѣ-либо на травкѣ, у берега ручья. Съ чадами и — чуть ли не со всѣми пуховиками можно тогда наблюдать здѣсь нѣмца и его излюбленную идиллію общенія съ природою.

Отдохнуть и подкрѣпиться въ прогулкѣ, по примѣру нѣмцевъ, можно просто подъ деревьями вблизи отелей, или въ ихъ гостепріимныхъ садикахъ. Отели всегда занимаютъ довольно большое пространство; напримѣръ, «Бель-вю» со своими садами составляетъ цѣлый городокъ. Всегда хорошо подадутъ здѣсь прославленные напитки: мюнхенское пиво, рейнвейнъ ¹⁾ и др., или не менѣе извѣстныя нѣмецкія блюда: сосиски съ капустой, устрицы, сыры. Въ пригородахъ слѣдуетъ отмѣтить эффектный отель въ Достернбрюкѣ, на западномъ берегу, и расположенный на противоположномъ берегу, серьезный съ виду «Городской отель» въ Гелькендорфѣ. Вечеромъ вездѣ въ подобныхъ мѣстахъ людно, вездѣ оркестры музыки или хоры пѣвцовъ.

Любовью къ музыкѣ и пѣнію Киль богатъ, если судить по тому, сколько здѣсь клубовъ и союзовъ, ставящихъ въ программу своихъ собраний музыку, и по тому, что всѣ эти «фрейны» легко поддерживаются исключительно членскими взносами и публичными концертами. Но это — все

¹⁾ За старое вино это, очень крѣпкое, платятъ до 11 марокъ за бутылку. Германская марка, по курсу, равна 46 копѣйкамъ.

только любители музыки и пѣнія, среди нихъ вообще рѣдки хорошія музыкальныя дарованія. Какъ въ портовомъ городѣ, здѣсь процвѣтаетъ шансонетка, но она-то, тѣмъ менѣе, и дается нѣмецкому заурядному исполнителю, такъ какъ нѣмецкая пѣсня тяжела для легкой сцены, на которую большой спросъ стоитъ въ средѣ моряковъ каждой націи.

Музыкальные магазины завалены здѣсь любопытными кружками для пива. Къ нимъ снизу поддѣланы музыкальные ящики, играющіе одну или двѣ пьески. Кружки очень интересны, какъ оригинальное, чисто въ нѣмецкомъ стилѣ, украшеніе для буфета. Характерно и то, куда хитроумный нѣмецъ вздумалъ приспособить музыку, и притомъ такъ, что пока пьютъ изъ кружки, она играетъ, а поставить пиво на столъ и — музыка прекращается. Много встрѣчается столовыхъ часовъ съ музыкою, будильниковъ и пр. Пѣсня выбирается для всѣхъ такого рода вещей національная, положенная на музыку лучшими композиторами, но исполненіе ея въ вещи, конечно, очень вульгарно и несовершенно. За то — все это дешево; наши матросы бросаются на эти игрушки и закупаютъ ихъ во множествѣ. Хороши здѣсь дѣтскія механическія игрушки для подарковъ. Разнообразенъ выборъ настольныхъ и прочихъ украшеній, хозяйственныхъ издѣлій и др.

Опера и драма даются, каждая по два раза на недѣлѣ, въ театрѣ Шиллера. Мѣста недорого и

легко всѣмъ доступны: марокъ за пять продается ложа, за двѣ — очень приличное кресло въ партерѣ. Для нѣмца и то кажется не экономнымъ расходомъ, а потому такія мѣста всегда найдутся свободными для «знатнаго иностранца» ¹⁾. Въ болѣе извѣстныхъ здѣсь кафешантанахъ, по заранѣе назначаемымъ днямъ, собирается исключительно семейная публика. Обычай симпатичный, но дѣло въ томъ, что на такіе вечера появляются матери даже съ грудными ребятами, что уже придаетъ кафешантану тонъ какого-то воспитательнаго учрежденія...

Нѣмецъ исправно посѣщаетъ свою кирку, даетъ средства на содержаніе ея и бѣдныхъ своего прихода, ежедневно читаетъ дома библію, строго прекращаетъ торговлю и работы въ праздники, почтителенъ къ родителямъ, сознателенъ въ уваженіи ко всякой порядочности и авторитету власти, отзывчивъ къ добрымъ начинаніямъ, онъ — то, что называется, корректенъ во всемъ. Живется съ нимъ легко; за нимъ, какъ культурнымъ и сильнымъ знаніемъ и выдержкою человѣкомъ, широкое будущее. Можно не любить его, но почти необходимо «опасаться благоразумно» этого «добраго Михеля», или «длиннаго Фрица», какъ и онъ самъ относится ко всѣмъ иностранцамъ со своей узко-національной точки зрѣнія.

¹⁾ Почему то за-границею всѣ мы назывались „знатыми“: вѣроятно, „по чаевымъ подачкамъ“ и по тому, что все покупали мы безъ торгу...

Въ обиходѣ по каютъ-компаніи между нѣмецкими военными судами и нашимъ крейсеромъ. конечно, показано было послѣднимъ все гостеприимство и даже благодушіе. Нѣмцы также не остались въ долгу, съ замѣтнымъ вниманіемъ цѣня значеніе судна. Самъ принцъ Генрихъ Прусскій, только что возвратившійся изъ плаванія на Дальнемъ Востокѣ, посѣтилъ нашъ крейсеръ 10—22 февраля. Онъ завтракалъ у командира, хвалилъ нашъ судовой оркестръ музыки и особенно хоръ балалаечниковъ, еще никогда до того не слыханный имъ, и 16—28 февраля самъ далъ во дворцѣ у себя отвѣтный завтракъ.

Лично принцу нельзя не симпатизировать. Красавецъ собою, высокаго роста, съ открытымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, элегантный въ смыслѣ военной выправки, еще значительно молодой, онъ съ перваго же взгляда подкупаетъ въ свою пользу.

Завтраки, обѣды, балы, всякія любезныя приглашенія обильно сыпались къ намъ, послѣ принца угощенія. Городу и эскадрѣ отвѣтилъ крейсеръ параднымъ обѣдомъ 17 февраля, 1 марта.

Загостились въ Килѣ по необходимости. Все время стоянки крейсеръ держался подъ креномъ до 6° на свой правый бортъ сначала, потомъ—на лѣвый. Спѣшно задѣлывали пробоины, полученные во льдахъ. При ближайшемъ осмотрѣ бортовъ на тихой водѣ, пробоинъ и трещинъ оказалось довольно, почему и ушло такъ много времени на ихъ задѣлку, а именно 17 дней.

Кромѣ починки судна, подготовительныя къ уходу заботы были о томъ, чтобы получить изъ Петербурга разрѣшеніе на проходъ морскимъ Кильскимъ каналомъ и дозволеніе на то же отъ главнаго инспектора канала. Конечно, нѣмцамъ очень выгодно пропускать каналомъ всякое иностранное судно, потому что это дѣлается за плату, смотря по водоизмѣщенію, по величинѣ судна: тысячъ до десяти рублей; но, кромѣ того, потребовано было отъ нашего крейсера исполнить нѣкоторыя формальности... Ихъ-то и хотѣлось обойти. Дѣло устроилось 15—27 февраля, къ общему удовольствію, значительною уступкой нѣмцевъ.

Далѣе, сдѣланы вычисленія о томъ, какъ достигнуть опредѣленной нормы въ посадкѣ судна на ровную глубину носомъ и кормою. Обычно крейсеръ нашъ сидитъ носомъ 23 и кормою 27 футовъ. Эта разница, выгодная для быстроты и правильности хода въ морѣ, теперь должна быть уравнена такъ, чтобы не сѣсть кормою въ каналѣ на мель; глубина же канала позволяетъ пропустить судно, какъ намъ было указано, никакъ не болѣе въ посадкѣ 26 футовъ и 5 дюймовъ. Задача наша исполнена перемѣщеніемъ угля и воды, взятыхъ въ самыхъ необходимыхъ запасахъ, со середины судна въ носовые трюмы, а также перенесеніемъ тяжелыхъ артиллерійскихъ снарядовъ изъ кормовыхъ бомбовыхъ погребовъ на бакъ. Работы эти закончены 19 февраля, 3 марта.

Все, вмѣстѣ взятое, и особенно опасенія за

возможность прохода каналомъ долго беспокоили судовое начальство, такъ какъ обходить кругомъ весь Датскій полуостровъ въ это именно время года, среди постоянныхъ тумановъ, очень было бы хлопотливо и медлительно, стоило бы не дешевле и, что важнѣе всего, представляло значительныя опасности.

Все время въ Килѣ погода была непостоянная. Чаше держались туманы; изрѣдка выпадалъ сырой снѣгъ; однажды, 19 февраля, 3 марта, термометръ опустился до -3° . Въ нѣкоторые солнечные дни бывало и $+9^{\circ}$; вспоминали тогда, какъ въ тѣ же дни, судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ Петербургѣ стояли морозы въ 27° .

22 февраля, 6 марта. Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра, строго охраняемые отъ всякихъ случайностей, благополучно вошли мы въ первыя ворота шлюза Кильскаго канала.

Протяженіемъ весь каналъ 99 километровъ, или 52 морскихъ мили, т. е. нѣсколько болѣе 90 верстъ. Ширина его, въ общемъ, 70 футовъ. Вода въ немъ почти прѣсная, что зависитъ отъ болѣе высокаго уровня рѣки Эльбы, откуда и напускается она для всего канала. Обязательно прохождение судна въ каналѣ съ лопманомъ и, притомъ, ночью путь освѣщается электрическимъ фонаремъ. Скорость хода допускается только самая малая, мили по 4 въ часъ.

Виды по каналу незначительны. Въ самомъ на-

чалѣ, по холмистымъ возвышенностямъ опрятно содержатся рощи буковъ, чередуясь отъ прошлогоднихъ по возрасту саженцевъ до великановъ въ обхватъ толщиною. Мирный видъ этихъ рощъ смѣняется полями, фермами съ ихъ островерхими каменными домами, крытыми желѣзомъ, черепи-

Общій видъ Эллербека.

цею и рѣдко соломою, или камышемъ, какъ исключительно покрыты хозяйственныя постройки.

На одномъ изъ частыхъ въ началѣ канала поворотовъ встрѣтился, съ правой стороны отъ хода судна, большой бѣлый домъ грандіозной архитектуры, съ колоннадою по фасаду. Оттуда выпалъ цѣлый хороводъ молодыхъ дѣвицъ и дамъ разнаго возраста, очень усердно махавшихъ намъ платками. Оказалось, что это—все одна семья флотскаго капитана, у котораго отъ третьей жены

недавно родился 23-й, въ общемъ счетѣ, ребенокъ, а матеріальное благосостояніе этого моряка опредѣляютъ милліона въ два марокъ. Вся семья его живетъ согласно и вмѣстѣ: сыновья съ женами, дочери съ мужьями, и тѣ и другія имѣютъ своихъ взрослыхъ дѣтей.

— «Вотъ,» — удивляются у насъ, — «патріархальная нѣмецкая семья, и чопорной чинности въ женской ея половинѣ къ намъ, иностранцамъ совершенно незамѣтно!»

Черезъ часть пути открылся городъ Левенсау съ замѣчательно высокимъ желѣзнодорожнымъ мостомъ. Подъ нимъ свободно проходятъ мачты самого высокаго рангоута. Такой же мостъ устроенъ и въ концѣ канала. Прочіе мосты — выдвижные съ одного берега на другой; они состоятъ изъ двухъ равныхъ частей, соединяющихся на срединѣ канала.

Скучная, болотистая равнина, далѣе по каналу, изрѣдка обработана подъ поля, но расти на нихъ, кажется, можетъ одинъ только картофель. Чаше здѣсь добывается торфъ на топливо; груды кирпича изъ торфа провѣтриваются на всѣхъ пригоркахъ; это — главный доходъ жалкихъ поселковъ. Селенія, бѣдные съ виду, очень рѣдко встрѣчаются вблизи канала. Въ одномъ только мѣстѣ, близко уже къ концу пути, на дальнемъ горизонтѣ слѣва виднѣлся раскинувшійся по холмамъ городокъ.

Того же дня въ 9 часовъ вечера прошли ворота крайняго шлюза. Ошвартовился крейсеръ за

набережную въ наружномъ бассейнѣ, въ соединеніи канала съ устьемъ рѣки Эльбы. Стоялъ въ то время полный приливъ; закрывать или открывать ворота для прохода судовъ тогда не было надобности.

Остались здѣсь на два дня для нагрузки углемъ и для перенесенія тяжестей по своимъ мѣстамъ, чтобъ приготовиться къ дальнѣйшему походу.

Велосипедистамъ судна — приволье! Равнина во всѣ стороны гладкая, дороги, шоссированныя, поселки на близкихъ разстояніяхъ и частые...

Всѣмъ по душѣ — окружающая деревенская тишина.

Города—Шербургъ, Кадиксъ и Портъ-Магонъ.

Шербургъ—французскій портовый городъ для военныхъ судовъ сѣверной эскадры. Онъ, какъ нашъ Кронштадтъ для Петербурга, имѣетъ свое, хотя и меньшее значеніе для Парижа, наравнѣ съ Гавромъ на западѣ и Тулономъ на югѣ Франціи. Здѣсь самостоятельно строятся военныя и купеческія суда, сосредоточено управленіе морскими силами и приурочены всѣ средства къ береговой оборонѣ въ водахъ, граничащихъ съ такими противниками, какъ Англія и Германія.

Историческую роль свою исполнилъ Шербургъ особенно при Императорѣ Наполеонѣ I и въ послѣднюю франко-прусскую войну. Отсюда грозилъ Англіи Наполеонъ I великою континентальною войною, желая заперѣть морскую торговлю англичанъ. Пруссакіи, разгромивъ Парижъ съ сухого пути, однако, не рассчитывали въ морской войнѣ легко справиться съ Шербургомъ, который со стороны моря и оставался все время почти свободнымъ.

Для путешественника Шербургъ—проходной дворъ къ Парижу съ сѣвера. Русскіе совсѣмъ не

знаютъ его, обыкновенно объѣзжая городъ по желѣзнымъ дорогамъ. Любоваться здѣсь почти нечѣмъ туристу, а специалисты прославляютъ городъ только въ своемъ скромномъ кругу, какъ уголокъ хлопотливой Франціи, поучительный въ морскомъ дѣлѣ.

Къ городу подходимъ мы вечеромъ. Снаружи самый портъ довольно угрюмъ. Массивы волнолома, зданія адмиралтейства и сѣрый фонъ города скрапиваетъ лишь солнце своими послѣдними лучами заката.

Обширность взятаго у моря подъ портъ пространства удивительна. Въ одномъ этомъ видна уже душа строителя порта, Наполеона I и великаго генія народа. Мы въ Либавѣ, въ построенномъ при ней портѣ Императора Александра III, не дальше ушли, пожалуй, въ исполненіи идеи «отвоевать у моря тихую гавань», а прошло, послѣ устройства шербургскаго порта, цѣлое столѣтіе, и еще остается открытымъ вопросъ,—чей портъ будетъ долговѣчнѣе. Этотъ здѣсь стоитъ твердо; стѣнки же массивовъ, опущенныхъ въ Либавскомъ порту на меньшую глубину, уже много, говорятъ, подались. Ясно одно, что разрушающая сила приливовъ въ Шербургѣ громадна, но все побѣждено здѣсь: и приливы, и теченія и открытое положеніе порта, тогда какъ въ Либавѣ приливы почти не знаютъ и, однако, при вѣтрѣ съ якорей срывались, бывало, военныя суда и волненіемъ било ихъ о гранитный грунтъ...

На набережной города эффектно вырисовывается знакомая фигура Наполеона I; памятникъ представляетъ его, какъ живого. Кругомъ—площадь, рядомъ католическій соборъ и на второмъ планѣ городъ, раздѣленный на двѣ неравныя части гранитною набережною внутренней гавани. Эта послѣдняя въ теченіе полсутокъ полна водою отъ прилива, и другія подсутокъ мелѣть до-суха въ бассейнахъ, нарочно устроенныхъ для ремонта судовъ.

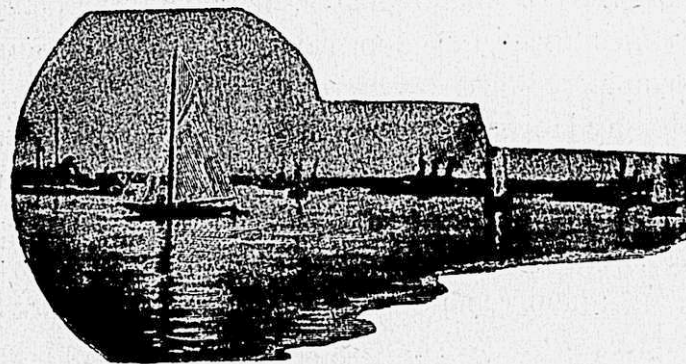
Въ самомъ, городѣ, очевидно, живутъ не на показъ. Улицы и зданія довольно грязноваты. Городъ имѣетъ, повидимому, только стратегическое значеніе.

Въ порту, подъ строжайшею тайною морской военной науки, создаются чудовищныя новости. Напримѣръ, около 11 часовъ каждаго утра видѣли мы на рейдѣ подводную лодку то скрывающуюся подъ водою, то поднимающуюся надъ поверхностью своимъ верхнимъ куполообразнымъ окномъ, черезъ которое выглядывалъ командующій ею офицеръ. «Истребитель» этотъ движется подъ водою электричествомъ, вооруженъ громадной силы взрывчатыми средствами, приспособленъ къ нападенію, равно и для защиты, и одинъ можетъ, говорятъ, отразить цѣлую эскадру судовъ обычнаго надводнаго типа.

Изъ Шербурга спѣшили мы придти къ недѣлѣ крестопоклонной въ «благочестивую Испанію». Торопимся попасть въ докъ, такъ какъ течь на суднѣ держится постоянная.

Прибыли въ Кадиксъ. На пути, въ Бискайскомъ заливѣ крейсеръ перенесъ «добрую качку», замѣтивъ, однако, что течь отъ того не сдѣлалась больше, чѣмъ была.

Хорошо защищенная отъ вѣтровъ, обширная Кадикская бухта начинается у острова Леона. Внутри, со всѣхъ сторонъ она окружена гаванями, пригородами и деревнями. Изъ нихъ лиманъ

На рейдѣ.

Пуэрто-де-Санта-Марія славенъ погребами торговцевъ мѣстнымъ виномъ. Другой, Сантъ-Карлосъ, знаменитъ, какъ мѣсто купаній. Самый полуостровъ, на которомъ расположенъ городъ Кадиксъ, состоитъ изъ остатковъ раковинъ, устрицъ и окаменѣлыхъ моллюсковъ, тогда какъ противоположный ему берегъ извѣстенъ выработкою соли.

Названіе городу дано финикійцами въ глубокой древности; даже въ Библии упоминается, кажется, этотъ «Гадиръ». Греки называли его «Га-

диры», а римляне «Гадесъ». Нынѣшній Кадиксъ принадлежитъ къ провинціи Испаніи, Андалузіи и расположенъ у выхода изъ широчайшей и плодороднѣйшей равнины по рѣкѣ Гвадалквивиру, рядомъ съ проливомъ, соединяющимъ воды Атлантическаго океана со Средиземнымъ моремъ. Въ исторіи имя Кадикса встрѣчается то на верху славы, то въ сильномъ упадкѣ; но, благодаря своему географическому положенію, городъ этотъ всегда быстро возрождался, наперекоръ разнымъ политическимъ переворотамъ и постановленіямъ разнохарактернаго правительства.

Между Португаліею и Гибралтаромъ Кадиксъ — единственный городъ, имѣющій дѣловыя сношенія съ цѣлымъ свѣтомъ. По сравненію со своею торговлею, опредѣляемою около 100 милліоновъ въ годъ, и значительностію его населенія, которое исчисляется въ 70 тысячъ, городъ занимаетъ очень незначительную площадь. «Врата земли», такъ названный проливъ, ведущій съ моря къ городу, открываютъ видъ на высоко расположенную вправо, блистающую бѣлизною, группу стѣнъ, башенъ, зданій, съ изящнымъ храмомъ въ центрѣ. Это и есть Кадиксъ, съ рейда кажушійся «серебрянымъ блюдомъ, опрокинутымъ на голубую воду», какъ говоритъ испанская пословица. Мѣткости ея соотвѣтствуетъ и то обстоятельство, что окрестности города представляютъ весьма обнаженный видъ. Дальніе кустарники являются въ формѣ пятенъ на ослѣпительно блистающихъ бѣлыхъ

скалахъ, а въ самомъ городѣ нѣтъ, за недостаткомъ мѣста, занятаго подъ жильё, ни одного деревца, кромѣ развѣ прославленнаго испанскаго дрока ¹⁾.

Недостатокъ мѣста по площади города вознаграждается высотой построекъ. Многоэтажные дома имѣютъ еще бельведеры, откуда представляется глазу весь городъ, опоясанный водою. И, хотя мѣста для прогулокъ въ немъ почти нѣтъ, кромѣ набережной, гдѣ можно встрѣтить на незначительномъ пространствѣ растительность Африки и юга Европы, но тѣмъ не менѣе, Кадиксъ имѣетъ и внутри веселый видъ.

Вблизи оригиналенъ городъ днемъ. Онъ сохранилъ еще мѣстами свои зубчатые стѣны, свои башни съ бойницами и узкія, извилистыя улицы, украшенныя балконами. Кружевные драпировки и камышевыя циновки свѣшиваются кое-гдѣ изъ оконъ и съ балконовъ; для защиты проходящихъ отъ солнечныхъ лучей надъ улицами нерѣдко протянуто полотно. На углахъ улицъ часто встрѣчаются подобія католическихъ алтарей; эти каплицы изящно устроены изъ разноцвѣтнаго мрамора въ нишахъ угловыхъ домовъ; живые цвѣты служатъ выраженіемъ усердія почитателей ихъ. Изъ городскихъ зданій рѣзко выдѣляется своимъ великолѣпіемъ кафедральный соборъ съ образомъ Мурильвской Мадонны, также и другіе храмы и

¹⁾ „Espartos“ упоминается еще у Оервантеса въ „донъ-Кихотѣ Ламанчскомъ“.

каплицы. Но частные, богатые дома здѣсь вмѣсто того, чтобы быть обращенными передними фасадами наружу, какъ въ прочихъ европейскихъ странахъ, обращены ко внутреннему двору ¹⁾, въ мощенному бѣлыми или разноцвѣтными мраморными плитами. Тамъ собирается обыкновенно семейство, чтобъ подышать прохладою около фонтана, струя котораго непрестанно падаетъ въ шлифованный бассейнъ.

Оригинальность внѣшняго вида города придаетъ, отчасти, веселый тонъ ему. Кстати, и жители его извѣстны своей живостию, находчивостию и даже изяществомъ. Составляя помѣсь романскаго племени съ басками, маврами и др., они вообще граціозны, станъ у нихъ гибкій, манеры обворожительныя, рѣчь, лицо и жесты полны выраженія, краснорѣчіе ихъ образно.

«Веселый Кадиксъ», — «Испанская Венеція» славится серенадами на гитарахъ и мандолинахъ. Каждый иностранецъ, войдя въ городъ вечеромъ, не преминетъ на улицѣ выслушать нѣсколькихъ горячихъ импровизаторовъ.

Съ крейсера полностью отдали дань Кадиксу. Между прочимъ, сдѣланы довольные запасы вина. Больше всего взято сортовъ мѣстнаго хереса. Кстати замѣтить, при этомъ, что большая часть виноградниковъ Хересскихъ полей, находящихся на востокъ Кадикской бухты, перешли въ руки

¹⁾ „Patio“.

англійскихъ землевладѣльцевъ. Многіе торговцы и приготовители изъ англичанъ занимаются смѣшеніемъ продукта этихъ разнородныхъ виноградниковъ съ тяжелыми винами прочихъ мѣстностей Испаніи. Практикуются всевозможныя операціи съ винами, законныя и незаконныя, составляющія принадлежность этого рода торговли. Только нѣкоторыя вина перваго разряда, на примѣръ, «Tintilla de Rota» ¹⁾, или бѣлое молодое вино «Mansanilla» ²⁾, или «Pajarete» ³⁾, а также немногіе другіе сорта составляютъ настоящую монополію нѣсколькихъ владѣльцевъ и могутъ сохранять свою натуральность.

О пути изъ Кадикса въ Портъ-Магонъ остается сказать немного. Переходъ былъ безъ остановокъ.

Вблизи, со стороны пролива видѣли грозный **Гибралтаръ**. Удивлялись этой игрѣ природы, воздвигшей со дна моря такіе «Геркулесовы столбы», какъ называла эти скалы классическая древность, поэтично увѣряя, что онѣ поставлены греческимъ героемъ съ цѣлю подперѣть сводъ неба, и—что за ними уже край бѣлаго свѣта.

Гибралтаръ, хищнически захваченный англичанами въ 1704 году, теперь специально воспиты-

¹⁾ Это—красное, очень густое вино, служившее намъ для церковной надобности.

²⁾ Его пьютъ съ разными фокусническими приѣмами изъ нарочитаго стакана—„каніи“.

³⁾ Это—вино, фабрикованное изъ особаго рода винограда, который подсушивается прежде кладки его подъ прессъ.

ваеѣ и кормить испанскихъ контрабандистовъ. Сюда просвѣщенные мореплаватели издавна при-
норовили сбыть бумажныхъ тканей, желѣзныхъ
издѣлій и пр., и все это идетъ въ Испанію кон-
трабанднымъ способомъ. Получаютъ англичане
здѣсь въ обмѣнъ табакъ въ сигарахъ, вино и
шелкъ. Самую скалу англичане пробуравили про-
ѣзжими дорогами, унизали со всѣхъ сторонъ жер-
лами тысячи пушекъ, съ цѣлю защитить входъ
въ проливъ между океаномъ и моремъ. Тутъ вла-
стители, хотя въ шутку и называются до нашихъ
дней «ящерицами скалы» ¹⁾, и чувствуютъ себя
нѣсколько стѣсненными на ихъ знойномъ уголкѣ,
но судьбою довольны и богатѣютъ.

Портъ Магонъ лежитъ на одномъ изъ Балеар-
скихъ острововъ, именно—на Миноркѣ. Онъ но-
ситъ имя своего основателя со временъ владыче-
ства здѣсь карѣагенянъ; обладаетъ онъ превосход-
ною природною гаванью, раздѣленною островками
и полуостровами на бухты и второстепенные бас-
сейны. Въ этомъ рукавѣ моря, глубокомъ и закры-
томъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, соединены
природою всѣ возможные удобства для стоянки
большихъ судовъ. Въ центрѣ самого острова вы-
рисовывается гора Торо, около 200 сажень высо-
тою. Отъ послѣдней расходятся во всѣ стороны
слегка холмистыя равнины, а Портъ-Магонъ это—

¹⁾ „Lizards of the rock“.

нѣсколько естественныхъ ущелій, заполненныхъ
водою, съ совершенно отвѣсными берегами.

Торговля Портъ-Магона очень незначительна
съ тѣхъ поръ, какъ англичане покинули его въ
1802 году, сдѣлавъ изъ него богатый городъ. Въ
стилѣ мѣстныхъ построекъ до сихъ поръ сохрани-
лись слѣды англійской культуры; такова же, по
происхожденію, и большая дорога, шоссе, проло-
женная во всю длину города и по острову, на
другую его сторону.

Въ католическомъ главномъ соборѣ прослу-
шали мы, по приглашенію нашего мѣстнаго кон-
сула, съ большимъ искусствомъ исполненный въ
честь русскихъ моряковъ, концертъ на органѣ.
Особенно эффектнымъ показалось намъ исполне-
ніе «Реквіума», Черубини.

Общее впечатлѣніе, произведенное Испаніей,
было не то, какого можно было ожидать. Ис-
панцы, повидимому, начинаютъ терять тѣ особен-
ности, которыя рѣзко выдѣляли ихъ изъ среды
другихъ европейскихъ народовъ, и теперь уже
во всемъ укладѣ своей жизни приближаются къ
общеевропейскому шаблону.

«Благородная наука тавромахіи», какъ назы-
ваютъ здѣсь зрѣлище «боя быковъ», еще увле-
каетъ, правда, нравы испанцевъ. Иногда лучшимъ
праздникомъ по большимъ городамъ: въ Сивельѣ,
Мадритѣ и др., служитъ день, назначенный для
этого зрѣлища. Но нравы большинства смягчи-

лись уже настолько, что это «великое искусство», грозившее когда-то уничтоженіемъ ремеслу мясниковъ, теперь перестаетъ увлекать пламенную натуру испанца. Большинство аренъ открывается теперь только для любителей и то, разъ—другой въ году. Уваженіе къ жизни животныхъ, безъ котораго и жизнь человека мало цѣнится, повидимому, дѣлаетъ успѣхи между испанцами. Иностранцы-эксцентрики могутъ быть недовольны, если въ Кадиксѣ они не встрѣтятъ возможности «взвинтить свои нервы кровавыми картинами боя быковъ».

Старыя черты прежней Испаніи сохранились теперь только въ «воинствующемъ католицизмѣ». Надзоръ за школами здѣсь принадлежитъ духовенству. Послѣднее сильно количествомъ и моральнымъ своимъ вліяніемъ, какъ самое интеллигентное сословіе, но отношеніе правъ его къ королевской власти, вообще—къ государству, составляетъ еще предметъ горячихъ споровъ и борьбы партій. А это—вопросъ, ведущій къ большимъ внутреннимъ смутамъ, начинаемымъ самими патерами съ семьи... Броженіе нравственныхъ понятій въ странѣ продолжается еще въ духѣ Игнатія Лойолы¹⁾... иезуиты сильны.

¹⁾ Основатель и первый генераль іезуитскаго ордена, имѣющаго одну цѣль, именно—«большую славу Божью», для чего—«все средства хороши».

Города—Спеція и Неаполь.

Въ Италіи крейсеръ нашъ пробылъ весну и начало лѣта. Это — лучшее время въ странѣ, съ конца марта по іюнь.

Италія скромна въ политической своей роли, по сравненію съ европейскими государствами. Другіе народы опередили ее и въ промышленности, и въ торговлѣ; даже въ литературномъ и научномъ движеніи эти, младшіе, превзошли свою старую учительницу съ ея классицизмомъ. Но зато, страна Цезарей и Горашевъ не имѣетъ соперниковъ въ Европѣ по богатству природы, по историческимъ воспоминаніямъ, и во всемъ здѣсь искусство гармонируетъ природѣ, съ цѣлью очаровать путника. Художественный и музыкальный инстинктъ вошли въ плоть и кровь населенія. Простой кровельщикъ, напримѣръ, въ пору своего обѣденнаго отдыха споетъ, бывало въ докѣ Специи, модную оперную арію такимъ бархатнымъ баритономъ, съ такимъ музыкальнымъ знаніемъ и талантомъ, что весь нашъ крейсеръ сбѣгался послушать, награждая артиста восторженнымъ вниманіемъ и самыми искренними одобреніями. Общимъ музыкальнымъ настроеніемъ увле-

каются и «наши». Великодушную «ретираду», этот вечерний маршъ, подъ звуки котораго ежедневно съ улицъ Специи возвращаются въ казармы мѣстные матросы, отпущенные на день въ городъ, мы, и у себя щеголяя музыкальною новинкою, заставляемъ выслушивать своихъ гостей и пронесемъ, конечно, этотъ «маршъ возвращенія» по всему Дальнему Востоку.

Удивительны народная гордость, любовь и чуткость итальянской націи къ своей исторіи, которою здѣсь одушевлена, кажется, всякая пядь земли. Свою родную старину изучаетъ простой рабочій — если не изъ книжки, то на самыхъ вещественныхъ данныхъ; каждый можетъ служить дѣльнымъ проводникомъ не только въ родныхъ окрестностяхъ.

Небо Италіи, ея сочная растительность давно и громко прославлены. Однако, много въ странѣ городовъ и мѣстечекъ, которые не могутъ похвалиться благопріятными климатическими условіями жизни. Особенно не гигиеничны большіе приморскіе пункты съ ихъ скученнымъ населеніемъ чернорабочихъ, съ нищенскимъ сословіемъ «благородныхъ» лѣнтяевъ и попрошаекъ», съ легкомысленнымъ уличнымъ классомъ профессиональных пѣвцовъ и музыкантовъ.

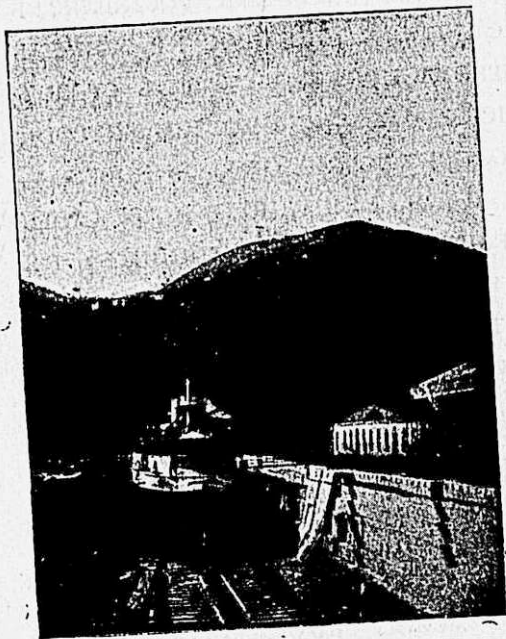
Деньги такъ дороги въ Италіи, что растлѣвающее значеніе ихъ ужасаетъ самага поверхностнаго наблюдателя. Есть здѣсь цѣлые города, специально поставляющіе дѣтей покупателямъ;

чѣмъ дитя красивѣе и умнѣе, тѣмъ больше оно имѣетъ шансовъ попасть отъ голодныхъ родителей въ каторгу къ торговцу человѣческимъ достоинствомъ... Послѣдній дѣлаетъ изъ дѣтей акробатовъ, шарманщиковъ, уличныхъ пѣвцовъ и кокетливыхъ продавщицъ цвѣтовъ.

Недостатокъ зерновыхъ хлѣбовъ составляетъ постоянное бѣдствіе народа, которое не можетъ быть покрыто избыткомъ производства въ странѣ оливковаго масла, шелковыхъ коконовъ и матерій, или богатствомъ столовыхъ плодовъ, винограду, миндалю, апельсинъ, фигъ, каштановъ и др. Самъ король Италіи называется «бережливѣйшимъ» въ числѣ коронованныхъ особъ. Досужіе люди сосчитали, что онъ тратитъ на свой обѣденный столъ только по одному рублю на персону, экономя и въ количествѣ лицъ, пользующихся правомъ и случаями на королевскій обѣдъ.

Спеція — городъ Сѣверной Италіи; это наилучшій военный портъ для всего флота страны. Входъ въ бухту идетъ между крутыми берегами, за поворотомъ гордаго мыса Порто-Венере и прелестнымъ островомъ Пальмаріей. Совершенно круглая, очень обширная бухта сплошь окаймлена фортами, верфями, заводами, рыбацкими поселками и отдѣльными группами домовъ. Монастыри много скрашиваютъ общій видъ бухты, поднимая къ небу свои высокія колокольни среди богатой растительности.

Собственно городъ протянулся по ущелью, въ глубинѣ бухты. Здѣсь же устроены внутренніе бассейны, морской арсеналь и всевозможныя мастерскія. Докъ занимаетъ два обширные бассейна, которые могутъ быть осушены, по вводѣ въ нихъ судна, въ нѣсколько часовъ. Въ одномъ то изъ

«Нахимовъ» въ докѣ.

нихъ и простоялъ нашъ крейсеръ болѣе двухъ мѣсяцевъ.
Красота залива ставитъ Спецію на одно изъ первыхъ мѣстъ Италіи. Особенно эффектенъ видъ города и всего порта, открывающійся съ мраморнаго холма, который господствуетъ надъ запустѣвшимъ городомъ Порто-Венере и расположенъ

часовнѣ и въ сосѣдней пещерѣ, называемой «лазоревымъ гротомъ». Съ башни открывается дивный горизонтъ. Отчетливо вырисовываются мысы и бухты, слѣдующіе другъ за другомъ въ направленіи къ Генуѣ; видны горы Корсики, подобныя туману, остановившемуся на берегу голубого моря; видны убѣгающіе вдаль берега Тосканы. Живописные края противоположнаго берега даютъ возможность различить масличныя лѣса отъ рощъ кипариса и другихъ деревьевъ, выдѣляющихся на поразительно чистомъ фонѣ Аппенинъ и Апуанскихъ горъ. Прямо — «очаровательный Лиричи», подалѣе къ югу рисуется тотъ берегъ, на которомъ Байронъ обратилъ въ пепелъ тѣло своего друга Шелли ¹⁾. Подъ ногами зрителя, съ края самой башни идетъ провалъ между двухъ совершенно отвѣсныхъ скалъ, и тихія—тихія голубыя воды, будто зачарованныя въ истомѣ нѣги, хранятъ на себѣ группы рыбачьихъ лодокъ. Отвѣсно же изъ воды поднимаются частые, стѣна въ стѣну, старые дома города Порто-Венере, въ которыхъ веселая богиня древности теперь потеряла всѣ свои алтари, такъ какъ этотъ городокъ заселился исключительно семьями скромныхъ рыбаковъ и камнетесовъ.

¹⁾ Въ серьезномъ сочиненіи Э. Реклю: „Земля и люди“, описывается характеръ этого берега, соответствующимъ ему событіемъ печальнаго обряда, исполненнымъ здѣсь величайшимъ англійскимъ поэтомъ, „мрачнымъ Байрономъ“, надъ тѣломъ его „свѣтлаго друга“, англійскаго же поэта, идеалиста Шелли.

Невиданное для насъ зрѣлище, по разнообразію и роскоши плодовъ, овощей и пр., представляетъ въ Спеціи базаръ на площади Кавуръ. Раннимъ утромъ вся площадь, буквально, покрыта бываетъ горами фруктовъ, утопаетъ въ съѣдобной зелени; въ безчисленныхъ переходахъ своего лабиринта оттъняется она декоративными и плодовыми деревьями, вынесенными на продажу въ полномъ цвѣту. И все это разносится по домамъ къ 10 часамъ дня, когда площадь принимаетъ видъ чистаго, гладкаго асфальтоваго двора, заключеннаго среди громадныхъ каменныхъ домовъ. Не столь поразительна дешевизна этого растительнаго богатства, какъ то соображеніе, что городъ все это потребляетъ въ одинъ день. Питаніе мѣстнаго жителя, очевидно, нельзя назвать скуднымъ. Мясо недоступно только чернорабочему, но его замѣняютъ т. н. «морскими фруктами» ¹⁾, — рыбою, разными ракушками и моллюсками, въ изобиліи доставляемыми моремъ. Лучшія породы морскихъ рыбъ и устрицы въ общемъ употребленіи.

Въ день отхода крейсера изъ Спеціи, 6 іюня, провожаетъ русскихъ моряковъ цѣлая флотилія лодокъ, наполненныхъ пестрыми нарядами и цвѣтными зонтиками дамскаго общества... Ему хочется «зрѣлищъ и зрѣлищъ!»

Остался городъ—не безъ представителей рос-

¹⁾ „Frutti di mare“...

сійскаго элемента. Жена одного изъ итальянскихъ офицеровъ со своею матерью, горный инженеръ, изучающій свое дѣло на мѣстныхъ заводахъ, два матроса съ крейсера, оставленные въ мѣстномъ морскомъ Госпиталѣ, напоминаютъ Спеціи русское имя.

«La bella Napoli...» «O, bella Napoli!» —таковы обычныя восклицанія въ рассказахъ объ этомъ излюбленномъ городѣ туристовъ всего свѣта, о **Неаполѣ**. Прославлены не менѣе и окрестности города: Байскій берегъ, Капри, Везувій и др. Привлекаетъ туриста La Grotta di Pazzella, просверленная гора или подземный проѣздъ, простирающійся въ длину на цѣлую милю. Кто только не сказалъ своего слова, посмотрѣвъ хоть мелькомъ и однажды на воскрешенный изъ подъ пепла городъ Помпею, побывъ хотя бы десять минутъ въ Акваріумѣ, въ Національномъ музеѣ, въ настоящемъ итальянскомъ «Лазоревомъ Гротѣ» и пр.

Со стороны входа въ бухту Неаполя мы поражены были развернувшеюся грандіозною картиною города въ ту эффектную пору, когда стояло раннее, прелестное утро. Солнце только что взошло, когда съ судна ясно увидѣли нѣжныя очертанія береговъ. По мѣрѣ приближенія къ сушѣ, яснѣе обрисовались крутые выступы горъ. Не было еще и 8 часовъ; городъ, полупроснувшись, словно потягивался; нѣжась на лонѣ голубыхъ водъ залива, сверкая подъ сѣнью зелени золотыми бликами

отраженныхъ въ водѣ шпилей храмовъ, стекляннаго купола надъ галлереею Виктора Эммануила, и т. п. Будто дѣйственно-чистый сонъ красавицы, — этого города южной нѣги и блеска, нарушенъ ласковымъ солнцемъ: еще не сбѣжали отъ очей грезы ночи... Свѣтъ пронизываетъ всѣ предметы, какъ-то, съ боку. Изъ стрѣльчатыхъ башенъ, ажурныхъ оконъ, сквозь разноцвѣтныя стекла зданій глядитъ такая же, кажется, ясная душа народа, населившаго этотъ рай земной, какъ изъ полуприподнятыхъ рѣсницъ, только что пробудившагося отъ сладкаго сна ребенка.

Такъ кажется «изъ прекраснаго далека»...

Средняя температура въ Неаполѣ — полутропическая. Снѣгъ выпадаетъ здѣсь очень рѣдко и только на вершинахъ горъ подолгу лежитъ онъ, умѣряя полдневный зной. Въ плодовыхъ садахъ по окрестностямъ растительность совмѣщаетъ въ себѣ все южное богатство. Лимонъ, апельсинъ, финикъ группируются въ рощи; маслины занимаютъ цѣлые лѣса — тѣнистые, какъ наши парки. Даже скала, едва посыпанная плодородною землею и неимѣющая, повидимому, влаги, обладаетъ большимъ плодородіемъ. На обрывахъ и террасахъ горъ разводятся обнесенные гранитными барьерами виноградные и фруктовые сады, приносящіе обильные и превосходнаго качества плоды.

Мѣстоположеніе Неаполя связано съ народною легендой, будто отсюда, чрезъ какія-то вулкани-

ческія пещеры сходилъ во адъ І. Христосъ. Около города, около этого горна преисподней насчитываютъ до двадцати кратеровъ, съ Везувіемъ во главѣ. Въ окрестностяхъ его, изъ знаменитой «собачьей пещеры» течетъ источникъ углекислоты, посѣщаемый множествомъ иностранцевъ. Съ возвышеннаго мѣста здѣсь можно созерцать тотъ Неаполитанскій заливъ, который называется поэтами «кусочкомъ неба, упавшимъ на землю», — одинъ изъ самыхъ роскошныхъ видовъ на земномъ шарѣ. Въ дивной рамѣ, образуемой моремъ и горами Апенниннами, развертывается предъ взоромъ веселая Искрія, грозный островъ Капри, синѣющій вдали мысъ Сорренто, Везувій, съ двойнымъ поясомъ чередующихся на немъ полей зелени и сѣропепельной почвы, — цѣпь городовъ, бѣлѣющихъ вокругъ залива, спускающіеся по склонамъ дома Неаполя и, въ большой дали, плодородныя равнины Кампаньи.

Красота Неаполитанскаго залива зависитъ отъ его округлой формы, отгѣняемой зелеными горами, и въ особенности отъ цвѣта воды. Море играетъ переливами изумрудныхъ цвѣтовъ, по которымъ около берега, въ мелкихъ мѣстахъ и надъ подводными камнями плаваютъ бирюзовыя большія пятна. Но послѣднія рѣдки. Основной тонъ воды — изумительно мягкій изумрудъ, и если смотрѣть впередъ, на встрѣчу солнечному лучу, то послѣдній, преломляясь въ граняхъ зыби, даетъ капли — брилліанты по обширному лазурному полю.

Наиболѣе эффектенъ видъ на заливъ съ острова Капри, куда, въ былое время, удалился Тиверій, второй римскій императоръ. Отъ города до острова разстояніе будетъ развѣ немногимъ далѣе, какъ отъ Петербурга до Кронштадта. Но въ такой дали Капри рѣзко вырисовывается здѣсь въ яркой синевѣ неба изящно угловатыми очертаніями своей фигуры, какъ голубоватое облачко, опрокинутое надъ горизонтомъ. Сообщение — ежедневное на пароходахъ съ пристани Via Partenore; по пути можно высадиться и на Сорренто.

На Капри пароходъ входитъ въ узенькую полосу крошечнаго заливчика. Но самъ островъ довольно обширный, поражающій видомъ своихъ скалъ, которыя прямо изъ моря совершенно отвѣсно взбѣгаютъ кверху на страшную, головокружительную высоту. У насъ въ Крыму, около Георгіевскаго монастыря и Балаклавы, берегъ много напоминаетъ здѣшнюю картину. Море вѣчно дышетъ, могуче поднимаясь и опускаясь всею своею тяжелою массою въ сажень высоты. Какой громъ долженъ тутъ получаться во время волненія!

На Капри пассажиры высаживаются въ двухъ мѣстахъ, у городка и, подалѣе, предъ отвѣсною скалою, въ которой смотрятъ «Лазоревый гротъ», — эту чудную игру природы. Собственно въ пещеру входятъ на крошечныхъ лодочкахъ, руководимыхъ опытными рулевыми, чрезъ узкое горло, сажени въ 3—4 длиною. Внутри переживаются впечатлѣнія, невыразимыя словами. Гротъ сверкаетъ и

переливается лазурью, мягкая синева отбѣняетъ стѣны и потолокъ. Пещера свѣтится какимъ-то своимъ свѣтомъ исходящимъ изъ стѣнъ, изъ потолка, но особенно изъ воды. Это происходитъ отъ того, что все освѣщеніе здѣсь бываетъ только отраженнымъ чрезъ преломленіе внѣшнихъ лучей солнца въ морской глубинѣ, съ которой уже и проникають лучи въ пещеру.

Отъ Лазореваго грота пароходъ возвращается къ мѣсту первой остановки на Капри. Отсюда ѣздить смотрѣть остатки виллы Тиверія и въ маленький городокъ Анакапри, а также поднимаются на возвышенную точку острова къ средневѣковому замку германскаго императора Фридриха Барбароссы, временнымъ пребываніемъ котораго это мѣсто когда-то служило. Весь заливъ отсюда виденъ до послѣдней лодочки: все миниатюрно, но вездѣ отчетливо — отъ прозрачности и чистоты воздуха.

Дорогая и въ тоже время страшная для неаполитанцевъ гора Везувій въ наши дни только дымится; снизу она роскошно обросла зеленою садовою и домами. Извѣстно, что вулканъ этотъ покоится иногда такъ долго, что о внутренней грозной силѣ его мирные жители окрестностей, словно бы, забываютъ. Итальянцы называютъ Везувій «добрымъ, старымъ ворчуномъ», а вулканъ Этны — злымъ, такъ какъ первый предупреждаетъ о началѣ своихъ изверженій подземнымъ гуломъ

и усиленнымъ выдѣленіемъ газовъ, изверженія же Этны наступаютъ неожиданно быстро. Съ XVII в. не прошло, однако, десятилѣтій, чтобы не случилось за такой періодъ времени одно или два изверженія Везувія, но всѣ они, сравнительно говоря, не были настолько крупны, чтобы измѣнить профиль горы. Большой конечный конусъ вулкана имѣетъ теперь самую правильную форму; широкою брешью отдѣляется отъ него вторая пирамида. Самый кратеръ, на днѣ котораго клочетъ лава, конечно, недоступенъ непосредственнымъ наблюденіямъ, но окружность его, усѣянная буграми изверженія, взрывы газа изъ-подъ ногъ, — всѣ эти различныя проявленія вулканической дѣятельности ежедневно предъ глазами.

Вулканъ имѣетъ свой округъ горячихъ источниковъ и выходящихъ изъ земли паровъ, но въ этомъ отношеніи любопытнѣе другая, близкая къ Везувію гора, Вультуръ. Она возвышается надъ первымъ и расположена на продолженіи линіи, мысленно проводимой отъ острова Иски черезъ самый Везувій, почти къ востоку отъ Неаполя. Большой кратеръ Вультура, открытый съ сѣвера, испускаетъ углекислоту при берегахъ двухъ озеръ. Между городами Везувіемъ и Вультуромъ находится самый обильный въ Италіи источникъ углекислоты, которая исходитъ изъ маленькаго озера, или скорѣе, лужи «Ансанто» ¹⁾, называе-

¹⁾ То есть, „безвоздушной“.

мой такъ вслѣдствіе отдѣляемыхъ ею негодныхъ для дыханія газовъ. Въ одномъ мѣстѣ струя углекислоты вырывается изъ расщелины съ рѣзкимъ шумомъ, похожимъ на шумъ кузнечнаго мѣха. Вокругъ вся земля покрыта остатками насѣкомыхъ, которыя погибли мгновенно, попавъ въ область смертоноснаго газа.

Интересно, что тутъ и тамъ, въ сосѣдствѣ негигіеничныхъ явленій природы раскинулись веселые сельскіе домики, цвѣтутъ сады, бодро населеніе. На склонахъ же самаго конуса Везувія построена обсерваторія, которая иногда бывала окружаема огненными волнами лавы. Ниже ея раскинуты виноградники, дающіе знаменитое вино, которому присвоено легендарное названіе «Lacrima Cricti».

Неаполь славится винами, и наши моряки умѣло отдали честь мѣстному винодѣлію. Но рѣдкіе, къ сожалѣнію, сорта винъ нынѣ удерживаютъ прежнюю славу. Вообще виноградники здѣсь содержатся плохо и даютъ лишь посредственное вино, годное только для мѣстнаго употребленія. Исключеніе составляетъ легкое шипучее «Асти» ¹⁾ и лучшее, «Монфератъ». Когда-то славилось «Пиколито» изъ окрестностей Удины; оно, говорятъ, не уступало токайскому, но давно уже отошло въ область счастливыхъ преданій. Настоящее «Кьянти», вино съ острова Капри,

¹⁾ Это—бѣлое, почти сладкое вино.

на столѣ у экономнаго итальянца бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Всѣ высшіе сорта натуральныхъ винъ идутъ за-границу, въ мѣстномъ употребленіи они подвержены фальсификаціи. Лакомствомъ для кореннаго итальянца служатъ бѣ-

На бакѣ «пѣсни пѣтъ и веселиться»...

лое Пьемонтское и красное Тосканское вино; это для непривычнаго потребителя тяжелые сорта.

Общее и частое удовольствіе наше составляла мѣстная опера, легко въ Италіи всѣмъ доступная и прекрасно поставленная. Въ одинъ вечеръ отрадно было услышать «серенаду» ¹⁾ грековъ и славянъ, чернорабочихъ порта, присутствовавшихъ

насъ, какъ единовѣрцевъ, пѣніемъ у борта нашего крейсера греческихъ и славянскихъ молитвъ.

¹⁾ Мѣстный репортеръ назвалъ это молитвенное общеніе между собою разноязычныхъ православныхъ людей «вечернею серенадою въ честь Дѣвы Маріи».

На суднѣ съ борта цѣлыми днями слышали хоры пѣвцовъ, пріѣзжавшихъ на своихъ лодкахъ. Приглашали этихъ уличныхъ артистовъ и на судно для пѣнія во время офицерскаго обѣда. Поощряя искусство, щедро дарили любимцевъ и любимицъ изъ хора.

Веселились, по своему, и на бакѣ, отплясывая подъ готовую музыку, или заводя свою хоровую пѣсню...

Широкая натура россиянь развернулась подъ благодатнымъ небомъ Неаполя. Но судьба подъ стерегала нашихъ моряковъ въ разгарѣ удовольствій. Получено было распоряженіе идти немедленно и, какъ можно поспѣшнѣе, на Востокъ въ Китай. Надежды увидѣть попутные въ этомъ направленіи порта Греціи: Пирей, берега Аэона и др., безвозвратно утрачиваются.

Слухи о войнѣ привлекали общее вниманіе давно уже. Сейчасъ только что прогремѣло по Европѣ извѣстіе о геройскихъ дѣйствіяхъ союзнаго отряда канонеровъ при взятіи фортовъ Таку, расположенныхъ въ устьѣ рѣки Пэйхо, и представлявшихъ стратегическій ключъ къ самому Пекину. Всѣ моряки рвутся на театръ военныхъ дѣйствій.

— «Подтянемся... довольно «представительства»!—обѣщаютъ у насъ, мѣняя настроеніе.

Общій подъемъ духа растетъ, при видѣ сборовъ и приготовленій къ отходу на Дальній Востокъ,

въ средѣ собратьевъ по оружію, иностранныхъ военныхъ судовъ. Нашъ крейсеръ не хочетъ отстать въ пути и, соревнуя по старой своей славѣ, надѣется опередить многія изъ иностранныхъ судовъ одного съ нимъ класса.

Однако, это не легко достигнется...

Одни только образцовыя суда идутъ въ Китай.

II. У АЗІАТСКИХЪ БЕРЕГОВЪ.

„Сбылося всё, о чемъ за дальними годами

Мечталъ я мальчикомъ, въ грядущее смотря“.

X.

До Аденскаго залива.

БОЛЬШАЯ европейская дорога въ Китай ¹⁾ проходитъ чрезъ Италію по Адриатическому заливу, съ посадкою на океанскіе пароходы въ гор. Бриндизи. Это скорѣйшій путь слѣдованія на Дальній Востокъ пассажировъ и почты изъ Англіи, Германіи, Австріи и даже Петербурга ²⁾. Триестъ, Венеція, Анкона и все побережье Адриатики—съ этой стороны, и съ другой: Генуя, Спеція, Ливорно, Чивитавеккія, Римъ, Неаполь, портовые города Сициліи и Мальты соединены между собою пароходными рейсами и желѣзными дорогами.

¹⁾ Англичане называютъ ее своей, англійской дорогой, которою направляются на Востокъ туристы этой націи.

²⁾ До открытія великаго Сибирскаго жел.-дорожн. пути.

Мы проходимъ послѣднимъ путемъ, а именно, послѣ Неаполя прямо идемъ въ Мессинскій заливъ, на Александрийскую линію, чрезъ Портъ-Саидъ и Суэцкій каналъ въ Красное море, въ Перимъ, въ Коломбо, Сингапуръ, Гонгъ-Конгъ, до Портъ-Артура. Собственно Китай здѣсь увидѣть надѣмся съ попутныхъ рейдовъ.

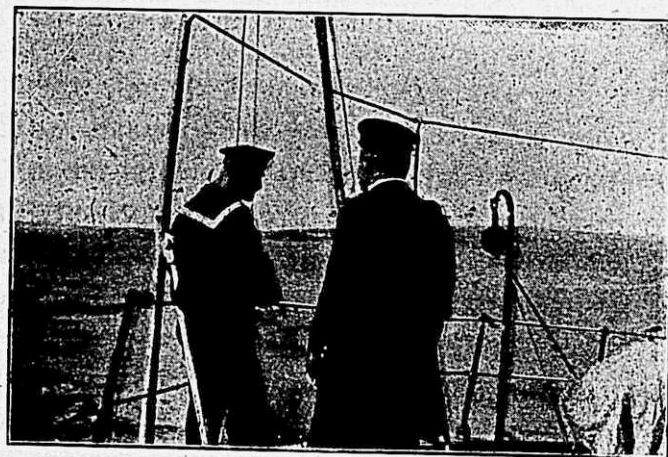
Къ вечеру 14 іюня простились мы съ Неаполемъ, чтобы, не вступая на берега, перешагнуть изъ Европы въ южную Азію, на Цейлонъ. Предстояло сопоставить впечатлѣніе контраста между Неаполемъ, этою «драгоценною жемчужиной въ итальянской коронѣ», съ г. Коломбо, рядомъ съ которымъ, по сказанію восточныхъ народовъ, былъ «второй рай земной». Переходомъ торопились по необходимости, такъ какъ крейсеръ былъ немедленно потребованъ на театръ военныхъ дѣйствій, въ Печилійскій заливъ ¹⁾, а въ промежуточныхъ портахъ до Цейлона, которые всѣ объявлены сейчасъ неблагополучными по чумѣ, воспрещенъ выходъ съ судна на берегъ.

Въ началѣ, по пути крейсера, острова Средиземнаго моря и между ними — маленькій Стромбоми съ вулканомъ того же имени, далѣе — острова Архипелага промелькнули, какъ въ сказкѣ. Послѣ великолѣпнаго Неаполя осталось такъ много впе-

¹⁾ Выраженіе — потребовать судно на „театръ военныхъ дѣйствій“, въ послѣдствіи было исправлено въ смыслъ „участія судна въ событіяхъ по Китаю за 1900—1901 г.“.

чатлѣннѣй въ головѣ, ощущеній въ сердцѣ и, еще болѣе, общаго утомленія въ организмѣ, что впору было только отдохнуть получше на этомъ покойномъ переходѣ съ береговъ культурной Европы къ суровой пустынѣ, лежащей на границѣ Африки и Азіи.

Въ Портъ-Саидѣ съ особенными предосторожностями поданы были на бортъ судна запасы угля

Въ Азію.

и свѣжей провизіи. По причинѣ карантина, только издали видѣли г. Суэць; здѣсь, съ другого конца канала, остановка на рейдѣ была очень непродолжительною. Дальше, Краснымъ моремъ прошли не въ Адень, а въ Перимъ, гдѣ смотрѣть было совсѣмъ уже нечего. Но карантинъ оказался здѣсь снятымъ и нѣкоторые изъ насъ не утерпѣли: сошли, по ужасающей жарѣ, на берегъ, чтобъ хотя вступить

ногою на твердую землю и выпить содовой воды со льдомъ и виски ¹⁾. Мѣстному обществу англичанъ, кстати, былъ сдѣланъ, кѣмъ слѣдуетъ, оффиціальныи визитъ, на который отвѣтомъ послужило вечернее посѣщеніе крейсера комендантомъ порта съ его супругою и ихъ блѣднолицею миссъ ²⁾. Съ ними еще увидѣли двухъ юныхъ «джентльменовъ», изъ служащихъ по каменноугольной компаніи, и одного офицера мѣстнаго гарнизона. И это былъ, чуть ли, не весь наличный составъ бѣлаго населенія острова.

Думается, что ни одинъ городъ между Европою, Азіею и Африкою не представляетъ большаго интереса для наблюдателя, чѣмъ **Портъ-Саидъ**, благодаря стеченію сюда множества людей разныхъ расъ и народовъ. Бойкій французъ, инициаторъ идеи прорытія Суэцкаго канала, живетъ здѣсь рядомъ съ англичаниномъ, холоднымъ спекуляторомъ, захватившимъ въ свои руки почти все геніальное предпріятіе. За англичаниномъ увязался сюда юркій итальянецъ; тутъ же сохранился первобытный «сынъ пустыни» — арабъ; негръ чернокожій, составилъ здѣсь новую расу чрезъ смѣшеніе своего рода съ европейцами. Тутъ бываетъ чистокровный потомокъ дальней Эфіопіи и работаетъ не-

¹⁾ Распространенный среди англичанъ напитокъ, — *Soda Scotch whisky* — освѣжаетъ въ жаркомъ климатѣ, если виски, этой крѣпчайшей водки, брать на стаканъ содовой воды не болѣе одной — двухъ чайныхъ ложекъ.

²⁾ Т. е., съ дочерью, дѣвицею.

утомимо феллахъ, скромный трудолюбецъ съ тучныхъ береговъ Нила; тутъ наживается палестинскій еврей и «философъ коммерціи» — грекъ; здѣсь же турокъ рыболовъ составляетъ постоянный классъ населенія и, наконецъ, проходитъ нашъ простаекъ — русакъ, богомолецъ на Синай. Все это смѣшанное населеніе пестритъ на глазахъ заѣзжаго сюда любопытнаго путника. Портъ-Саидъ славенъ этимъ характеромъ космополитическаго города, собравшаго къ себѣ представителей европейской культуры и азиатской косности, непосредственности африканской первобытной расы и предприимчивости современнаго бельгійца. И все это ужилося здѣсь на небольшомъ клочкѣ, отвоеванномъ у песчаной пустыни.

Вблизи городъ представляетъ довольно унылый видъ. Глубокіе и обширные бассейны его для стоянки судовъ еще не вездѣ обложены гранитною набережною; здѣсь и тамъ печально желтѣютъ песками берега вновь устраиваемыхъ квадратовъ — бассейновъ; чернѣютъ грязныя, разрушающіяся деревянныя пристани, кое-гдѣ замѣненныя грандіозными каменными, что еще болѣе отгнѣняетъ заброшенность первыхъ. Постоянное множество судовъ близко прижимается къ набережной города, или длинною цѣпью выстраивается по срединѣ бассейновъ и канала, заслоня перспективу города. Наконецъ, самый каналъ, уходя неширокою лентою одинокаго, прямолинейнаго своего русла въ унылую даль песковъ, словно

прощается со всѣмъ живущимъ. Серебристая струя его подъ яркими лучами тропического солнца блеститъ, какъ-то, зловѣше въ оправѣ красныхъ песковъ пустыни.

Со стороны моря, на нѣкоторомъ отдаленіи, видъ города живѣе. Отсюда, прежде всего, поднимается высокій срединный куполъ зданія управленія Суэцкаго канала. Подъ этимъ куполомъ, по мѣрѣ приближенія къ городу, постепенно вырастаютъ башни, арки навѣсовъ, открытыя галереи и вся массивная площадь этого зданія, покоящаяся на водахъ канала, окруженнаго лѣсомъ мачтъ и запутанной паутины судового такелажа¹⁾. Оригиналенъ мавританскій стиль зданія; онъ, какъ нельзя характернѣе, гармонируетъ съ мѣстностью, достойно вѣнчая великій трудъ, соединившій народы Индіи и Востока съ европейскою цивилизаціей. Понятнѣе тогда становится это первое значеніе города, какъ исключительно передаточнаго пункта въ торговлѣ и прочихъ проявленіяхъ всемірнаго общенія.

Заброшеннымъ кажется высокій шпиль кирки, тускло просвѣчивающій гдѣ-то въ сторонѣ справа, въ глубинѣ городскихъ разнохарактерныхъ построекъ. Не производитъ впечатлѣнія и болѣе замѣтный греческій храмъ, расположенный въ просвѣтѣ улицъ и отстраиваемый въ стилѣ базилики, — длиннаго, ровной высоты каменнаго зданія. От-

¹⁾ Это — вся вообще оснастка мачтъ на кораблѣ.

личительная особенность мѣстныхъ построекъ, изъ которыхъ лучшими слѣдуетъ назвать дома конторъ и банковъ, та, что они кажутся созданными только на короткое время для потребностей проходящаго мимо путника. Въ стилѣ ихъ отразилось вліяніе французовъ, какъ первыхъ хозяевъ мѣста.

Вотъ, гряда гостинницъ лѣпится по краю довольно высокаго холма, тамъ — по набережной идетъ рядъ полукаменныхъ французскихъ шалѣ, по улицамъ вытянулись торговыя лавки съ навѣсами отъ солнца. И вездѣ — столбы угольной пыли и жаръ, сухой жаръ, какъ въ горячей печкѣ...

Торгуютъ здѣсь бойко; особенно шумно живутъ, съ приходомъ каждаго новаго судна, увеселительные притоны. Гашишъ¹⁾, алкоголь и пр. быстро подтачиваютъ здѣсь здоровый организмъ челоуѣка, уродуя его нравственную и физическую сторону жизни.

Красное или Черное море, отдѣляющее Аравію отъ Абиссиніи и Египта, заканчивается на сѣверѣ двумя заливами, которые омываютъ Синайскій полуостровъ. Изъ нихъ западный заливъ — Суэцкій; онъ соединяетъ воды Краснаго и Средиземнаго морей **каналомъ Портъ-Саидскимъ или Суэцкимъ**, проходящимъ на своемъ пути сквозь бассейнъ «Горькихъ озеръ. Съ открытіемъ канала

¹⁾ Это — наркотическое средство, одуряющее челоуѣка, рисующее въ воображеніи веселыя картины.

Красное море наполнило этот бассейн, из которого вода предъ тѣмъ уже почти совсѣмъ испарилась, и то же море обновляетъ уровень канала регулярными колебаніями прилива и отлива. Въ часъ прилива, незамѣтнаго на рейдѣ Портъ-Саида, уровень Краснаго моря въ Суэцѣ стоитъ выше на $1\frac{1}{2}$ аршина, чѣмъ уровень Средиземнаго моря на другой оконечности канала. Такимъ образомъ, переходъ нашего крейсера будетъ небольшимъ подъемомъ въ гору къ Суэцу.

Вышли мы этимъ путемъ въ ночь, освѣщая пространство впереди себя боевыми электрическими фонарями. Тишина и значительная прохлада ночи, молчаливые мириады звѣздъ въ небѣ, ровная плоскость пустыни по обоимъ берегамъ, и только въ центрѣ картины неуклонно движущаяся громада крейсера, съ яркими снопами свѣта по носу, — все это напоминаетъ библейскія времена народа Божія, водимаго по этому самому пути подъ свѣтью «огненнаго столпа»... Днемъ, когда въ воздухѣ тихо, и еще болѣе, когда дуетъ вѣтеръ изъ пустыни, тогда плаваніе въ каналѣ и далѣе, Краснымъ моремъ, очень томительно для европейца. Тончайшая красная пыль проникаетъ сквозь одежду; удушаетъ и томитъ она до изнеможения на всемъ пути, занимающемъ 5—6 сутокъ. Багровый цвѣтъ неба, отражающійся въ морѣ, ослѣпительный блескъ господствующихъ надъ нимъ близкихъ береговыхъ горъ и скалъ, раскаленный воздухъ, которымъ приходится дышать въ этихъ

знойныхъ водахъ по 12 часовъ въ сутки: таковы причины, заставившія придать названію этого моря смыслъ «жаркаго», какъ говорится и о солнцѣ «красномъ».

Суэцъ—портъ западнаго залива Краснаго моря, находящійся на африканскомъ берегу. Это довольно веселый, нѣсколько зеленый оазисъ, противоположный Синайской пустынѣ, лежащей рядомъ къ востоку. Глядя на него, вспоминается исторія израильтянъ, странствовавшихъ по Синайскому полуострову въ поискахъ за родниками «живой воды», которая, хотя бы въ видѣ струйки, бьющей изъ скалы, бываетъ здѣсь, безспорно, самымъ источникомъ жизни въ пустынѣ: вокругъ вырастаютъ деревья, тутъ же группируются люди и животные, дорожа каждою каплею драгоценной влаги и освѣженнаго ею воздуха, и тѣ, кого оживляетъ чистая вода, создаютъ о появленіи ея цѣлыя легенды. Суэцъ и стоитъ при родникахъ, называемыхъ «Моисеевыми», которые берутъ свое начало верстахъ въ 14 отъ города.

Вся **Синайская пустыня** составляетъ становище бедуиновъ. На полуостровѣ Синайскаго треугольника, замѣчательнаго по своей геометрической фигурѣ, городовъ нѣтъ. Портомъ полуострова служитъ единственный городокъ Торъ, расположенный на восточномъ берегу и замѣчательный только тѣмъ, что отсюда отправляются христіанскіе богомольцы въ монастырь св. Екатерины, къ подножію горы Синая, и на гору Хоривъ.

Преданія разногласятъ относительно мѣсто-нахожденія той горы, которая первая была почитаема христіанами, какъ священный Синай, и откуда снизошли на землю слова св. Закона среди блеска молніи и ударовъ грома. Со времени Императора Іустиніана таковою почитается Джебель-Катеринъ, самая высокая, въ $2\frac{2}{3}$ версты, гора, выдающаяся со средины полуострова и названная съ тѣхъ поръ по имени монастыря св. Екатерины, лежащаго на одномъ изъ ея обрывовъ. Наука же называетъ Синаемъ гору Сербаль, по высотѣ уступающую первой, но болѣе грандіозную, по своему изолированному положенію, предъ которою разстилается обширная равнина и въ склонахъ которой находятся глубокія впадины. Изъ нихъ отшельники давнихъ временъ сдѣлали себѣ жилища, пополнивъ внутреннее устройство естественныхъ пещеръ нужными приспособленіями, выскочивъ въ камнѣ грубыя скамейки и алтари. Въ одномъ изъ глубокихъ склоновъ этой горы, къ западу, въ узкомъ корридорѣ слышатся чарующіе звуки, то слабые, какъ будто отдаленная игра на флейтѣ, то сильные, словно звуки органа. Смотря по степени солнечнаго зноя, влажности воздуха и земли, количеству отдѣляющихся отъ скалъ силою береговаго вѣтра кристаллическихъ песковъ, музыка кажется тихимъ вздохомъ или ревущимъ голосомъ горы.

Съ моря въ группѣ горъ отчетливо выдѣляется своимъ гребнемъ, имѣющимъ фигуру лежащаго

верблюда, одинъ только близкій къ берегу Хоривъ. Южнѣе его, въ глубинѣ полуострова, выше и выше группируются въ живописные пейзажи каменные громады съ причудливымъ профилемъ и разнообразнымъ колоритомъ.

Населеніе Суэцкаго перешейка и Синайскаго полуострова составляютъ бедуины. Они считаются потомками тѣхъ амалекитянъ, которыхъ евреи, по выходѣ изъ Египта, побѣдили при Рафидимѣ. Но, вообще, племена эти различнаго происхожденія: въ Портъ-Саидѣ и Суэцѣ можно встрѣтить и такихъ бедуиновъ, которые походятъ на сѣверныхъ европейцевъ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами.

Иное дѣло, другой представитель мѣстнаго населенія—феллахъ, типъ котораго остался неизмѣннымъ со временъ фараоновъ. Большею частію это чернорабочій въ Портъ-Саидѣ, отчасти и въ Суэцѣ. Когда они грузятъ на судно уголь, то, кажется, если бы удалить всю современную обстановку этой операціи, тогда получилась бы положительно картинка съ египетскихъ пирамидъ. Тѣ же, общія тому и другому періоду исторіи, мелкія, юркія, черныя фигурки ихъ націи; та же посадка, приемы и неестественно натянутая, на первый взглядъ, манера держаться на узкой доскѣ, перекинутой съ угольной баржи на бортъ крейсера; то же, при работѣ подъ палящими лучами солнца, почти полное отсутствіе одежды, состоящей изъ какого-то башлыка на головѣ и опояски по бедрамъ; тѣ же

у нихъ корзины, носимыя на плечѣ; все то же, до мелочей... Невзыскательность въ питаніи, выносливость въ трудѣ, рабское положеніе феллаха—вотъ что создало когда-то могущество и «всю премудрость египетскую». Оторванный отъ земли силою римскаго оружія, этотъ рабочій классъ былъ привлеченъ къ другому рода занятіямъ: носилъ палатки за войсками, сталъ рабомъ воина, и пустыня покрыла песками плодородную равнину Нила, съѣдая ее неуклонно, годъ за годомъ; не стало и царства фараоновъ. Порабощеніе феллаха, сохранивъ его родовой типъ, не послужило въ пользу и послѣдующимъ его владыкамъ, изнѣживъ этихъ послѣдовательно однихъ за другими. Теперь трудъ феллаха въ портахъ полуострова свободный, каждый почти изъ рабочихъ говоритъ или понимаетъ по-англійски или по-французски, дѣти иногда учатся въ миссіонерскихъ школахъ.

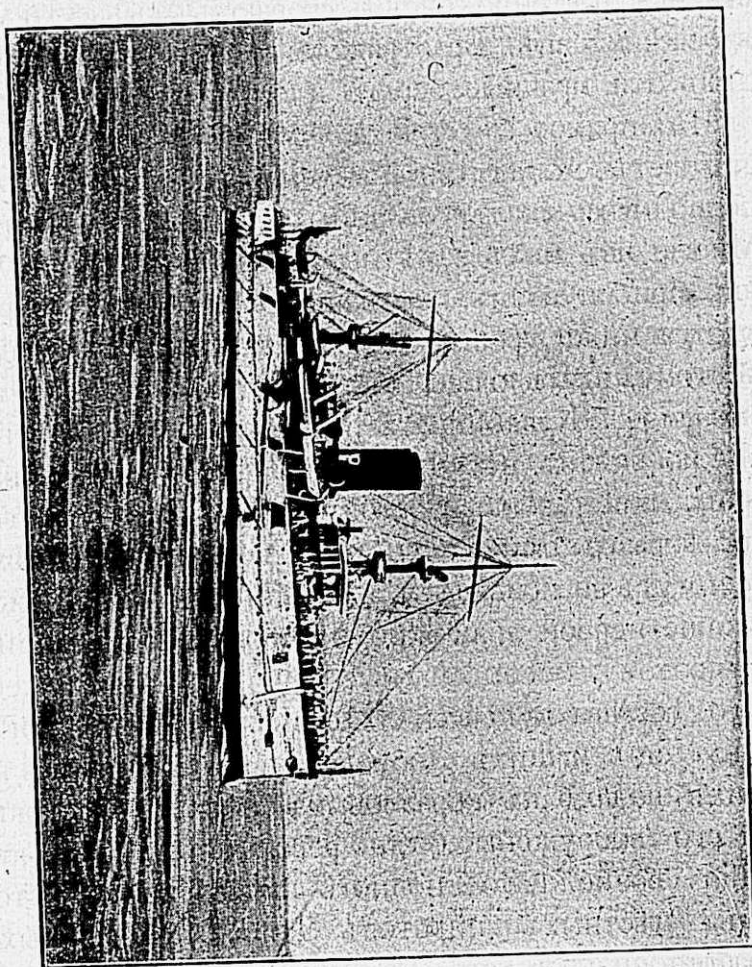
Аравійскій берегъ — слѣва, **африканскій** — справа, и многочисленные островки, окаймляющіе ихъ въ видѣ архипелаговъ, а также островки, которые поднимаются изъ моря, выступая съ большой глубины, почти непрерывно остаются на виду у насъ и сопровождаютъ **вплоть до выхода** въ Аденскій заливъ. Единственный дѣйствующій здѣсь вулканъ Джебель-Тейръ, который въ 1883 году произвелъ сильное изверженіе паровъ, поднимается въ центрѣ средней впадины Краснаго моря на высоту около 130 сажень. Это конусъ изъ лавы и вулканиче-

скаго пепла. На многихъ островныхъ потухшихъ вулканахъ громады красной и черной лавы совершенно безжизненны; деревьевъ нѣтъ, трава и кустарныя растенія совсѣмъ сгораютъ отъ засухи уже въ маѣ мѣсяцѣ. Безотрадное впечатлѣніе производятъ эти мрачные берега и острова.

Но прямое бѣдствіе для мореплавателей представляетъ множество низменныхъ островковъ и подводныхъ скалъ, созданныхъ трудомъ коралловъ. Многіе изъ нихъ замѣтны издалика по бѣлой линіи прибоя волнъ, но чаще они коварно скрываются ниже уровня моря. Катастрофы съ судами, поэтому, здѣсь очень часты. Есть даже мѣсто, называемое «Кладбищемъ пароходовъ», гдѣ всегда можно видѣть нѣсколько мачтъ, торчащихъ изъ воды, или разбитый остовъ судна. Это—остатки послѣ разграбленія погибшаго парохода,—то, чѣмъ не могутъ воспользоваться сосѣдніе хищники, ожидающіе первой возможности броситься въ наживу и, поэтому, очень опасные при слабости служебнаго состава купеческаго судна. Недавно, когда одинъ изъ нашихъ Добровольцевъ приткнулся въ этихъ водахъ къ коралловымъ рифамъ, пассажиры его вооружены были револьверами въ ожиданіи возможнаго ночного нападенія со стороны мѣстныхъ пиратовъ моря, прибрежныхъ арабовъ.

Немногія воды представляютъ зрѣлище, подобное тому, какое созерцаемъ мы сейчасъ съ борта судна на большой глубинѣ, сквозь изумрудную

воду. Безконечно разнообразнѣйшихъ формъ и цвѣтовъ медузы окружаютъ судно, въ безчисленномъ множествѣ плаваютъ онѣ подъ волнами на

«Адмиралъ Нахимовъ».

глубинѣ, на какую только глазъ проникаетъ. Прежніе моряки говорили, что это самоцвѣтные камни, блистающіе въ волосахъ сиренѣ. Но медузы днемъ

просвѣчиваютъ только съ глубины моря, близко къ поверхности онѣ принимаютъ разные оттѣнки радуги. Выловленные же изъ воды медузы, сначала жгутся, но скоро тускнѣютъ на воздухѣ и испаряются на солнцѣ. Комично знакомились съ медузами наши собака и кошка...

Обычное здѣсь явленіе, когда летучія рыбы, подхватываемыя порывами вѣтра, иногда падаютъ на палубу; прожорливыя акулы, игривыя дельфины или касатки быстро шныряютъ кругомъ. А ниже, если бы заглянуть туда, говоритъ наука, разстилаются оживленные «луга» зоофитовъ и безпредѣльный лѣсъ сотканыхъ ими вѣтвей, почекъ и цвѣтовъ, сіяющихъ чуднымъ блескомъ, какъ брилліанты, рубины и сапфиры. Это—міръ инфузорій. Вечеромъ населеніе этихъ «луговъ» міриадами замѣтно вѣется за кормой крейсера. Вскрученныя ходовыми винтами судна, самосвѣтящіяся точки инфузорій сливаются въ свѣтлую полосу. Весла шлюпки, на ходу ночью, оставляютъ по бортамъ фосфорическія струи, словно какіе-то огненные драконы гонятся за плывущими. Вспышками измѣнчиваго свѣта серебрится тогда каждый гребень волны и все множество свѣтовыхъ точекъ сливается въ неопредѣленномъ отдаленіи съ мерцающими звѣздами... Не знаешь, по небу или по морю идетъ судно: вездѣ одинаково яркія звѣзды на фонѣ синей — синей бездны.

Каково богатство жизни въ водахъ Аравіи, можно судить по тому обстоятельству, что, при

перемѣнѣ направленія юго-западнаго муссона ¹⁾, преимущественно въ октябрѣ и ноябрѣ, міриады морской рыбы всякаго рода выбрасываются волнами на берега Перима и Адена. Въ этихъ водахъ водились ранѣе едва ли не самыхъ громадныхъ размѣровъ кашалоты, извѣстные подъ названіемъ «индійскаго кита», сажень 13 длиною. По отмелямъ вылавливаютъ здѣсь жемчугъ, и хотя получается его незначительное количество, но именно здѣсь встрѣчаются лучшіе перлы, черныя жемчужины.

И въ другихъ отношеніяхъ богатства «счастливой Аравіи» значительны, но только не въ береговой ея полосѣ. Нельзя не упомянуть здѣсь о породѣ арабскаго коня и о «бѣгунѣ пустыни», верблюдѣ «дромадерѣ». Эти друзья человѣка сохранили ему здѣсь чистоту расы и политическую независимость.

Въ портовые города Краснаго моря изъ внутренней страны свозятся лѣкарственные зелья и благовонныя растительныя вещества. Изъ нихъ особенно извѣстно въ домашнемъ хозяйствѣ мѣстныхъ жителей растеніе «катъ». Это—кустъ, почки и полураспустившіеся листья котораго оказываютъ болѣе возбуждающее дѣйствіе на нервную систему, нежели чай, и обладаютъ опьяняющими свойствами гашиша, хотя и въ меньшей степени.

¹⁾ Такъ называется мѣстный періодическій вѣтеръ, который начинается и кончается всегда въ одинъ и тѣ же времена года.

Эссенціею ката слабриваютъ табакъ, который, подъ названіемъ «арабскихъ шваръ», имѣется и у насъ, въ Россіи. Такъ называемый «александрійскій листъ» и евангельская «мирра» или смола, сочащаяся изъ коры бальзамнаго дерева, также «росный ладонь», добываемый изъ того же дерева, какъ и «камедь», — финики и, наконецъ, плоды кофейнаго дерева, издавна перенесеннаго сюда съ африканскаго берега и улучшеннаго въ своей породѣ арабскою культурою, — всѣ эти мѣстные предметы торговли получили всемірную извѣстность. Кофе изъ городка Моха, такъ называемый «Моккскій», особенно прославился. Съ моря Моха представляется мало замѣтною точкой; онъ значится расположеннымъ на небольшомъ горномъ потокѣ въ провинціи Іеменъ, южнѣе Цугуръ, откуда начинается узкое мѣсто, ведущее къ острову Периму. Свой іеменскій кофе арабы пьютъ въ видѣ отвара, а не въ видѣ настоя, и въ такомъ приготовленіи его, «съ гущею», знатоками цѣнится онъ и у насъ ¹⁾. Тогда ароматомъ своимъ онъ уступаетъ развѣ только кофе изъ области Юнгака въ Боливіи.

Интересны описанія путешественниковъ, видѣвшихъ вблизи устройство мѣстныхъ кофейныхъ плантацій. Эти послѣднія обыкновенно располагаются этажами по бокамъ холмовъ, въ видѣ широкихъ террасъ, на каждой изъ которыхъ есть

¹⁾ Такъ готовится кофе у нашихъ караймовъ въ Бахчисараѣ.

свой прудъ, откуда вода разливается безчисленными ручейками и оmyваетъ корни кофейныхъ деревьевъ. Самые деревья поднимаются сажень на пять высоту, защищая отъ палящихъ лучей солнца молодые саженцы, предназначенные замѣнить устарѣлые экземпляры, производительность которыхъ истощается послѣ 23-лѣтняго плодоношенія. Всегда въ цвѣтахъ, всегда въ плодахъ эти кофейные сады; постоянно ласкаютъ они взоръ блескомъ и разнообразіемъ своихъ красокъ. Колеблемые легкимъ вѣтеркомъ, листья смѣшиваютъ нѣжно-зеленый цвѣтъ своей нижней поверхности съ темнозеленою окраской лицевой стороны. Бѣлые, какъ снѣгъ, цвѣты и алыя, какъ кораллы, ягоды ярко блестятъ среди постоянно мѣняющихся оттѣнковъ зелени. Мотыльки, падкіе на медъ, носятся разноцвѣтными тучами вокругъ листвы. Блестящія птицы, привлекаемая прохладой тѣни, весело порхаютъ съ вѣтки на вѣтку. Трудно выразить впечатлѣніе, какое производитъ это восхитительное зрѣлище, составляющее своимъ вѣсслымъ, оживленнымъ характеромъ пріятную противоположность неумолимой строгости синяго неба и угрюмымъ выступамъ берега.

Населеніе Аравіи раздѣляется на арабовъ морского побережья и бедуиновъ. Первые отличаются физическимъ видомъ, вслѣдствіе скрещиванія ихъ съ неграми-невольниками. Болѣе самобытности сохранили арабы-кочевники, или «сыновья пустыни», бедуины. Въ среднемъ бѣлизна кожи ихъ

соотвѣтствуетъ географической высотѣ ихъ мѣстожителства: на горахъ цвѣтъ кожи ихъ вообще довольно свѣтлый и женщины, запертыя въ гаремѣ, имѣютъ цвѣтъ лица не болѣе смуглый, чѣмъ у итальянокъ. Природный бедуинъ отличается гордою осанкой и носить широкую, скромныхъ цвѣтовъ одежду, картинно задрапировываясь въ нее. Женщины, кромѣ того, татуируютъ нижнюю губу въ синюю краску и испещряютъ лицо геометрическими фигурами, символически выражающими скромность и преданность семейнымъ началамъ.

Основное религіозное ученіе у арабовъ—мусульманское, монотеистическое и узко-націоналистическое, выражающееся въ правѣ вѣрующаго «поработать враговъ, налагать руки на богатства земли ихъ и исключительно наслѣдовать утѣху рая» ¹⁾, представляемаго въ грубо-чувственномъ видѣ. Но бедуины кочевники, хотя считаются мусульманами, на свои религіозныя обряды смотрятъ, какъ на признакъ униженія. Они преимущественно сохраняютъ древній обычай привѣтствовать поклономъ восходящее солнце. Понятія о добрѣ и злѣ у арабовъ смутны; въ бедуинѣ же опасности кочевой жизни укрѣпили самонадѣянность и вырабатывали свои правила. Напримѣръ, злоупотребленіе довѣріемъ, мелкіе обманы, постыдное воровство безчестятъ бедуина, а среди арабовъ все это

¹⁾ Изрѣченіе Корана, наиболѣе усвоенное бедуинами.

обычно. Первый неспособенъ отпереться отъ возвращенія вещи, отданной ему на сохраненіе, но тотъ и другіе всегда сочтутъ долгомъ участвовать въ грабительскихъ предпріятіяхъ своего племени. Главный порокъ бедуина—алчность, но онъ всегда поставитъ долгъ гостепріимства выше любостяжанія: «потерянные деньги найдутся, потерянная честь—никогда», говоритъ его пословица.

По пути нашемъ, далѣе, до острова Сокотора слѣдуютъ **Перимъ и Адень**. Они принадлежатъ къ числу тѣхъ «пеклъ», о которыхъ упоминаютъ сложившіяся у моряковъ поговорки, какъ объ особенно жаркихъ мѣстахъ. Здѣсь немало бываетъ случаевъ, когда европейцы, не побоявшіеся идти подъ палящими лучами солнца, получаютъ смертельный солнечный ударъ. Часто зной такъ силенъ, что камни трескаются и распадаются, какъ то бываетъ и отъ жестокихъ морозовъ. Не рѣдкость испытать здѣсь температуру воздуха въ $+38^{\circ}$ Р. въ тѣни, а среди лѣта, въ концѣ іюня, какъ въ данномъ съ нами случаѣ, и когда вѣтеръ дуетъ изъ пустыни, жара стоитъ на $+40^{\circ}$. Даже въ морской водѣ, помпою добытой сейчасъ съ двухсаженной глубины, термометръ показываетъ $+26^{\circ}$. Всегда готова теплая ванна.

Военныя суда часто берутъ кочегарами мѣстныхъ арабовъ на переходъ до Перима или Адена, сохраняя свою команду отъ невыносимой духоты въ машинномъ отдѣленіи. Такъ, итальянскій крей-

серъ «Стромболи», прошедшій впереди насъ на одни сутки, взялъ изъ Перима чернокожихъ кочегаровъ, но на этомъ же «Стромболи», ранѣе, въ Красномъ морѣ двое изъ числа машинной команды не вынесли жары и умерли дорогою. Наши были крѣпче. Правда, кочегары наши чередовались по вахтѣ въ уменьшенные рабочіе сроки и ходъ судна былъ экономичный: узловъ по десять въ часъ. Температуру, поднимавшуюся въ машинномъ отдѣленіи до $+45^{\circ}$ Р. умѣряли «по способности». Кочегары, работая почти безъ одежды, часто обливались забортною водою съ помощью паровой помпы, пили въ машинѣ все время воду съ краснымъ виномъ, и то истомлялись люди до полного упадка силъ. Впрочемъ, серьезныхъ заболѣваній не было. Съ виномъ же вышло недоразумѣніе, свидѣтельствовавшее о выносливости нашихъ кочегаровъ не только къ внѣшней температурѣ... Именно, кочегары предпочитали выпить вино въ чистомъ видѣ, поднимая тѣмъ свою внутреннюю температуру, изумляя и завѣдующаго винною частію. Послѣдній долго не догадывался, почему слишкомъ ужъ быстро поглощалась масса воды, если бы она, какъ предполагалось, была сдобрена, по расчету, одной полбутылкою вина на ведро воды.

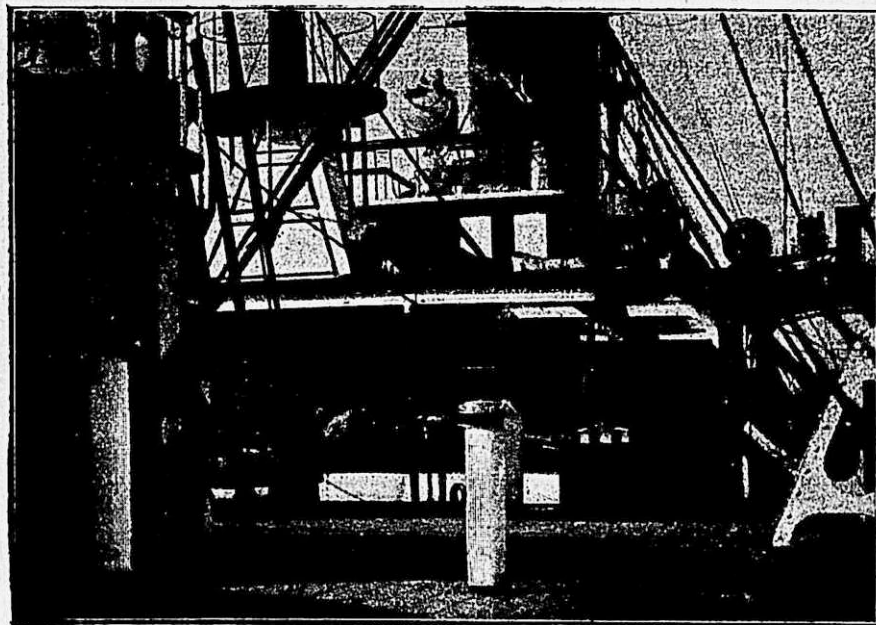
Перимъ важенъ, во первыхъ, какъ англійскій стратегическій пунктъ, командующій выходомъ изъ Краснаго моря, во вторыхъ, какъ угольная

станція, снабжающая суда, идущія въ Индію. Это—одно изъ звеньевъ той морской цѣпи, которою Англія оковала весь міръ.

Самый островъ не болѣе, какъ груда черныхъ вулканическихъ камней, расположенныхъ въ видѣ полукруга около потухшаго кратера и засыпанныхъ сѣро-желтымъ пескомъ, наносимымъ изъ пустыни. Достаточная глубина естественнаго порта и его положеніе, какъ довольно просторнаго, закрытаго бассейна, на берегу—не большой водопрѣснитель и ледодѣлательный аппаратъ доставляютъ самыя необходимыя удобства для одновременной стоянки нѣсколькихъ судовъ. Но жить на островѣ подолгу тяжело. Вслѣдствіе рѣзкаго колебанія температуры дневного зноя и ночныхъ вѣтровъ, европейцы часто болѣютъ здѣсь лихорадкою, особенно изнуряющею молодой, неокрѣпшій организмъ. Поэтому, англичане, служащіе на станціи, кромѣ полнаго комфорта и громаднаго денежнаго содержанія, пользуются правомъ полугодовой отлучки на родину чрезъ каждые два года, съ сохраненіемъ содержанія и по даровому проѣзду туда и обратно.

Сообщеніе отсюда съ обоими берегами, въ Африку и Азію, ежедневное; оно производится на лодкахъ, сохранившихъ древній типъ египетской фелюги. Тяжелая, какъ современный баркъ, и еще болѣе неуклюжая, такая лодка подъ веслами не боится вѣтровъ. Кромѣ того, она поднимаетъ значительный грузъ живности, зелени,

плодовъ и пр., и служить нетребовательнымъ чернорабочимъ острова единственно доступнымъ способомъ сообщенія съ ихъ семьями. Послѣднія заняты хозяйствомъ и живутъ на материкахъ, тогда какъ первые помѣщаются въ отдѣльныхъ казармахъ на самомъ островѣ.

Подъ вечеръ въ тропикахъ.

Аденъ—англійскій портъ въ заливѣ этого имени. Онъ расположенъ такъ же, какъ и Перимъ, при вулканѣ; но здѣсь вулканъ высоко поднимается надъ самымъ городомъ. Великолѣпное положеніе послѣдняго у подошвы легко обороняемой естественной крѣпости, образуемой скалами, при

двухъ естественныхъ портахъ, глубокихъ и хорошо защищенныхъ отъ вѣтровъ и волненія, оцѣнено англичанами съ 1839 года, когда мѣсто это было куплено ими за нѣсколько сотенъ золотыхъ красивыхъ монетъ у владѣльца его, одного изъ арабійскихъ султановъ. Теперь это — первоклассная крѣпость, красивый и здоровый, по климату, городъ. На рейдѣ западнаго его порта могли бы свободно производить свои эволюціи цѣлые флоты. У восточнаго рейда расположенъ собственно городъ, защищаемый, съ одной стороны, горою крѣпости и, съ другой, — островкомъ, соединеннымъ съ материкомъ искусственнымъ перешейкомъ.

Любитель-туристъ покупаетъ въ Аденѣ незабитое страусово перо и яйца, сухихъ рыбъ оригинальнѣйшихъ видовъ, препарированныхъ для коллекцій, какъ морскія диковины, черный жемчугъ, красные кораллы, нанизанные на нитку и пр. Все это обольщаетъ не только туриста-любителя, но и составляетъ предметъ бойкой, хотя и очень мелочной вывозной торговли. Чрезъ Аденъ же идетъ весь кофе «Мокка»; здѣсь онъ очищается, сортируется и укупоривается для европейскихъ рынковъ. Лакомство наше — финикъ, составляетъ постоянную пищу мѣстнаго жителя пустыни; тоже и, такъ называемая, наша «винная ягода».

Замѣчательны въ Аденѣ обширные водоемы, выкопанные съ боковъ горы, какъ средство для восполненія слишкомъ скуднаго запаса воды, доставляемой водопроводомъ съ холмовъ материка.

Они могутъ вмѣстить въ себѣ 350 тысячъ ведеръ воды, но въ настоящее время много утратили въ своемъ быломъ значеніи, такъ какъ снабженіе населенія и судовъ на рейдѣ дистиллированной водою устроено здѣсь съ помощью водоопрѣснительныхъ машинъ, въ грандіознѣйшихъ размѣрахъ.

Крейсеръ миновалъ гор. Аденъ, торопясь идти по назначенію.

До острова Цейлона.

Любопытнѣйшія явленія морской жизни происходили предъ нашими глазами въ Аденскомъ заливѣ.

Въ одномъ мѣстѣ поверхность моря кипѣла громаднымъ кольцомъ, образуя въ центрѣ почти совершенно покойную площадь, по радіусу, въ цѣлую милю. Наружная линія этого гигантскаго круга особенно отчетливо отдѣлялась на фонѣ голубого моря, какъ въ кипящемъ котлѣ отдѣляется отъ черныхъ краевъ вода, быюшая бѣлымъ ключемъ. На самомъ дѣлѣ, такое кипѣніе въ морѣ производило стадо значительно крупныхъ рыбъ, окруженное со всѣхъ сторонъ акулами и другими хищниками водяного царства. Вся внѣшняя линія рыбъ, оказываясь съ краю густого до послѣдней степени плотности стада, по необходимости и ежесекундно, словно по командѣ, по инстинкту самосохраненія выпрыгивала изъ воды и пряталась далѣе въ глубь своихъ товарищей. За первымъ рядомъ то же продѣлывалъ второй, и т. д. Прыжки эти, по направленію всей массы рыбъ къ центру круга, были очень значительны; отдѣль-

ную особь иногда можно было прослѣдить въ полетѣ до четверти минуты и въ полсажени надъ водою. Только въ самомъ центрѣ круга рыба, тѣсняемая хищниками и снизу стада, набилась, очевидно, такъ плотно, что масса ея уладила обычную морскую волну и поверхность центра обратилась въ серебристую живую кашу. Хищники обыкновенно работаютъ при окруженномъ стадѣ рыбъ до полного пресыщенія; одинъ по одному, наконецъ, они удаляются и тогда море успокаивается вмѣстѣ съ рыбами.

Въ другомъ мѣстѣ видѣли пару кашалотовъ. Удивительно быстры ихъ движенія. Одинъ, на примѣръ, ближайшій къ судну нырнулъ со стороны лѣваго борта крейсера, за полверсты разстоянія, и чрезъ короткое время оказался уже за правымъ бортомъ, по крайней мѣрѣ, въ такомъ же разстояніи и почти вровень съ нами. Какую глубину и даль прошелъ онъ, надо думать, въ такое незначительное время! Неожиданно появились эти громадные морскіе звѣри и слишкомъ поспѣшно пропали изъ глазъ... Видѣть удалось только хвостъ ближайшаго и производимыя ими обоими вспрыски воды, когда, по необходимости, тотъ или другой появлялся на поверхность, чтобы вздохнуть воздухомъ. Они тѣмъ и отличаются отъ китовъ, что не пускаютъ воды вверхъ фонтаномъ, а только прыщутъ изъ ноздрей водяною пылью.

Кажется, нигдѣ нѣтъ такого красиваго неба

и моря, какъ въ Аденскомъ заливѣ! Особенно великолѣпны здѣсь картины восхода и заката солнца. Это объясняется тѣмъ, что воздухъ, насыщенный морскими парами подъ вліяніемъ дневныхъ жаровъ, задерживается здѣсь горами Африки и, съ другой стороны, горами Аравіи; онъ кружится надъ моремъ отъ воротъ Бабъ—эль—Мандебскаго пролива до оконечности мыса Гвардафуй. Общие вѣтры, т. е. муссоны, представляютъ, по тѣмъ же причинамъ, большія неправильности въ силѣ и нормальномъ ихъ направленіи. Сообразно перемѣщенію тепловыхъ фокусовъ, которые находятся то на твердой землѣ—днемъ, то на морѣ—ночью, мѣстные бризы непрестанно мѣняютъ свое направленіе вдоль морскихъ береговъ, причемъ, или прибавляютъ свою силу къ силѣ общихъ атмосферическихъ явленій или измѣняютъ ихъ ходъ. Въ разной высотѣ слоевъ атмосферы теченія сгущеннаго парами воздуха сталкиваются по разнообразнымъ направленіямъ, борются и мѣняются, и все это эффектно отражается на небѣ, особенно въ минуты восхода и заката солнца.

Вставая, или погружаясь за горизонтъ, солнце кладетъ на воздушную атмосферу такія нѣжныя, или яркія и разнообразныя краски, что никто бы не повѣрилъ, если бы все это передать въ точности на картину. Можно ожидать краснаго, голубаго, но откуда здѣсь нѣжно зеленый, желтый, оранжевый цвѣта? Облака подъ этими причудливыми отсвѣтами принимаютъ еще болѣе при-

чудливыя формы. Какихъ только фигуръ нельзя увидѣть тутъ на небѣ! То поднимается какой-то фантастическій дворецъ, гротъ, то всплываетъ чья-то чудовищная физіономія—барыня съ вееромъ, китаецъ съ косою до пятъ.

Недолго, впрочемъ, удастся полюбоваться небомъ. Какъ только солнце взойдетъ или опустится въ воду за линію горизонта, почти мгновенно станетъ яркій день или темная ночь. Въ первомъ случаѣ солнце, не обжигая, льетъ яркіе лучи, бьетъ по всѣмъ предметамъ палубы, по мачтамъ, отражается въ дыму судовой трубы всѣми цвѣтами пожара—такъ, что смотрѣть—глазамъ больно. Во второй картинѣ мягкое вечернее освѣщеніе держится нѣсколько долѣе и, однако, не такъ долго, какъ бы хотѣлось. Облака быстро багровѣютъ, синѣютъ, чернѣютъ и открывается другое зрѣлище. Море загорается огнями. Волны всѣ—съ огненными гребнями, подъ носомъ судна—цѣлые огненные каскады, за кормою далеко уходятъ огненная дорога. Свѣтилось море Красное, отчасти и Средиземное, но здѣсь и за островомъ Сокоторою, въ океанѣ положительно иллюминація. Многіе изъ насъ подолгу остаются на палубѣ, молча, въ благоговѣніи прислушиваются къ могучему плеску волнъ и любятъ закатомъ солнца или этимъ чуднымъ ночнымъ свѣтомъ. Онъ идетъ откуда-то изъ нѣдръ морскихъ, распространяется какъ-то безъ центра и безъ лучей, точно матерія какая-то свѣтовая разливается по морю.

Встрѣтили англійскій купеческій пароходъ. Видъ у него «штормовой». Борта и снасти «купца» покрыты бѣловатымъ, солянымъ налетомъ; иногда изъ полупортиковъ и шпигатовъ ¹⁾ спадаетъ ка- скадами вода, принимаемая отъ навѣтренной волны; нерѣдко кланяется пароходъ носомъ, замѣтно погружаясь имъ, когда широкая встрѣчная волна поднимаетъ его средину и проходить подъ кор- мою... Неужели и насъ также качаетъ?! Для насъ самихъ волненіе не очень замѣтно.

Предъ островомъ Сокоторою началась качка; въ океанѣ она достигла очень значительной сте- пени. Вѣтеръ, балловъ въ 10-ть, и боковая волна усилили непріятность плаванія. По верхней палубѣ нерѣдко свободно гуляетъ волна и тутъ же, ко- нечно, не только ходятъ люди, но и стоятъ, по- долгу службы, цѣлое вахтенное отдѣленіе: на всѣхъ обычныхъ, по походному положенію, постахъ, люди должны занимать открытыя мѣста. Нужно замѣ- тить, что верхняя палуба нашего крейсера, подни- маясь надъ поверхностью воды выше, чѣмъ, на- примѣръ, на «Добровольцахъ», сама по себѣ не закрыта глухими стѣнками; борта здѣсь откры- тые; протянуты по краямъ палубы только одни

¹⁾ Окна или амбразуры въ борту судна, закрывающіеся двумя ставнями, называются портами и каждая ставня—полу- портикомъ. На военныхъ судахъ сквозь нихъ выдвигаютъ ору- дія для стрѣльбы, а на торговыхъ судахъ порта служатъ для пріема угля и пр. Шпигаты—это сквозныя отверстія въ борту, служащія для стока воды съ палубъ и для выпуска якор- ныхъ цѣпей.

стальные леера на легкихъ желѣзныхъ столбикахъ, которые, въ случаѣ стрѣльбы съ крейсера, сво- бодно и быстро сгибаются въ шалнерахъ книзу,— «роняются» на палубу, когда лееръ развязываютъ отъ одной изъ неподвижныхъ точекъ съ котораго- либо конца. Такой просторъ для волны дѣлаетъ нелегкою службу вахтеннаго матроса на палубѣ въ качку. Можно быть снесеннымъ въ море, осо- бенно—ночью, когда незамѣтна бываетъ находя- щая съ боку волна. Чрезъ верхніе люки и трапы, вода попадаетъ въ батарейную и, еще ниже, въ жилую палубу. Случается, и нерѣдко, проходить по ручьямъ воды или подъ капелью; иногда при- нимаемъ невольный душъ; островки сухого мѣста заняты разными вещами, вездѣ мебель связана и «принайтовлена» ¹⁾: сѣсть не на что... Отъ обѣ- деннаго стола, собраннаго кое-какъ, «со скрип- ками» ²⁾, не разъ то одинъ, то другой «сыгралъ на палубу» ³⁾, проѣхавшись по скользкому полу колѣнами, когда изъ подъ него, привычнаго бы, кажется, къ разнымъ «морскимъ трюкамъ» ⁴⁾,

¹⁾ То есть, неподвижно укрѣплена.

²⁾ Это деревянный приборъ, составляющій по всему столу неподвижныя гнѣзда для тарелокъ, стакановъ и пр. Въ сво- ихъ сцѣпленіяхъ онъ скрипитъ.

³⁾ При переходѣ размаха судна съ одного борта на дру- гой, ноги неожиданно подкашиваются и скользятъ по мокрому полу... Быстрое паденіе на полъ, при такихъ условіяхъ, фигу- рально обозначается иногда шутливымъ выраженіемъ «сыграть на палубу».

⁴⁾ Это неожиданности разнаго рода, которыя лестно моряку предвидѣть и избѣгать опасныхъ послѣдствій ихъ, благодаря своему знанію, умѣнью или смѣлости.

вдругъ самъ собою уходитъ стулъ, вырванный особенно крутымъ взмахомъ судна на другой, противоположный бортъ. Не смотря на довольный опытъ и возможную привычку къ качкѣ, такая гимнастика всѣмъ надоѣла, а лишеніе горячей, жидкой пищи, которую не легко удастся сварить въ камбузѣ¹⁾, и еще труднѣе донести въ цѣлости до обѣденныхъ столовъ, тѣмъ болѣе досадно...

— «Довольно моря!—скорѣе бы на берегъ»... думалъ каждый.

Не смотря, однако, на нѣкоторыя неудобства и тяготу качки, застигшей насъ на границѣ Аравійскаго залива и въ Индійскомъ океанѣ, общее настроеніе было веселое. Не такъ жарко подъ вѣчнымъ душемъ соленой воды, да и мѣстечко поуютнѣе и прохладнѣе, все-же, найдется на такомъ морскомъ великанѣ, какъ военный крейсеръ. Кто свободенъ отъ службы, тотъ пристроился въ штурманской рубкѣ, у ручного запаснаго штурвала. Воздухъ здѣсь вольный и, кромѣ того, каждая волна, вкатившаяся на палубу, даетъ развлеченіе, не будучи безпокойною. Правда, эта же волна, перекатываясь иногда черезъ палубу, прорывается сквозь створы дверей, хотя онѣ и проложены резиною, чтобы не допустить сырости внутрь рубки. Брызги волны бьютъ въ окна рубки и два стекла, каждое толщиною въ палецъ, обращенныя прямо

¹⁾ Камбузою, называется помѣщеніе для кухни — офицерской и командной; матросъ за повара это — «кокъ»;

къ вѣтру, уже разбиты. Но зато отсюда картина могучаго моря постоянно предъ глазами.

Вотъ уже пятая сутки, какъ уголокъ штурманской рубки даетъ намъ приютъ. Успѣли полюбить его особенною любовью. Когда-то прослушанная сказка оживаетъ здѣсь въ памяти, дѣйствительность мѣшается то съ выводами прочитанной книги, то съ какими-то неопредѣленными грезами, переходящими въ чуткую дремоту.

Какою близкою и родною кажется, напримѣръ, тамъ, за этими горами волнъ, раскинувшаяся къ сѣверо-востоку загадочная «центральная» Индія! Ее называютъ колыбелью человѣчества... Почтенныя слова «священныхъ Вѣдъ»¹⁾, произнесенныя за три тысячи лѣтъ до нашего времени, — слова «ришіевъ»²⁾ представляются людямъ нашихъ дней какъ бы пѣснями дѣтства. Кажется, какъ будто каждый слышалъ уже ихъ и повторялъ въ сновидѣніяхъ и грезахъ: до такой степени книги эти вызываютъ въ умѣ знакомыя впечатлѣнія. Записанный въ нихъ культъ — тотъ же самый, который ребенокъ воспроизводитъ безсознательно, трепеща передъ грозой, взывая, словно къ божеству, къ солнцу и дождю, олицетворяя всѣ предметы природы: деревья, ручьи, облака. Простые миѳы этой первобытной религіи пахарей переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ культа въ культъ и,

¹⁾ Вѣды — священные книги индусовъ.

²⁾ Ришіи — мудрецы, изрѣченія которыхъ записаны въ книгахъ Индусской религіи.

послѣ тысячи измѣненій, которымъ они подвергались, вслѣдствіе примѣси различныхъ элементовъ, выдѣляются еще и теперь въ старорусскихъ сказаніяхъ эпическаго періода исторіи. Слѣды этихъ миеовъ особенно ясно сказываются въ томъ или другомъ суевѣрномъ обрядѣ, часто соблюдаемомъ и теперь нашимъ кореннымъ крестьяниномъ въ важныхъ обстоятельствахъ его жизни, хотя первоначальный смыслъ этого обряда ему, совершенно уже неизвѣстенъ.

Какое богатство фантазіи находить, напримеръ, читатель въ индійскихъ поэтическихъ сказаніяхъ о Налъ и Дамаянти! Индія—страна, по преимуществу, пылкой фантазіи, для которой картины мѣстной природы, имѣющія всегда и наиболѣе грандіозный характеръ, служатъ такими рѣзвыми крыльями, какъ нигдѣ еще для другой націи. Въ Индіи гигантскій избытокъ созидающихъ силъ природы. Этотъ же избытокъ вызываетъ и соответствующую разрушающую силу атмосферныхъ явленій. Разражаются здѣсь ураганы, которые, проходя надъ мѣстностями наиболѣе богатыми и наиболѣе населенными, производятъ тѣмъ болѣе страшныя и опустошенія. Нынѣшній голодъ въ Индіи есть результатъ этихъ же явленій, которыя указываются и въ мѣстной религіи подъ видомъ олицетворенія силъ природы: Брамъ, Вишну и Шива,—созидающаго, сохраняющаго и разрушающаго началъ міровой жизни.

Однажды на Добровольцѣ «Владиміръ» при-

шлось наблюдать здѣсь страшный бичъ Индійскаго океана, смерчъ, прошедшій, впрочемъ, на значительномъ разстояніи отъ взятаго судномъ курса. При совершенно тихой погодѣ, мрачная, широкая воронка столба воды не разъ поднималась съ поверхности моря въ высокую спираль и, соединившись съ обратной спиралью небольшого облачка, спускавшагося изъ яснаго неба, падала всею своею массою внизъ и разсыпалась пылью. Вода снова поднималась до облачка и снова падала съ большимъ шумомъ, чѣмъ и закончилось это явленіе. Но, если бы судно проходило ближе къ смерчу, то оно могло бы быть втянуто подъ его воронку, приподнято въ спираль, брошено съ высоты, залито и потоплено. Извѣстно, что выстрѣломъ изъ пушки можно разрушить это явленіе. Дѣйствительно, сотрясеніе воздуха послѣ выстрѣла изъ крупнаго орудія настолько сильно, что на крейсерѣ во время стрѣльбы разбиваются толстыя зеркальныя стекла. Поэтому, для военнаго судна смерчъ не представляетъ большой опасности, но купеческія суда нерѣдко погибаютъ отъ него въ этихъ водахъ. Безслѣдное исчезновеніе парусныхъ кораблей ежегодная статистика ставитъ на счетъ этому «бичу Индійскаго океана».

Вотъ такъ волна—богатырь, прокатилась сейчасъ по верхней палубѣ!

Въ штурманской рубкѣ однимъ, цѣльнымъ во все окно, зеркальнымъ стекломъ меньше стало.

Крейсеръ накренило на лѣвый бортъ на 32 градуса ¹⁾. Постоялъ онъ такъ только нѣсколько мгновений, но дрогнуло тутъ сердце у многихъ. Это ужасно томительныя секунды, время какого-то страшнаго покоя самага судна,—покоя, когда все на суднѣ остановилось въ невозможно наклонномъ положеніи. Кто гдѣ шелъ, тамъ и остановился, уцѣпившись за что попало; что чуть-чуть плохо лежало, все сорвалось на палубу, прогремѣло, побилось, затихло на мгновение и, потомъ, начало немилосердно «трепаться» взадъ и впередъ. Последнее означало, что мгновение мертваго затишья прошло. Каждый вздохнулъ свободнѣе, забѣгали, засуетились... Бояться этихъ рѣзкихъ, конечно, не приходится, но они неожиданностію своей мертвой точки произвольно заставляютъ замереть на мгновение, къ чему привыкнуть не удастся.

Нашъ крейсеръ прекрасно держится на волнѣ. Можно гордиться его плавнымъ, ровнымъ ходомъ при самомъ разнохарактерномъ волненіи. Съ курса оно его не собьетъ, взмахи ощущаются отчетливо правильные и мягкіе. Правда, за все последнее время не слышно почти разговора на правомъ борту въ каютъ-компаніи офицерской, вслѣдствіе треска и грома отъ ударовъ волны въ стальной корпусъ судна; опасаются и за сохранность мино-

¹⁾ Кренъ судна измѣряется особымъ инструментомъ, «кремометромъ», который состоитъ изъ свободно висящей мѣдной стрѣлки, вращающейся въ центрѣ дуги сектора; дуга раздѣлена на градусы, середина обозначена нулемъ.

носки и пароваго катера, принаитовленныхъ нѣсколько выше палубы этого праваго борта, именно боятся, что волна можетъ вырвать найтовы и съ «обухами» ¹⁾. Но крейсеръ до сихъ поръ съ достойнымъ успѣхомъ уходилъ цѣлымъ отъ всѣхъ испытаній, болѣе или менѣе крупнаго характера. И волна, ласковая, повидимому, такъ любовно поливаетъ этотъ катеръ и эту миноноску, покрытыя двойнымъ тентомъ, что не хочется вѣрить въ возможность несчастія съ ними. Шаловливая волна, словно хочетъ только раскутать тенты, стыдливо прикрывшіе предъ нею эти игрушки, суденышки...

Зачѣмъ опасенія!—вотъ утки и гуси, сохраняемые для офицерскаго стола въ тѣсныхъ клѣткахъ на бакѣ, даже радуются ей, прохладной волнѣ. Со всѣми поиграетъ она, никого не забудетъ, пока возвратится съ палубы въ родное море. Вотъ, обѣгаетъ она высокіе машинные люки, вливаясь съ навітреннаго борта; добирается до другаго, подвѣтреннаго борта, гдѣ, защищенные трубою судна, помѣщены быки для обѣда матросовъ и гдѣ подвѣшена въ клѣткахъ всякая пернатая живность; находитъ она ихъ и производитъ цѣлый всполохъ. Быки пугливо озираются, топчутся, скользятъ; индюки и куры тревожно кричатъ, а волна уже тихо журчитъ по наклону подвѣтреннаго борта и ея уже не стало подъ ногами на палубѣ.

¹⁾ Обухъ или огболтъ—такой болтъ, который имѣетъ вмѣсто головки неизмѣнное кольцо или надежныя скобы, а снизу, подъ палубой закрѣпленъ стальною подложкой.

Да вотъ уже и «стихаетъ» ¹⁾... Послѣ сильнаго вѣтра, какъ сейчасъ, «мертвая зыбь» остается иногда не на одни сутки, но мы скоро закроемся отъ ней островами.

Между Лакедивскими и Маледивскими островами удалось полюбоваться зеленою шапкою одного изъ крошечныхъ островковъ, который совершенно правильнымъ конусомъ поднялся со дна моря. Здѣсь видъ былъ полонъ идилліи пастушескихъ временъ.

Наконецъ, утромъ 9 іюля, въ воскресенье, вошли мы въ Коломбо, городъ на островѣ Цейлонъ.

¹⁾ Известна прекрасная картина художника Гриценко, наглядно изображающая этотъ морской терминъ.

Городъ Коломбо.

Островъ Цейлонъ, англійское владѣніе, такъ близко связанъ съ полуостровомъ Индостаномъ, что его можно разсматривать, какъ уголокъ Индіи. Народная легенда передаетъ о той порѣ, когда онъ соединенъ былъ съ континентомъ. Индусы рассказываютъ, что могущественный древній богъ, обезьяна Гануманъ, помѣстивъ одну гору на кончикъ своего хвоста, а другую на головѣ, бросилъ ихъ въ море, что бы образовать мостъ, по которому на островъ и прошла армія обезьянъ. Рядъ песчаныхъ мелей и островки на сѣверо-западѣ Цейлона и понынѣ носятъ названіе «моста Рамы», или «Адамова моста». Этимъ путемъ, по тому же сказанію, прошли съ материка завоеватели «львы», отъ которыхъ получилось древнее имя острова «Сингала», что значитъ «львиный островъ».

Издавна Цейлонъ прославленъ въ понятіяхъ народовъ, какъ страна чудесъ. Китайцы называли его «островомъ сокровищъ», греки «землею рубиновъ», европейцы «изумруднымъ островомъ». Арабы же, сравнивая тѣнистые берега его со своими, спаленными жгучимъ солнцемъ скалами, рассказывали, что «послѣ изгнанія изъ земнаго рая,

первые люди, по милосердію Божию, получили позволеніе жить во второмъ, надъ которымъ господствуетъ «Адамовъ пикъ». И точно, Цейлонъ—волшебный уголокъ земли; такимъ особенно представляется онъ въ глазахъ нашихъ моряковъ, только-что покинувшихъ мертвый Перимъ.

Прежде чѣмъ стала замѣтною эта благословенная земля, описанная въ арабской книгѣ «Тысяча и одна ночь», легко догадаться было о близости острова по благоуханію, приносимому морскимъ вѣтеркомъ.

Стояло чудное, тихое, раннее утро воскресенья, 9 іюля. Первою точкою на островѣ открылся глазамъ священный Адамовъ пикъ или гора Срипада, т. е. «отпечатокъ ноги», какъ называли ее буддисты въ честь своего учителя. Согласно преданію, Будда оставилъ, будто бы, здѣсь на скалѣ вершины слѣдъ своей ступни, что, на самомъ дѣлѣ, есть только огромный провалъ въ горѣ, которому, по мнѣнію нѣкоторыхъ географовъ, съ незапамятныхъ временъ, помощію рѣзца придана форма грубо изваяннаго отпечатка ноги ¹⁾. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ оттуда, на склонѣ горы, изъ скалы бьетъ ключъ, указывающій мѣсто, гдѣ стоялъ, будто бы, святой, опершись на посохъ и созерцая

¹⁾ Подъ Горицкимъ монастыремъ, Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи, есть гора Маура, на вершинѣ которой указываютъ отпечатокъ колѣнъ и ногъ препод. Кирилла Бѣлозерскаго. Здѣсь слѣды на камнѣ имѣютъ естественныя формы колѣнопреклоненнаго человѣка.

пространство. Пышные рододендроны, достигающіе 5—6 сажень высоты, растутъ здѣсь по скатамъ, наклоняя свои цвѣтушія вѣтви къ вершинѣ горы, «какъ бы стремясь приблизиться къ священному отпечатку ноги Будды».

Гористая область занимаетъ центръ южной части острова и со всѣхъ сторонъ вокругъ этого ядра почва правильно понижается къ морскимъ берегамъ, придавая острову форму груши, ножка которой приходится на сѣверозападѣ. Мошныя горныя породы часто состоятъ изъ одной каменной глыбы, возвышающейся сажень на сто со своего обширнаго основанія въ нѣсколько верстъ въ окружности. Такія глыбы иногда имѣютъ выгнутый край въ формѣ полукупола и цѣлые храмы пріютились подъ этими естественными сводами: неразрушимая скала преобразовала, такъ сказать, долговѣчность вѣры.

Здѣсь же очень многочисленны залежи золота, графита и нѣтъ страны, болѣе богатой драгоценными камнями, какъ весь вообще островъ Цейлонъ. Рѣки южнаго берега недавно еще катили въ своихъ пескахъ такое большое количество рубиновъ и сапфировъ ¹⁾, что мѣстами берега покрыты были дичками этихъ камней. Одно изъ мѣстечекъ здѣсь носитъ названіе «Рубиноваго города», гдѣ дѣти, играя такими дичками, учились гранить и шлифовать ихъ. Впрочемъ, въ этихъ

¹⁾ Это—красные и синіе яхонты.

поверхностныхъ слояхъ рѣчныхъ наносовъ нынѣ почти уже вовсе не встрѣчается хорошихъ экземпляровъ рубина. Туристъ можетъ приобрести полную горсть мелкихъ дичковъ-камней за одну рупію¹⁾; но въ нихъ шлифовальщикъ, развѣ по особому только счастью, откроетъ крупину-другую чистаго кристалла. Нужно рыть землю подъ песками, бурить глину, подъ которыми и находятъ цѣнные камни. До прибытія англичанъ природные жители острова не знали этого способа добычнн драгоцѣнностей, но теперь можно видѣть въ музеѣ г. Коломбо глыбы горной породы, усѣяныя точно звѣздами, гранатами, извѣстными подъ названіемъ «коричневыхъ камней». Полосы кристалловъ, наполняющихъ эти самородки, походятъ на вѣтки со сверкающими цвѣтами. Цейлонскіе сапфиры и топазы признаны лучшими въ свѣтѣ, алмазовъ же здѣсь нѣтъ. Конечно, все, требующее искусной обработки, отправляется отсюда въ Европу; лучшіе камни возвращаются иногда назадъ, къ собственникамъ, но рѣдко поступаютъ въ продажу на мѣстѣ.

Сѣверная половина острова и вся прибрежная его полоса состоитъ изъ разложившихся раковинъ и отложеній горныхъ породъ, вывѣтрившихся отъ времени и снесенныхъ въ равнины въ видѣ тонкой, красной пыли, которая довольно толстымъ слоемъ и покрываетъ почву, составляя рѣзкую про-

¹⁾ Это—серебряная монета, стоящая около 50 коп.

тивоположность своимъ яркимъ цвѣтомъ съ густою зеленою листвою. Сойдя на берегъ, каждый здѣсь бываетъ прежде всего пораженъ красноватою окраскою дорогъ и полей, которую мѣстные жители называютъ «кабукъ». При царствующей здѣсь «вѣчной веснѣ», которая, впрочемъ, для европейца оказывается знойнымъ лѣтомъ, почва этого: кабука, особенно въ періодъ правильно чередующагося муссона, изливающаго значительную долю атмосферной влаги, покрыта роскошною тропическою растительностію, замѣчательною своею силою и разнообразіемъ. Различныя растенія, которыя до сихъ поръ не привились въ полуденной Индіи, держась тамъ только въ садахъ, составляютъ часть лѣснаго богатства Цейлона. Таково мускатное дерево, также знаменитый мангустанъ, который, по справедливости, считается «царемъ фруктовъ» и котораго здѣсь родина; таковы—мангу, сходный съ послѣднимъ только по названію, и дерево дуріанъ, самое обычное, плодовъ котораго, за его запахъ, не терпятъ иностранцы. Распространены здѣсь хинное, коричное, кофейное дерево и чайный кустъ. Есть и европейскія фруктовыя деревья, но, что странно, они растутъ въ древесину съ такою силою, что не приносятъ ни цвѣтовъ, ни плодовъ.

Сѣверо-западные морскія отмели доставляютъ жемчугъ. Англійское правительство, присвоившее монополію этого промысла, получая львиную долю добычи съ жемчужныхъ мелей, запрещаетъ ловъ до тѣхъ поръ, пока морское дно снова не засе-

лится драгоценными моллюсками. Раковистые слои, выброшенные ловцами жемчуга, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окаймляютъ побережье на высотѣ въ полсажени, позволяя судить о громадныхъ количествахъ жемчужныхъ зеренъ, добытыхъ изъ этихъ водъ со временъ доисторическихъ.

Къ числу дикихъ животныхъ острова относятся летучія мыши, величиною едва превосходящія пчелу, и крошечныя пѣвцы лѣсовъ внутренней части острова, гдѣ онѣ кишатъ миріадами. Насколько, говорятъ, первыя противны, но и невинны, настолько послѣднія опасны, какъ безпощадныя кровопійцы, отъ которыхъ охотники особенно берегутся, надѣвая по бедрамъ глухой кожаный поясъ. Многія рыбы отличаются сказочными нравами. Напримѣръ, окуни—«кавайя» ходятъ, будто бы, отъ береговъ по сырой травѣ и даже, какъ говорятъ рыбаки, всползаютъ на пальмы — пальмиры, гдѣ располагаются между широкими листьями въ мѣстахъ скопленія дождевой воды или росы, и отсюда охотятся за насѣкомыми. Въ разсказахъ такихъ большая доля относится къ области восточной фантазіи, но правда, что рыбаки часто сохраняютъ кавайя живыми по четыре дня внѣ воды. Правда и то, что другія рыбы, тоже изъ семейства окуней, зарываются въ грязь обсыхающихъ прудовъ и живутъ, такимъ образомъ, безъ воды и воздуха въ продолженіи всего сухого времени года.

Коломбо, главный портовый городъ острова, расположенный на западномъ берегу, — самый населенный и наиболѣе посѣщаемый европейцами пунктъ Цейлона. Съ моря городъ представляетъ живописную группу деревьевъ, изъ-за которыхъ самъ не сразу замѣтенъ съ рейда, благодаря разнообразнымъ породамъ пальмъ, высоко поднимающимся надъ густою чащей другихъ растений свои колленчатые стебли и короны въ формѣ вееровъ. Рѣзкою чертой далеко въ морѣ выступаетъ волноломъ гавани.

Молъ захватываетъ пространство длиною до 700 саж.; за нимъ становятся на якорь самыя большія военныя суда, защищаемыя отъ юго-западнаго волненія. Все время стоянки нашей здѣсь волна била черезъ стѣнку мола и, любясь ею, нельзя было не удивляться тому, что такой грозный напоръ океана былъ сдерживаемъ созданіемъ рукъ человѣка, поставившаго достаточно сильную для того преграду, хотя послѣдняя, въ видѣ гранитной стѣнки, едва возвышается на двѣ сажени надъ уровнемъ моря.

Все въ Коломбо ново, оригинально въ высшей степени; все поражаетъ здѣсь и приковываетъ вниманіе. Новоприбывшаго, прежде всего, удивляетъ видъ здѣшнихъ лодокъ, которыя быстро окружаютъ всякое вступающее на рейдъ судно. На этихъ лодкахъ осаждаютъ судно необычнаго вида торговцы, фокусники и другіе туземцы.

Лодки индусовъ, вѣроятно, насчитываютъ себѣ

не одно тысячелѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ первая изъ нихъ вышла на волну океана, а типъ ея остается все время безъ измѣненій. Это—что-то въ родѣ нашей колоды для корма скота. Берется бревно, выдалбливается его внутренняя часть нѣсколько глубже сердцевины—такъ, что остаются глухія стѣнки, оконечности которыхъ снизу и заостряются; затѣмъ, набиваются борта подъ прямымъ угломъ къ поверхности полученной колоды, отчего образуется довольно длинный и узкій ящикъ. Въ немъ—нѣсколько тѣсныхъ скамеекъ; садиться на нихъ можно только по одиночкѣ, поджавъ ноги. При сидѣніи въ такой лодкѣ все туловище и съ ногами находится почти надъ поверхностью воды¹⁾. Что бы не перевернуться, параллельно ящику лодки прикрѣпляется на двухъ длинныхъ, полувыгнутыхъ внизъ, прочныхъ шестахъ, другое, закругленное же съ концовъ, бревно потоньше и уже безъ бортовъ. Получается, такимъ образомъ, трапеція, лежащая на водѣ. Одна изъ ея длинныхъ сторонъ занимается лодкой, а другая противовѣсомъ бревна. Такая лодка подъ веслами поднимаетъ до 8 человѣкъ; на рыбную ловлю въ океанъ выходятъ на ней подъ парусомъ и здѣсь ходъ ея легокъ и быстръ.

¹⁾ На глухихъ лѣсныхъ озерахъ нашихъ сѣверныхъ губерній рыбаки и охотники устраиваютъ „ходни“, т. е. лодки, состоящія изъ двухъ, вмѣстѣ сплоченныхъ корытъ сухоподстойнаго дерева. Сходство между ходнями и лодкою индусовъ—очевидно, но послѣдняя быстрѣе на ходу и устойчивѣе.

Сами торговцы тоже заслуживаютъ полного вниманія. Большинство ихъ—сингалезы торговаго класса, одежда которыхъ представляетъ замѣчательную смѣсь европейскаго костюма съ южно-индійскимъ. Часто щеголи изъ нихъ къ куску матеріи, цвѣтному, широкому и длинному, который, по индусскому обычаю, обертывается около туловища отъ пояса до пятъ, прибавляютъ еще европейскую куртку изъ темно-синей матеріи, или что-то въ родѣ женской бѣлой кофточки. На головѣ, гладко выбритой, магометане изъ туземцевъ обязательно носятъ шапочку съ прямой тульей, сдѣланную изъ какой-то разноцвѣтной соломы или тростника и выплетенную узорами. Въ кокошникѣ, въ кофтѣ, въ юбкѣ, безъ бороды и усовъ ходитъ такой щеголь, переряженный женщиною. Въ довершеніе сходства съ послѣднею, истый сингалезъ носить серьги въ ушахъ, браслеты на рукахъ и длинные волосы, которые завязываются на затылкѣ узломъ и украшаются обыкновенною у насъ дамскою гребенкой. Но голова сингалеза, не смотря на палящія лучи солнца, остается открытою; также и ноги у всѣхъ, не исключая и щеголей, никогда не знаютъ обуви.

Гребцы лодокъ и вообще низшій классъ стоитъ еще ближе къ природѣ. Его одеждою служить только кусокъ яркой матеріи, обернутый вокругъ туловища въ видѣ юбки, закрывающей ноги немного ниже колѣнъ. Нѣкоторые же довольствуются однимъ поясомъ цѣломудрія. Все тѣло предостав-

лено солнцу, которое и обратило цвѣтъ кожи въ темно-оливковый. Этотъ цвѣтъ чернорабочаго, однако, во второмъ или третьемъ поколѣніи достаточныхъ классовъ, носящихъ полный европейскій костюмъ, значительно блѣднѣетъ.

Съ перваго полдня, по приходѣ на рейдъ, пустили на палубу крейсера мѣстныхъ торговцевъ. Чего только не навезли они! Одинъ предлагаетъ модель индусской лодки и лукъ со стрѣлами. Другой суетъ въ руки статуи слоновъ изъ чернаго дерева, изъ кости или мрамора; онъ же продаетъ палки изъ кирпичнаго, кокосоваго и чернаго дерева. Третій носитъ со всевозможными ящиками и шкатулочками, отдѣланными очень сложнымъ рисункомъ мифологическаго содержанія. Предлагаютъ замѣчательно богатые кашмирскія шали, кружева, ковры. Но чего особенно много, такъ это драгоценныхъ камней ¹⁾...

Что бы уже окончательно поразить насъ, на судно прибылъ фокусникъ съ гремучею змѣей и мангусомъ или фараоновой мышью. Ловкость голорукаго и гологрудаго фокусника были поразительны; особенно чисто было исполнено прятаніе шариковъ, замѣна ихъ деньгами, доставаніе изъ рта множества очень острыхъ гвоздей и безконечной красной нитки.

¹⁾ Большинство торговцевъ этого рода сбываютъ чистое стекло, поддѣланное въ Европѣ, какъ брилліанты, сапфиры, рубины и пр.

Вся группа представителей индусскаго искусства допущена въ офицерскую каютъ-компанію и тамъ благодушно скептическое отношеніе европейца «къ чудесамъ древняго міра» не позволяетъ ему забыть о вознагражденіи фокусниковъ золотою монетою. Одна «Мальва Нахимовна» недовольна присутствіемъ рядомъ съ собою чужихъ

«Мальву» не удержать на рукахъ.

людей; бѣлоснѣжную, общую любимицу нашу не удержать на рукахъ: при видѣ змѣи она обращается въ бѣгство, съ мангусомъ же готова сейчасъ вступить въ бой.

Но пора ближе познакомиться съ самымъ городомъ. Жаръ свалилъ; къ вечеру настала обычная на берегу пора выхода изъ домовъ для про-

гулки. Съ особеннымъ удовольствіемъ сошли мы въ шлюпку послѣ такого длиннаго перехода, какъ изъ Неаполя въ Коломбо, если не считать скучнаго Перима. Какая разница—тамъ и здѣсь! Она, прежде всего, въ самомъ воздухѣ, который здѣсь чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ болѣе пропитанъ какимъ-то прянымъ, нѣсколько одуряющимъ запахомъ. Это запахъ кокоса, въ концѣ-концовъ очень непріятный своею приторностію, но онъ будетъ сопровождать судно въ портахъ дальнѣйшаго пути и даже не оставитъ насъ, какъ помнится изъ прежнихъ плаваній, въ открытомъ морѣ, водворившись въ каютахъ вмѣстѣ съ одеждою и бѣльемъ.

Названіе городъ получилъ отъ рѣки «Каланъ», которая изливается въ маленькую бухту прибрежья, защищенную отъ южныхъ вѣтровъ песчаной косой. Собственно портъ теперь отошелъ отъ устья этой рѣки; къ ней можно попасть съ торговой пристани въ электрическомъ карѣ по трамваю ¹⁾, минуя улицы тѣсныхъ, невысокихъ каменныхъ домиковъ, заселенныхъ метисами ²⁾, и проѣхавъ оживленный мѣстный базаръ, толкучій рынокъ. Эта часть города—наслѣдство послѣ давняго владычества здѣсь португальцевъ.

На европейской пристани заѣзжаго человека

¹⁾ Т. е., въ каретѣ, въ вагонѣ, поставленномъ на рельсы электрической желѣзной дороги.

²⁾ Это потомство европейца и туземки, получившее цвѣтъ кожи полусвѣтлый.

обступаетъ цѣлая ватага мѣняль, гидовъ, нищихъ и др. Всѣ кричатъ, пристають: «русскій, русскій, давай»... Это—«давай», произносимое по-русски, такъ пришлось имъ по вкусу, что отъ него проходу нѣтъ. Удивительное дѣло, почему это русскій только долженъ «давать», остальные же всѣ берутъ съ индусовъ же? Конечно, избаловали народъ сами же русскіе; но черта эта, впрочемъ, болѣе симпатична въ русскомъ путникѣ, чѣмъ то диктаторство, съ какимъ обычно относятся наши европейцы къ индусамъ, китайцамъ и другимъ народностямъ Азіи. По крайней мѣрѣ, въ ней сказывается сознаніе, что и это—люди, что относиться къ нимъ слѣдуетъ по-человѣчески, хотя бы отъ того и получилось нѣкоторое личное безпокойство.

Какъ большая часть городовъ Востока, Коломбо рѣзко дѣлится на два города, — «Черный», гдѣ живутъ туземцы: метисы, сингалезы, тамилы и др., и «Фортъ» или новый, европейскій городъ, населенный чиновниками, коммерсантами и др. Торговая, морская пристань находится съ краю этого Форта; тутъ же помѣщается губернаторскій дворецъ, консульства разныхъ государствъ, банки, казармы. Попадъ сюда въ воскресенье, какъ мы сейчасъ, заѣзжій чувствуетъ себя, точно въ пустынь. Англичанъ не видно; они сидятъ по домамъ или уѣхали на дану въ Кэнди, пользуясь правомъ воскреснаго отдыха. Индусовъ въ этой части города всегда немного и тѣмъ сегодня здѣсь дѣлать нечего: магазины заперты, промысловый и торговый

классъ населенія закономъ обязанъ строго сохранять святость воскреснаго дня.

Но какая прелесть — здѣшнее шоссе! идемъ, какъ по паркету. Только красная земля со своей пылью убійственна для бѣлыхъ тропическихъ костюмовъ. Тутъ же, у пристани и станція электрическаго трамвая. Это—недавнее удобство для сообщенія со всѣми концами города; не прошло еще и года со дня открытія трамвая. Туземцы пользуются имъ съ ограниченными правами; они должны сидѣть въ карахъ не съ европейцами, а отдѣльно, непосредственно за машинистомъ.

Характерное предупрежденіе получили мы отъ ревниваго къ мѣстнымъ порядкамъ англійскаго представителя полицейской власти, когда въ карѣ, для лучшаго обозрѣнія пути и разныхъ уличныхъ сценоекъ, помѣстились мы на передней скамейкѣ. Полисменъ очень настойчиво предложилъ намъ пойти внутрь кара, въ закрытое помѣщеніе, предназначенное «для бѣлыхъ», и удивлялся нашему желанію «унизить себя» сосѣдствомъ съ туземцами. Но мы оказались тверды въ своемъ желаніи, сказавъ, что платою за проѣздъ по таксѣ, положенной для европейцевъ, мы не стѣсняемся, и такъ какъ пассажирамъ изъ туземцевъ не остается больше мѣста на нашей скамейкѣ, а впереди насъ стоитъ одинъ только машинистъ «изъ бѣлыхъ», то мы не можемъ «унизить себя» своимъ же собственнымъ обществомъ. Замѣчательно, что кондукторъ и публика изъ уличной толпы, состоящей изъ тузем-

цевъ, отнеслись къ нашему желанію вполне естественно, если не сказать—сочувственно.

Средину города занимаетъ большая лагуна, называемая озеромъ Негомбо. Лагуна—почти круглая; она лежитъ ближе къ вершинѣ остраго треугольника, около которой раскинулся европейскій Фортъ. Отъ послѣдняго тянутся дачи и дома европейцевъ по одной линіи треугольника, а по другой его линіи тѣснится Черный городъ. Прилегающія къ лагунѣ низменные земли, въ защиту отъ вѣтровъ, густо обсажены аллеями изъ кетмій, желтые и красные цвѣты которыхъ часто вплотную покрываютъ шоссе. Великолѣпна аллея набережной, расположенной на противоположной сторонѣ мыса, занятаго городомъ; открытая на море, она начинается у зданій казармъ Форта и служитъ обычнымъ мѣстомъ для вечерней прогулки европейцевъ въ экипажахъ разнообразнѣйшихъ конструкций. Этою же аллеей начинается прекрасная дорога, которая идетъ вдоль западнаго берега на югъ острова, почти на 200 верстъ. По краямъ безконечной аллеи, за городомъ, куда хорошо сдѣлать прогулку въ экипажѣ, подъ высокими веерами исполинскихъ пальмъ растутъ деревья и кустарники разнаго рода, покрытые, въ свою очередь, густою сѣтью лианъ, блистающихъ яркими цвѣтами. Между зеленью, съ одной стороны дороги, море продолжаетъ развертывать безконечный рядъ своихъ лазурныхъ волнъ съ бѣлыми гребнями; съ другой стороны дороги, скоро за городомъ, вели-

чественная гора Адамовъ пикъ обрисовываетъ надъ неподвижною стѣною лѣсовъ профиль своей подернутой фіолетовымъ туманомъ массы.

Какое отсюда величіе видовъ на священную гору! Гребни и многочисленныя вершины дружно окружаютъ и словно тянутся сровняться съ Адамовымъ пикомъ, дорасти до его свѣтлой, священной главы. Внизу, при самой дорогѣ, какое разнообразіе растительности и особенно, какая подавляющая сила ея въ этомъ тропическомъ лѣсу! Вотъ, на примѣръ, изъ пучка громадныхъ листьевъ, поверхность которыхъ имѣетъ не менѣе двухъ-трехъ квадратныхъ саженъ, поднимается исполинскій цвѣтокъ зонтичной пальмы, достигающій пяти саженъ высоты и заключающій въ себѣ многіе миллионы маленькихъ цвѣтковъ. Каждое жилище, какой бы жалкій видъ не представляли его постройки, окружено садомъ съ плодами тѣхъ деревьевъ, которыя, по пословицѣ индуса, «не могутъ жить вдали отъ звука человѣческаго голоса».

Весь городъ, не считая его торговой части, представляетъ изъ себя садъ. Но жилища англичанъ прячутся въ садахъ, куда съ улицы ведутъ массивныя ворота; сквозь рѣшетки всюду видны дворы въ цвѣтахъ; подъ тѣнью тщательно расчищены дорожки и площадки для разнообразныхъ игръ на воздухѣ. У нихъ хорошо все устроено, — не такъ, какъ у кормителей ихъ, индусовъ, лачужки которыхъ выглядываютъ гдѣ-либо изъ подъ куста. Эти жилища и низки, и грязны и самага

первобытнаго устройства. Сами обитатели ихъ сидятъ на порогѣ или около — подъ тѣнью; изъ открытой и едва ли закрывающейся двери валитъ ѣдкій дымъ. Очень здѣсь неуютно, неопратно.

Въ городѣ новички въ первый разъ испытываютъ восточную ѣзду на людяхъ въ небольшой таратайкѣ. Это — собственно японскій способъ передвиженія: возница берется за оглобли и мчитъ, не смотря на жару, не хуже лошади. Въ первый разъ ѣзда на подобномъ себѣ челоѣкѣ нѣсколько стѣсняетъ, но потомъ быстро усвоится привычка, одобряемая услужливымъ соображеніемъ, что и на шлопкахъ тотъ же ручной трудъ... Европейцы всегда болѣе щедры въ вознагражденіи за этотъ именно трудъ «челоѣка-лошади», по-японски — «курума», почему, навѣрное, этотъ типъ повозки — «джинрикиша» долго еще не выведется.

Населеніе города очень разнохарактерно. Главная масса туземцевъ — сингалезы и тамилы. Первые малорослы, голова у нихъ продолговатая, цвѣтъ кожи смуглый или красноватый и всегда свѣтлѣе, нежели у тамилловъ. Характерная черта ихъ — орлиный носъ; общій признакъ — женственность улыбающагося лица, при граціозныхъ и округлыхъ формахъ. По характеру они въ высшей степени кротки, гостепріимны, исполнены чувства справедливости и глубоко чувствуютъ обиду ¹⁾.

¹⁾ Но сингалезы, торговцы на судахъ, много утратили въ этой симпатичной чертѣ ихъ родоваго характера; въ чувствѣ

Вторые, тамилы—выходцы изъ Индіи; они принадлежатъ здѣсь къ сословію прислуги и чернорабочихъ. Въ помѣси съ португальцами и голландцами, ихъ прежними владыками, они извѣстны подъ именемъ «бургеровъ» и занимаютъ теперь должности писцовъ, прикащиковъ, кассировъ въ банкахъ и при торговлѣ, и пр. Интересны мѣстные родіи, дикари острова Цейлона, случайные пришельцы города. Они высокаго роста, съ правильными чертами лица; между ними славятся женщины, какъ самыя красивыя изъ туземокъ, почему среди этого племени преобладаютъ полиандрическіе нравы ¹⁾. Не рѣдкость видѣть въ Коломбо красиваго мальчика или дѣвочку, отвозимыхъ изъ воротъ прекраснаго англійскаго дома въ коляскѣ на прогулку или въ школу; цвѣтъ кожи и типъ лица такого молодого поколѣнія очень напоминаетъ ихъ мать изъ племени родіевъ.

На суда нерѣдко является одинъ типичный огнепоклонникъ, парсъ, съ лицомъ цвѣта желтой мѣди, съ бѣлыми и ярко красными знаками своего исповѣданія на лбу и щекахъ. Онъ большой любитель побесѣдовать о религіи, о нравахъ и бытѣ горожанъ. Часто приходилось слышать отъ него о мѣстной тропической болѣзни, называемой «слоновою» ²⁾, наружно выражающейся въ опухоли

справедливости, оставаясь обидчивыми, когда бываютъ изобличены въ обманѣ.

¹⁾ Т. е., многомужество и, чаще, тотъ обычай, по которому сама женщина избираетъ въ своемъ племени мужа.

²⁾ Кажется, восточное названіе ея—«бэри-бэри».

оконечностей тѣла и преимущественно ногъ. Широкое распространеніе этой болѣзни производитъ удручающее впечатлѣніе на очевидца-европейца. Нога больного обыкновенно принимаетъ форму ноги слона, пальцы сливаются со ступнею, кожа чернѣетъ, образуетъ глубокія складки и шелушится; при дальнѣйшемъ развитіи болѣзни оконечности отпадаютъ.

Изъ Коломбо обыкновенно составляются поѣздки съ судовъ въ **Кэнди**, городъ, построенный въ большей своей части еще португальскими колодниками для резиденціи правительства, а теперь служащій лѣтнею дачею для англійскихъ чиновниковъ и коммерсантовъ острова. Не всѣмъ нашимъ морякамъ удалось въ этотъ разъ побывать тамъ, но почти всѣ въ разное время своей службы по флоту ѣздили въ Кэнди и знаютъ его. Городъ интересенъ не столько самъ по себѣ, сколько по богатству своего ботаническаго сада и красотамъ природы, наблюдаемымъ въ пути туда и обратно.

Желѣзнодорожный поѣздъ выходитъ изъ Коломбо въ 7½ часовъ утра и тотчасъ вступаетъ точно въ картинную галерею: такъ роскошны и разнообразны виды по дорогѣ. Пальмовый лѣсъ, изрѣдка рисовыя поля и деревеньки чередуются на всемъ протяженіи пути, около 100 верстъ. Поѣздъ поднимается на высоту 300 сажень чрезъ перевалъ Кануганнава, проходитъ сквозь туннели и лѣпится по узенькимъ карнизамъ горъ, изъ кото-

рыхъ одна другой выше, одна другой живописнѣе. Очарованному взгляду рисуется изъ оконъ вагона непрерывная панорама: то справа, то слѣва—отвѣсная скала стѣною, ее не окинуть вверхъ взглядомъ. Вокругъ тоже—все горы и горы; вдаль уходятъ голубоватыя вершины ихъ, отгнѣяемая самою щедрою природою. На противоположной сторонѣ въ тоже время—глубочайшая долина; на ней—поля, лѣса, каскадами шумить горная рѣчка, мирно прислонилась къ выступу скалы деревенька. Вотъ, напримѣръ, растетъ пальма; изъ подъ самыхъ корней ея тянутся еще нѣсколько породъ большихъ и малыхъ деревьевъ, съ цвѣтами и безъ цвѣтовъ, а подъ ними, въ самомъ низу, въ глуши едва имѣя мѣсто для себя, пробивается на свѣтъ трава, и тоже—роскошная, обильная до излишества, сочная до поразительной степени, невѣроятно высокая. Но и этого мало тропической природѣ; она и воздухъ хочетъ отвоевать себѣ: вся эта куча зелени заплетается какими-то ліанами, которыя взбираются по стволу пальмъ, цѣпляются по вѣтвямъ, спускаются и стелются по травѣ, покрываютъ собою все, точно боясь показать солнцу хоть кусочекъ незанятой земли. Удивительная роскошь, удивительная производительность! Постройки людскія какъ бы пропадаютъ среди лѣса, тонутъ въ его изобиліи...

Здѣшнія рисовыя поля представляютъ такой же примѣръ изобилія и роскоши. У насъ чуть-чуть взбороздятъ поверхность земли, едва спрячутъ зерна, дождь слегка ороситъ ихъ: все въ мѣру,

даже съ разчетомъ—словно. Здѣсь же все съ излишкомъ: поля—ничто иное, какъ искусственные болота, устраиваемыя въ долинахъ или по скатамъ горъ въ видѣ террасъ. Обнесенныя съ боковъ земляною стѣнкою, поля эти издали кажутся обширными ящиками, въ которые напускается вода. Пашутъ, поэтому, здѣсь почти въ водѣ; буйволы буквально уходятъ въ жидкую грязь по шею. За то, и урожай не таковъ, какъ у насъ. Рисъ даетъ урожай самъ—сто.

По горнымъ скатамъ довольно часто встрѣчаются чайныя и кофейныя плантаціи, но коричнеаго и хиннаго дерева, чѣмъ славилась еще недавно эта мѣстность, теперь становится уже совсѣмъ мало. Это—дѣло англичанъ, конкурирующихъ съ Китаемъ и Аравіей, а прежде, при португальскомъ и особенно, при голландскомъ владычествѣ, начавшемся съ 1650 года, мѣстное населеніе было занято преимущественно производствомъ послѣдняго рода предметовъ отпускной торговли.

Высшая точка подъема желѣзнодорожнаго пути увѣнчана памятникомъ строителю дороги, дѣйствительно заслужившему общее признаніе за свой грандіозный трудъ и предприимчивость, съ которыми онъ не отступилъ предъ препятствіями просверлить цѣлыя горы, обойти пропасти и пр. Отсюда дорога понижается на небольшомъ пространствѣ до Кэнди на 45 сажень.

Скоро, послѣ перевала, показывается самый го-

родъ, расположенный на полуостровѣ, образуемомъ изгибомъ рѣки «Магавелли-ганна». На берегу полуострова есть маленькое озерко, окруженное тѣнистыми аллеями. Характеръ построекъ, крытыхъ черепицею, напоминаетъ старинный европейскій городъ; дома раскинуты амфитеатромъ вокругъ озера. Но ко всему нужно прибавить то, чего не имѣютъ европейскіе города: роскошную, тропическую растительность, пальмовыя рощи, чащи бамбуковъ по холмамъ съ пологими скалами, усѣянными виллами и дачами.

Здѣсь находится буддійскій храмъ и ботаническій садъ «Пераденія», соединяющійся съ городомъ, версты на три разстоянія, непрерывнымъ предмѣстьемъ. Въ храмъ съ гробницею Будды можно и не заходить, отъ чего только выиграетъ въ своей цѣльности общее впечатлѣніе отъ поѣздки въ Кэнди. Но ботаническій садъ помогаетъ уясненію видѣнной на Цейлонѣ природы. Онъ занимаетъ 55 десятинъ. Содержа всѣ разновидности флоры Индійскаго архипелага, онъ служитъ для каждаго любителя природы живымъ и незамѣнимымъ учебникомъ. Входъ въ него свободный; есть здѣсь одинъ—даже любезный, что—рѣдкость между англичанами, садовникъ, который даритъ поспѣвшихъ плодовъ...

Обратный поѣздъ идетъ въ 2 часа дня. Все—тоже... Вниманіе только утомилось, да и постоянная роскошь природы дѣлается, наконецъ, приторною. Хочется чего-нибудь покислѣе, погрубѣе,

чего-нибудь въ родѣ нашего чернаго хлѣба или квасу, а то уже слишкомъ все жирно, слобно, сладко. Вспоминается наша природа: скромнѣе она, но какъ-то цѣломудреннѣе и здоровѣе здѣшней распустившейся, намащенной, одуряющей своимъ благоуханіемъ, разряженной природы. Конечно, эта поражаетъ, но полюбить ее—душа не поднимается. Цейлонъ и его природа какъ-то душитъ сѣверянина, но не успокоиваетъ. Помню нашу бѣлую березку въ саду А. дома въ Санъ-Франциско, въ Калифорніи... Какъ всѣ мы ни ухаживали за нею, а она хирѣла и чахла, бѣдная!

Ночь. Тишина на крейсерѣ полная. Тьма кругомъ непроглядная. Точно черный покровъ спустился на все, всякая жизнь замерла и смолкла. И вдругъ, среди этой молчащей тьмы, точно звѣзда загорается совсѣмъ низко надъ землей. Вотъ звѣзда эта, какъ-то колеблясь движется, какъ-то неправильно проносится. Вотъ еще и еще—новыя звѣзды. Это—свѣтящіеся жуки. Удивительно ярко горятъ здѣсь ихъ маленькіе фанарики. Отъ нихъ ночь кажется еще гуще, еще непрогляднѣе и таинственнѣе. Она уже больше не спитъ; чувствуетъ, что подъ этимъ непроницаемымъ покровомъ жизнь продолжаетъ кипѣть, что во мракѣ ночи движутся, можетъ быть, миллионы существъ, продолжая свой трудъ и борьбу за существованіе.

Вдумываясь глубже въ эту молчащую, но не мертвую тьму тропической ночи, понятны стано-

вятся мѣстныя браминскія ученія о таинственномъ «Омъ», вездѣдышущей слѣпой силѣ, понятны постановленія браманистовъ о крайнихъ полюсахъ индійскаго общества: о кастахъ «браминовъ» и «чандаловъ», изъ которыхъ первымъ «принадлежитъ весь свѣтъ и они, по рожденію своему, имѣютъ право на все существующее, позволяя жить другимъ людямъ только изъ великодушія», тогда какъ послѣдніе, отверженные отъ міра людей, не смѣютъ произносить имя Браммы или читать и говорить наизусть молитвы, группироваться въ селенія, показываться на глаза брамину въ растояніи, меньшемъ ста шаговъ. Самыя тяжкія кары, смертная казнь или рабство грозили нарушителю предписанныхъ разстояній между браманами, кастовыми и внѣкастовыми людьми. До введенія англійскаго государственнаго управленія недаромъ сложилась поговорка у цейлонскихъ браманистовъ: «что за дѣло до вѣры, лишь бы сохранить свою касту»...

Съ 1806 года, когда христіанамъ предоставлено здѣсь право свободнаго вѣроисповѣданія, число ихъ не увеличилось. Напротивъ, взаимное соперничество католическихъ миссіонеровъ: іезуитовъ, августинцевъ и капуциновъ уронило значеніе всѣхъ ихъ. Подъ англійскимъ вліяніемъ значеніе касты, конечно, теперь уже потеряло свою силу и это касается, больше всего, города Коломбо. Образованные въ англійскихъ школахъ, туземцы отвергли изъ своихъ вѣрованій все сверхъ-естественное и

сохраняютъ лишь правила морали, да смутный, неопредѣленный взглядъ въ вѣроученіи, признавая бытіе единого Бога, какъ мировой силы. Правда, число явныхъ приверженцевъ этого новаго, деистическаго направленія еще невелико, но само оно не лишено значенія, какъ признакъ общаго движенія идей, соотвѣтствующаго успѣхамъ просвѣщенія и общественной нравственности. Это—религія коммерсанта, которому въ Коломбо полное раздолье.

Крейсеръ нашъ простоялъ на рейдѣ пять сутокъ, съ 9 по 14 іюля.

Стоянка здѣсь, по времени года, пріятнѣе именно лѣтомъ, когда бываетъ не такъ жарко: перепадаютъ дожди, частые и обильнѣйшіе, муссонъ освѣжаетъ дневной жаръ, озеро Негамбо полно прѣсной воды, рѣка Каланъ шумно бурлитъ, выливаясь изъ береговъ, и населеніе кажется наиболѣе оживленнымъ.

Береговые знакомцы наши, служашіе здѣсь представителями двухъ крупныхъ домовъ русскихъ чаоторговцевъ, все время состояли съ нами въ ближайшемъ общеніи.

Океанъ «реветъ». Снова, навѣрное, придется выдерживать качку въ пути.

Города—Сингапуръ и Гонгъ-Конгъ.

До г. Сингапура крейсеръ счастливо миноваль, съ 14 по 20 іюля, Бенгальскій заливъ, Никобарскіе острова и Малаккскій проливъ. Далѣе, съ 25 по 30 іюля, онъ прошелъ, минуя Зондскій архипелагъ, по Китайскому морю до Гонгъ-Конга.

Этотъ громадный путь промелькнулъ какъ-то незамѣтно. Въ морѣ и на берегу перестали удивляться чему бы то ни было; не тяготились и однообразіемъ жизни на переходахъ. Привыкли къ тому и другому, какъ привыкаютъ къ обношенной одеждѣ до того, что перестаютъ замѣчать ее.

Думы и настроенія на крейсерѣ переносятся съ прошлаго на будущее, минуя настоящее. Seriously обсуждаются вѣсти съ новаго театра военныхъ дѣйствій. Спорятъ или соглашаются уже не по поводу войны англичанъ съ бурами, а послѣ чтенія свѣжихъ телеграммъ изъ Китая. Ведется счетъ идущимъ попутно съ нами на Востокъ военнымъ судамъ, критически разбирается ихъ составъ и сила вооруженія. Рѣшительно соображаются выгоды того или другого движенія союзныхъ войскъ на Тяньцзинь и Пекинъ; тревожатся положеніемъ

европейскихъ посольствъ, окруженныхъ милліонами китайской черни и пр.

На каждую встрѣчную косу или курму ¹⁾ и войлочные туфли, неизмѣнныя принадлежности китайца, гдѣ бы онъ ни былъ, смотрятъ наши моряки не такъ, какъ въ обычное время. Шутка ли только подумать, что этихъ традиціонныхъ косъ въ «Поднебесной имперіи» насчитываютъ до 400 милліоновъ! Съ Сингапура и Гонгъ-Конга, которые считаются англійскими портами, начинается уже царство китайца, какъ домашняго слуги, какъ рабочаго въ этихъ городахъ и по окрестностямъ. Передается историческій фактъ, что въ былое время, при возстаніи тайпинговъ, затѣвалось поголовное отравленіе европейцевъ во всемъ Гонгъ-Конгѣ съ помощью домашнихъ слугъ, китайцевъ.

Море на обоихъ переходахъ было довольно спокойно. Частые дожди со шквалами ²⁾ не очень мѣшали спать наверху, устраиваясь «по способности», то внутри кормовой башни, то въ штурманской рубкѣ и даже въ сѣткахъ, куда на день матросы прячутъ свои парусинныя койки, свернутыя въ аккуратные кульки. Такимъ образомъ, избѣгали ночной духоты, мѣшавшей спать въ своихъ каютахъ ³⁾.

На переходѣ до Сингапура встрѣтили голланд-

¹⁾ Это—верхняя одежда китайца, въ родѣ кофты.

²⁾ Это—быстро набѣгающіе и также проходящіе вихри въ океанѣ; они почти всегда приносятъ дождь.

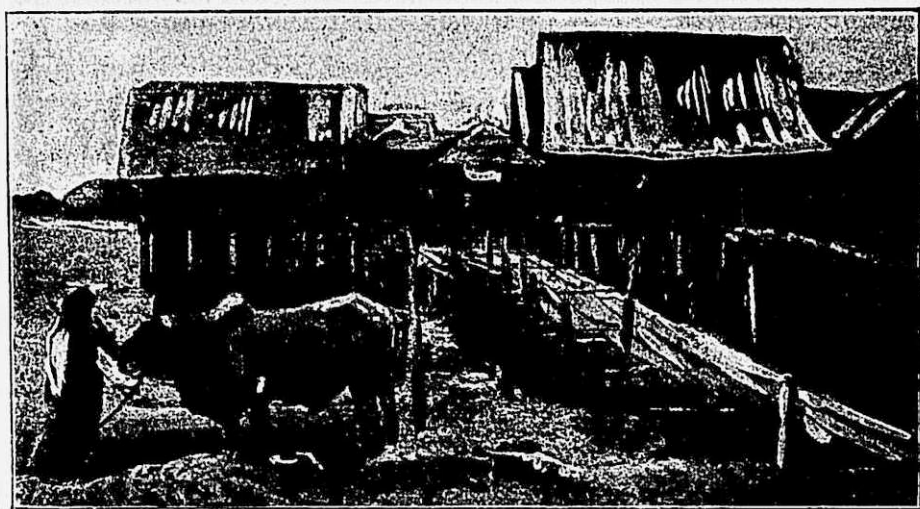
³⁾ Такая свобода на военномъ суднѣ разрѣшается только по приказу командира.

скій пароходъ съ оригинальными первоклассными пассажирками, легко одѣтыми въ тропическіе, бѣлые костюмы. Полувоздушныя, довольно короткія платья не прикрывали босыхъ ногъ дамъ. Это были послѣдовательницы гигіениста, пастора Кнейпа. Мушину съ босыми ногами на томъ же пароходѣ уже не очень удивляли насъ. Сами мы съ удовольствіемъ послѣдовали бы примѣру ихъ и сняли обувь, какъ это обязательно для нашихъ матросовъ...

Сингапуръ расположенъ на островѣ, приютившемся въ бухтѣ материка, на крайнемъ углу полуострова Малакки, откуда до экватора остается только $1\frac{1}{2}^\circ$, т. е. около 146 верстъ. Мѣстоположеніе представляетъ всѣ выгоды городу, какъ важному стратегическому пункту англійскихъ владѣній, такъ и для пристанища кораблей всѣхъ націй, ведущихъ торговлю на пути между Индійскимъ и Тихимъ океаномъ. Несравненное его положеніе въ отношеніи пересылки корреспонденціи, остановки пассажировъ и склада товаровъ собрало сюда болѣе 100 тысячъ жителей.

Раздѣленный рѣкою на двѣ половины, городъ еще распадается на различные кварталы. Каждый изъ этихъ кварталовъ рѣзко отличается отъ другихъ національностью населенія, по имени котораго онъ и называется, а также отличается и характеромъ построекъ, промыслами жителей и т. п. Туземцы, большею частію, служатъ или прислужи-

ваютъ европейцамъ, но живутъ своими домами. Странно на первый разъ видѣть въ городѣ, какъ черный босякъ, носящій красный тюрбанъ на головѣ и нѣчто въ родѣ жандармскаго костюма или парадную лакейскую ливрею, важно выступаетъ впереди своего господина, европейца. Это — бенгалецъ, индусъ привилегированнаго положенія,

Малайская деревня.

занимающій у европейца должность придворнаго или каваса, тѣлохранителя въ консульствѣ, при конторѣ банка и пр. Онъ живетъ «въ бенгальскомъ кварталѣ» со своею многочисленною семьей. Другой — почти безъ одежды, только вымазанный кокосовымъ масломъ съ головы до пятъ; этотъ индусъ — бѣгунъ по профессіи, все его состояніе заключается въ колясочкѣ для одного сѣдока. Та-

кой же индусъ, только болѣе достаточнаго состоянія, и почти вполнѣ, хотя своеобразно, по женски, одѣтый, это—кучеръ, весь день безъ устали бѣгающій за своимъ маленькимъ пони, запряженнымъ въ двухмѣстную каретку. Бѣгуны и кучера не смѣютъ селиться въ кварталъ «барскаго» бенгалеца и составляютъ свой кварталъ «клингскій». Наконецъ, слѣдуютъ индусы «кули», жалкіе крѣпостные рыбы, законтрактованные крупными нанимателями; они живутъ въ свайныхъ лачужкахъ, густо засѣвшихъ на чертѣ береговаго отлива. Такъ именно, отдѣльною же деревнею живутъ и малайцы.

Общая картина городского населенія, благодаря стеченію сюда всевозможныхъ національностей, получается чрезвычайно пестрая. Интересно видѣть здѣсь и три—четыре родныя надписи, гласящія о «русскихъ гостинницахъ», владѣльцы которыхъ, впрочемъ, по-русски или не говорятъ, или заявляютъ на извѣстномъ жаргонѣ, что они «всю Россію знаютъ, такъ какъ проѣхали отъ Бердичева до Одессы». Поляки неопредѣленныхъ профессій въ числѣ посѣтителей и часто мѣняющихся хозяевъ этихъ гостинницъ—не рѣдкость.

Самые оживленные кварталы города прилегаютъ къ докамъ и угольнымъ складамъ, гдѣ—царство чернорабочихъ. Не меньшимъ оживленіемъ отличается европейская пароходная пристань, противъ которой на рейдѣ качаются военныя и коммерческія паровыя суда, парусныя китайскія джон-

ки, малайскія праго и лодки всевозможныхъ формъ и величинъ. Та же пристань съ набережною елужить складомъ для товаровъ. Здѣсь, поэтому, помѣщаются ряды магазиновъ, запруженныхъ всевозможными произведеніями экваторіальной природы и европейской промышленности. Въ этихъ мѣстахъ господствуетъ европеецъ и его культурное значеніе сказывается здѣсь, прежде всего, въ томъ порядкѣ городской обстановки и жизни, который рѣзко выдѣляетъ эту часть города отъ остальной, сплошь кишашей пестрою толпой лицъ неизвѣстной профессіи и разной національности.

Аристократическая часть города группируется въ центрѣ набережной, у англійской кирки и губернаторскаго дома, а также по дачамъ, вблизи города. Здѣсь днемъ—полнѣйшее спокойствіе, тишина и безлюдье; развѣ случайно пройдетъ здѣсь подъ пальмовымъ зонтикомъ въ пестрой юбкѣ низшій слуга европейскаго дома, малаецъ. Вечерами же на площади набережной происходятъ всевозможныя игры и устраиваютъ прогулку въ коляскахъ представители англійскаго общества.

Основной тонъ городской уличной жизни даютъ китайцы, такъ какъ вся торговля Сингапура переходитъ мало по малу въ руки китайскихъ посредниковъ. Банкиры и мелкіе ростовщики изъ нихъ гремятъ по всему городу грудями серебряныхъ мексиканскихъ долларовъ въ своихъ грязныхъ

лавченкахъ ¹⁾. Выдавая ссуды подъ стоимость грузовъ иностраннымъ и туземнымъ судовладѣльцамъ, китаецъ забираетъ въ свои руки барыши крупныхъ и мелкихъ торговыхъ операций. Самый городъ наводнилъ онъ произведеніями своего труда: фарфоръ, шелкъ, поддѣлки изъ слоновой кости, даже ткани и посуда, поддѣланные подъ вкусъ европейца, выходятъ изъ китайской кустарной мастерской, не говоря уже о веерахъ, фонарикахъ и прочихъ прославленныхъ китайскихъ бездѣлушкахъ. Разнаго рода пряности и масла, гуттаперча, манильскій тростъ и всякія корабельныя принадлежности, манильскія сигары—все это идетъ чрезъ руки китацевъ. Эмигранты китайцы, приливающие сюда изъ года въ годъ, женятся на мѣстныхъ малайкахъ и дѣти ихъ, оставаясь китайцами, приспособляются къ нравамъ страны. Изъ этихъ послѣднихъ выходятъ распорядители и довѣренные по нагрузкѣ угля въ порту, хозяева ремесленныхъ учреждений, повара и буфетчики, стоящіе внѣ

¹⁾ На этихъ долларахъ разными банкирскими домами кладется черный или красный штемпель съ помощію краски и такая монета, по формату очень немногимъ большая нашего серебрянаго рубля, оцѣниваемая по курсу въ рубль же или 98 копѣекъ, считается дѣйствительною. Но такъ какъ трудно разобратся въ штемпель и кредитоспособности банка, нерѣдко же штемпель кладется и на завѣдомо низкопробное серебро, то мѣнялы узнаютъ стоимость монеты по ея звону, ловко подбрасывая въ воздухъ одинъ долларъ за другимъ, для какого фокуса нужна особая сноровка въ большомъ и указательномъ пальцахъ. Отсюда—непрерывный звонъ серебра въ мѣняльных лавкахъ и магазинахъ.

конкуренціи по своей трудоспособности, удивительной дешевизнѣ ихъ труда и особенно, по примѣнимости ихъ къ разнохарактерному спросу и собственной невзыскательности въ обстановкѣ жизни и питанія. Куда ни обратишься, вездѣ сидитъ китаецъ, и сидитъ прочно.

Англичане всегда опасаются, какъ бы власть не перешла въ руки этихъ трудолюбивыхъ муравьевъ. Особенно основательно такое опасеніе въ отношеніи къ тайнымъ китайскимъ обществамъ, члены которыхъ даютъ и твердо держатъ клятву никогда не обращаться къ европейскимъ судьямъ и не признавать никакого авторитета внѣ своего союза.

Политика англичанъ состоитъ въ томъ, чтобы разъединить этихъ опасныхъ подданныхъ, раздѣлить ихъ на группы, враждебныя одна другой. Отчасти они и успѣваютъ въ этомъ, благодаря привлеченію на свою сторону богатыхъ китацевъ, допускаемыхъ подъ разными титулами въ британскую администрацію. Естественная вражда малайцевъ къ китайцамъ служить другимъ средствомъ въ видахъ той же политики англичанъ. Полицейскія силы въ городѣ, на примѣръ, состоятъ исключительно изъ малайскихъ полковъ. И надо только видѣть, съ какою жестокостію и презрѣніемъ мѣстный полисмень-малаецъ относится къ китайцу, чтобъ понять, почему предъ судьей англичаниномъ этотъ первый всегда бываетъ правъ, а второй скрытенъ и злобенъ.

Прогулки по городу дали нашим морякам массу непосредственных впечатлений. Ъздили смотреть молодого слона, видѣли пару тигровъ и другихъ хищниковъ Малакки, продававшихся въ лавкѣ, звѣринцѣ. На суднѣ завелись ручные попугаи, обезьяны разныхъ породъ. Познакомились съ курьезнымъ англійскимъ питьемъ, очень остраго вкуса, состоящимъ изъ смѣси сладкаго лимонада съ эссенціей инбиря, называемымъ «джинджеръ эль», который, впрочемъ, отлично утоляетъ жажду послѣ прогулки по экваторіальной жарѣ. Лакомились до пресыщенія разными тропическими фруктами, которымъ сейчасъ—самый сезонъ.

Изъ плодовъ особенно оцѣнили мангустанъ. Этотъ «царь фруктовъ» настолько нѣженъ, что его не сохранить дольше двухъ дней и то, развѣ въ прохладномъ мѣстѣ. Рассказываютъ о попыткѣ англичанъ доставить мангустанъ для своей королевы въ Лондонъ. Цѣлый пароходъ былъ нагруженъ живыми деревьями, пересаженными въ родную почву съ дозрѣвающими плодами, и только нѣсколько послѣднихъ можно было подать къ столу королевы. Съ виду плодъ темно фіолетоваго цвѣта, съ легкимъ пепельнымъ налетомъ; формою онъ напоминаетъ мандаринъ. Въ разрѣзѣ толстой корки онъ выдѣляетъ ярко малиновый ядовитый сокъ какого-то дубильнаго вещества. Корку эту нужно надрѣзать довольно глубоко по окружности и осторожно разломить плодъ. Ёсть въ немъ можно только мякоть внутренняго, маленькаго,

бѣлаго ядра, нѣжно волокнистаго, съ косточкою внутри каждой изъ сложенныхъ вмѣстѣ долекъ, какъ въ мандаринѣ. Вкусомъ и видомъ съѣдобная мякоть ядра напоминаетъ не очень сладкое, чуть-чуть кисловатое, наше прохладительное мороженое. Изъ этой-то, всего не болѣе одной чайной ложки, мякоти и состоитъ собственно мангустанъ, которымъ громко хвалится азіатскій экваторъ. Конечно, хорошъ плодъ, но слишкомъ мало даетъ онъ соку для такого труда достать его.

Другой плодъ—мангу содержитъ больше съѣдобной желтоватой мякоти, сливающейся внутри съ блѣдно-зеленою кожею, толстою, какъ у апельсина, снаружи переходящею въ шафранный цвѣтъ. Формою мангу напоминаетъ сплюснутый, продолговатый булыжникъ, часто встрѣчающійся на морскомъ берегу, гладко обточенный волнами. Великою плодъ вершка въ полтора по широкому мѣсту и въ длину до двухъ вершковъ. Внутри его мякоти, много уступающей нѣжностію вкуса мангустану, заключено одно, какъ у персика, шероховатое, но значительно большее ядро.

Болѣе извѣстенъ въ Европѣ бананъ. Но такъ какъ онъ отправляется съ мѣста родины въ недозрѣломъ состояніи и только доспѣваетъ на толстомъ своемъ стволѣ за дорогу, то очень много теряетъ во вкусѣ и ароматѣ, по сравненію съ хорошо вызрѣвшимъ въ грунтѣ, этимъ золотистымъ, мучнистымъ плодомъ.

Хорошо всѣмъ извѣстенъ сингапурскій ананасъ,

хотя онъ, такъ же какъ и бананъ, не вывозится сполна зрѣлымъ, а готовится къ обращенію на иностранныхъ рынкахъ, главнымъ образомъ, въ консервованномъ видѣ, сваренный въ собственномъ соку, герметически закупоренный въ жестянку, содержащую по одному цѣльному плоду, очищенному отъ панцырной коры и древесины. На операціяхъ съ этимъ плодомъ производители и комиссіонеры разныхъ національностей наживаются большія состоянія. Консервованный ананасъ на мѣстѣ стоитъ 15 коп., въ Копенгагенѣ ящикомъ продаютъ его по 35 коп. за банку, а въ Петербургѣ нужно отдать и всѣ 80 копѣекъ.

Окрестности города, покрытыя многочисленными холмами, заняты парками и дачами. Вершины холмовъ поднимаются на 50—70 сажень. Поэтому, климатъ здѣсь болѣе умеренный, чѣмъ на открытыхъ солнцу и мало доступныхъ вѣтру, низменныхъ улицахъ внутренняго города. Бризъ ¹⁾ дуютъ здѣсь болѣе свободно; въ тѣнистой верандѣ дачъ они приносятъ отрадную прохладу даже днемъ. Тишина здѣсь—ничѣмъ ненарушимая, даже птицы не поютъ, какъ и вездѣ днемъ подъ экваторомъ. Проѣхавшій по шоссе конный экипажъ или легкій джиприкша произведутъ на малое время небольшое шуршаніе, пожалуй—хлопнетъ бичъ и снова все кругомъ замираетъ.

¹⁾ Это—береговые вѣтры, дующіе днемъ съ моря и ночью съ суши.

По бокамъ одного изъ холмовъ извиваются аллеи парка, который въ то же время служитъ ботаническимъ садомъ и мѣстомъ вечерней прогулки для европейцевъ. Тогда уже не допускаются сюда туземцы, даже состоящіе въ качествѣ слугъ при своихъ господахъ. Садъ—первый по своему богатству подъ азіатскимъ экваторомъ. Въ немъ особенно поражаетъ аллея «царственныхъ пальмъ», удивительныхъ по правильно образовавшимся стволамъ и коронамъ изъ листьевъ. Стволъ пепельнаго цвѣта и гладкій, какъ кожа, поднимается изъ земли крутымъ у основанія закругленіемъ, въ видѣ кувшина; закругленіе постепенно сбѣгаетъ и на высотѣ сажень двухъ имѣетъ въ толщину не болѣе вершковъ четырехъ въ діаметрѣ. Затѣмъ, стволъ снова понемногу расширяется, образуя второе утолщеніе, значительно меньшее противъ нижняго и съ закругленіемъ въ обратную сторону, кверху; толстая конечная точка ствола пышно увѣнчана короною узкихъ и длинныхъ листьевъ. Общій ростъ этихъ пальмъ, деревьевъ еще молодыхъ,—всѣхъ, какъ одно дерево, сажени по четыре высотой. Двойная коллоннада ихъ симметрично поднимается вверхъ по холму, представляя чрезвычайно эффектную картину.

Рядомъ, здѣсь же, въ крытой стеклянной галереѣ собраны всевозможныя маленькія растеньища. Нѣкоторыя изъ нихъ растутъ безъ всякихъ банокъ, безъ земли и безъ воды; прикрѣпляютъ ихъ проволокой къ сухой доскѣ, подвѣсятъ на стѣну,

они и лѣпятся по доскѣ, свѣшиваются въ воздухъ: миниатюрныя, тошія, жалкія, но и удивительныя тѣмъ, что сами достаютъ себѣ изъ воздуха все, что нужно для произрастанія, и даже цвѣтутъ.

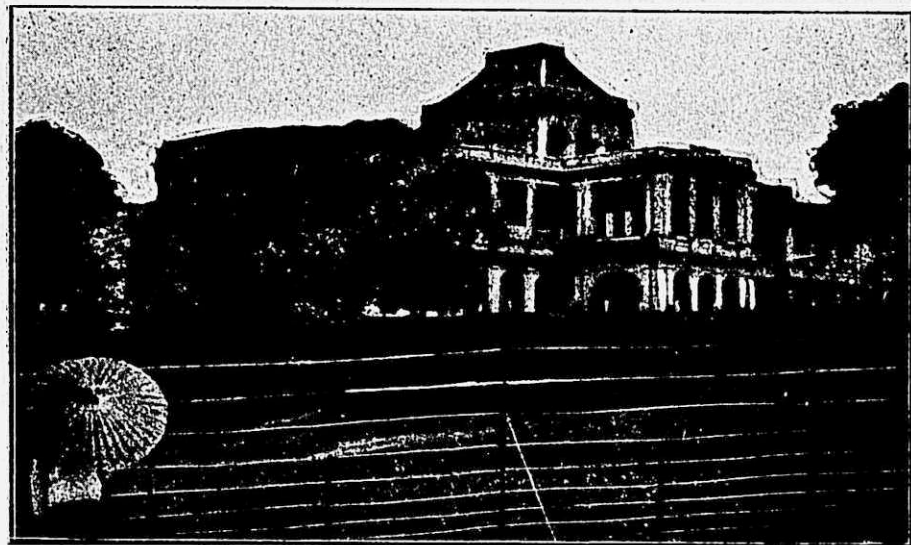
Въ другомъ мѣстѣ сада, прямо изъ пруда съ проточною водою поднимаются сочныя, бѣлыя и голубыя священные лотосы, пользующіеся особымъ обожаніемъ индусовъ. Культъ лотоса, символа вселенной, опозитизированъ былъ когда-то въ Египтѣ и нынѣ широко прославляется въ храмахъ Востока. Цвѣтокъ лотоса принимается на Востокѣ за образъ всего живущаго, всего, что распускается въ прекрасныя, правильныя формы. Изъ него, по религіозному ученію народовъ Индіи, Явы, Китая, Японіи родился самъ «блаженнѣйшій учитель» ихъ, Будда.

На Сингапурскомъ рейдѣ мы формально вступили въ составъ эскадры Тихаго океана, донося о прибытіи своемъ сюда морскому начальству въ Портъ-Артуръ, откуда и получили приказаніе зайти въ Гонгъ-Конгъ и, выждавъ тамъ пароходъ Добровольнаго Флота «Воронежъ», идущій изъ Одессы, конвоировать его «по назначенію», хотя это назначеніе не было намъ указано точно.

Гонгъ-Конгомъ называется островъ въ самыхъ водахъ Китая, уступленный въ 1841 году англичанамъ, послѣ «войны изъ-за опиума», въ видъ контрибуціи. Городъ, основанный на этомъ островѣ, англичане назвали тогда по имени своей королевы—«Викторію». Но такое названіе города не

употребляется на мѣстѣ, тогда какъ китайское прозвище, означающее въ переводѣ «островъ душистыхъ водъ», перенесенное съ обозначенія острова въ названіе города, удержалось вездѣ и къ нему привыкли сами англичане.

Въ полвѣка Гонгъ-Конгъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстъ Востока. Вся торговля

Домъ губернатора колоніи.

между Европою и Китаемъ идетъ чрезъ его посредство; торговый путь направляется отсюда на Кантонъ, Шанхай, Ханькоу и Тяньцзинь. Благодаря удобствамъ рейда, расположеннаго между островомъ и материкомъ въ проливѣ шириною около 2½ верстъ и защищеннаго пѣлыми архипелагами острововъ и высокими горами, суда спа-

саются здѣсь отъ свирѣпствующихъ въ Китайскомъ морѣ урагановъ и тайфуновъ.

Самый островъ состоитъ изъ различныхъ каменныхъ породъ. Занимая пространство не болѣе 75 квадр. верстъ, онъ составляетъ отдѣльный мірокъ, имѣющій свои горы и долины, свои лѣса, ручьи, и въ берегахъ изрѣзанъ разнообразными бухточками, создавшими свои гавани, укрытыя за выступающими скалами. Растительность острова чисто индійскаго характера; встрѣчаются, впрочемъ, и хвойныя породы, искусственно поддерживаемыя. Загородныя дома, виллы и пышныя зданія, занимающія всѣ мысы острова, утопаютъ въ густой, пышной зелени сосенъ, наравнѣ съ раскидистыми смоковницами, золотистыми кистями банановъ и свѣтлозеленыхъ бамбуковъ.

Большой, великолѣпный городъ Гонгъ-Конгъ раскинулся на сѣверномъ берегу острова, надъ проливомъ, подъ высокою горой, которая называется «пикъ Викторіи». По чистотѣ улицъ европейскихъ кварталовъ, по солидности построекъ, по богатству своихъ дворцовъ, этотъ англійскій городъ, прекрасно укрѣпленный, походить на города метрополии, но, сверхъ того, и отличается красотою и живописностію, которую придаютъ ему веранды, убранныя тропическими цвѣтами, аллеи, идущія вдоль тротуаровъ, и сады, наполненные деревьями и кустарниками, и ярко освѣщенное небо юга.

На пикъ Викторіи ведутъ двѣ дороги. Одна — прекрасное конное шоссе, которое поднимается въ гору длинною, извилистою линіей; другая — электрическій трамвай, взбирающійся туда по вертикальному почти подъему. Мѣстные дѣльцы, имѣющіе ежедневныя занятія въ городѣ, живутъ наверху, не затрудняясь необходимостію дважды въ сутки сдѣлать самый головокружительный подъемъ и спускъ. Высота пика — 270 саженъ.

На вершинѣ пика пришлось побывать по дѣлу у одного учителя русскаго языка въ Кантонской школѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служащаго въ Императорской китайской таможнѣ; онъ пріѣхалъ сюда въ отпускъ со всею семьей, по случаю закрытія его занятій на все время войны. Джинрикиши доставили насъ съ этимъ молодымъ отцомъ семейства и матросомъ, вѣстовымъ, взявшимъ необходимыя для дѣла принадлежности, къ началу улицы, по которой идетъ довольно крутой подъемъ до станціи электрическаго трамвая. Подъ раскидистыми смоковницами легко одолѣли мы пѣшкомъ этотъ недлинный подъемъ. Только успѣли взять билеты и сѣсть на поѣздъ, какъ небольшой вагончикъ смѣло и безъ малѣйшаго толчка тронулся въ гору. Сначала дорога шла довольно полого, но потомъ приняла такой крутой уклонъ, что страшно было смотрѣть назадъ, на пройденную линію: она кажется прямо пропастію, въ которую, того и жди, свергнется вагонъ. Уклонъ такъ великъ, что, въ концѣ-концевъ, приходится сидѣть, лежа на спинкѣ

скамьи, или же, если бы захотѣлось сохранить прямое положеніе, то нужно согнуться впередъ и почти ничкомъ лечь на полъ предъ собою. Станный обманъ зрѣнія производятъ растущія вокругъ деревья, маленькіе домики и др. Не замѣчаемъ, какъ постепенно выходимъ изъ вертикальнаго положенія, и вдругъ видимъ, что деревья, дома постепенно начинаютъ все болѣе и болѣе наклоняться впередъ къ землѣ, грозя упасть и разрушиться. Эта иллюзія такъ сильна, что и потомъ, когда понимаемъ, что измѣняемъ положеніе сами, а не дома или деревья, даже и послѣ этого не можемъ отдѣлаться отъ какого-то страннаго чувства недоумѣнія. На верху подъема стоятъ машины, съ помощію которыхъ одинъ цѣльный стальной канатъ, составляющій безконечную цѣпь отъ верхней станціи до нижней, наматывается тамъ и здѣсь на желѣзные валы и постоянно бѣжитъ впередъ: съ правой стороны полотна дороги онъ поднимаетъ вагоны вверхъ и, въ одно и то же время, съ лѣвой стороны спускаетъ съ горы поѣздъ. Прицѣпляясь къ соотвѣтствующему канату, вагонъ бѣжитъ вмѣстѣ съ нимъ къ неподвижнымъ машинамъ или—отъ послѣднихъ внизъ. Для того, чтобы на кручѣ вагонъ не могъ соскочить съ рельсовъ, у него устроены особаго рода колеса, плотно обхватывающія верхнюю, утолщенную часть рельса съ обоихъ боковъ его; каждое такое колесо, кромѣ того, имѣетъ еще придатокъ, состоящій изъ пары боковыхъ небольшихъ колесъ, бѣгущихъ вплотную

по той и другой сторонѣ тонкой части, слѣдующей непосредственно за головкою рельса. Всѣ вагоны снабжены тормазами, чтобъ кондукторъ могъ въ томъ случаѣ, если сорвется канатъ, сразу же за-
 стопориться на рельсахъ съ помощію колесъ. Дѣйствительно, когда спускаютъ вагонъ съ грузомъ и безъ каната, то кондукторъ легко успѣваетъ остановиться на-лету. Такимъ образомъ, говорятъ, устраивается экзаменъ въ искусствѣ управленія поѣздомъ на этомъ трамваѣ и испытывается хладнокровіе вновь поступающаго на службу, болынею частію, цвѣтной расы кондуктора.

Отъ трамвая мы ѣхали или, вѣрнѣе, долго еще насъ несли въ паланкинахъ ¹⁾ до санаторіи, гдѣ поселился нашъ учитель. По пути открываются величественные виды на городъ, картинно блещитъ внизу поверхность рейда съ его многочисленными кораблями и неуклюжими джонками, невдали пестрятъ островки и бухты, заполненные китайскими лодками, замѣняющими бѣднымъ жильемъ.

Что за дорога!—тамъ, гдѣ прежде были голыя скалы и непроходимые обрывы, теперь тутъ проложено шоссе, улитое цементомъ, съ мостами, съ высокими барьерами по краямъ и даже съ каменными скамейками для отдыха. Впрочемъ, кто виновникъ всего этого поражающаго комфорта, этой побѣды надъ природою? Все это полилъ своимъ

¹⁾ Паланкинъ—ящикъ съ сидѣньемъ, поставленный на носилки, съ парусинною крышкою надъ головой пассажира, котораго несутъ четверо дюжихъ китайцевъ.

потомъ, а можетъ быть и кровью, здѣшній безответный чернорабочій, презираемый властителями капитала, третируемый англичанами, какъ «выючной скоть», трудолюбивый китаецъ. Его нуждою воспользовались «просвѣщенные» европейцы и за ничтожную поденную плату купили трудъ и самую жизнь. Подряды на постройку общественныхъ дорогъ и зданій приносили въ былое время громадные барыши предпринимателямъ и администраціи англійской колоніи, ставящимъ смѣтныя цѣны на трудъ и матеріалы, согласно официальнымъ даннымъ, обращающимся въ метрополиі. Колоніальный дѣлецъ, оперировавшій лѣтъ пять въ Индіи, въ Китаѣ, играетъ и до сихъ поръ роль сказочнаго «американскаго дядюшки» въ семейной и общественной жизни «старой Англій». Умѣютъ англичане копить богатство—общественное и частное...

Интересно, что городъ сохраняетъ за собой монополию склада золота и серебра со всего китайскаго Востока. Банковыя учрежденія и купцы боятся за сохранность капиталовъ, которые подвергались бы слишкомъ большому риску, если бы владѣльцы поставили ихъ подъ чье-либо другое покровительство, кромѣ Англій.

Въ Гонгъ-Конгѣ мы пережили тайфунъ. Вотъ уже прошло полныхъ два дня, какъ рейдъ совершенно пустъ, кромѣ устоявшихъ здѣсь большихъ судовъ; прочее все еще хоронится въ болѣе

укромныхъ уголкахъ. Но буря сейчасъ значительно стихла.

Началось съ того, что лодки, джонки, рѣчные пароходы и люди вдругъ куда-то всѣ попрятались. Воздухъ сталъ удушливымъ, въ облакахъ появились фіолетовые оттѣнки и пронесся вихрь, послѣ мертвaго затишья. Военныя суда, какъ ни велики они, сразу дрогнули и вотъ уже каждое изъ нихъ «травить» оба свои якорные каната при особенно бурныхъ порывахъ часто повторяющагося вихря и «выбираетъ» ихъ при нѣкоторомъ послабленіи вѣтра.

Двой сутки якорные цѣпи звенятъ, то выпускаемыя, то подбираемыя. Отдыха — ни на минуту... Вахтенные офицеры истомились, все время стоя на бокѣ въ упоръ вѣтру, который чуть съ ногъ не валитъ. Порывами вихря такъ дергаетъ крейсеръ съ якорей, что иногда толчекъ очень ошутителенъ даже на койкѣ во снѣ. Качаетъ же вполне ясно, но и какъ-то непоследовательно, словно пьянаго; о сообщеніи съ берегомъ и рѣчи быть не можетъ, кромѣ великой нужды, при выборѣ рѣдкой, мало-мальски удобной къ тому минуты, хотя до пристани — рукой подать... Небо мрачно; тучи задѣваютъ, кажется, верхушки судовыхъ мачтъ, а пикъ Викторіи онѣ ни разу не показали съ самаго начала тайфуна. Дождь и вѣтеръ бьютъ въ лицо со злымъ визгомъ... И это, какъ оказывается по разъясненію мѣстной обсерваторіи, только небольшимъ краемъ своимъ за-

хватило тайфуномъ бассейнъ внутренняго рейда, закрытый со всѣхъ сторонъ.

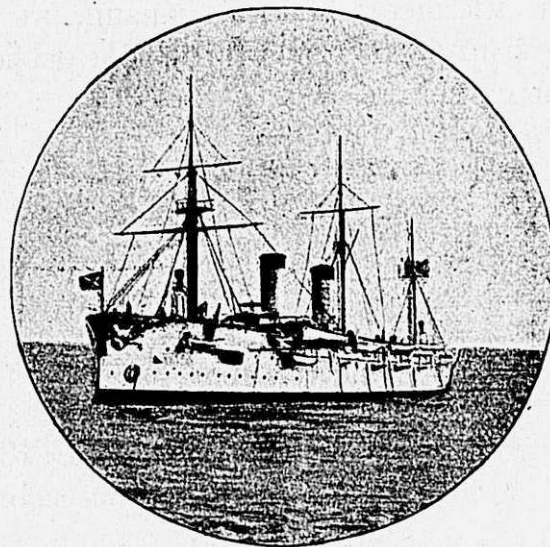
Бывали случаи, когда здѣсь тонули тысячи джонокъ и лодокъ; въ 1874 году разрушено вихремъ и на берегу много построекъ и гибли люди. А что-то, подумать нужно, происходило тогда же въ открытомъ морѣ!

У насъ опасались за «Воронежъ». Но онъ пришелъ благополучно, вслѣдъ за тайфуномъ, не догнавъ его. На этомъ Добровольцѣ «идутъ» ¹⁾ наши сухопутныя войска, назначенныя къ походу для «усмиренія боксера». Общеніе между судами и сородичами происходило полное и выразительное.

Есть въ арміи и флотѣ старинный обычай пѣть общимъ хоромъ утреннія и вечернія молитвы. Вечеромъ, по приходѣ «Воронежа», тысяча и сто голосовъ на Добровольцѣ слились въ молитвѣ, послѣ благословенія священника, пріѣхавшаго туда съ «Нахимова», и на этомъ послѣднемъ присоединились къ первымъ пятьсотъ матросовъ. Дружно, стройно, отъ сердца лилась церковная пѣснь... Иностранцы всегда поражались величественнымъ пѣніемъ такого хора. Въ Гонгъ-Конгѣ китайцы, чуждые пониманія европейской гармоніи въ пѣніи, и тѣ съ любопытствомъ прослушивали торжественно внушительный гулъ русскихъ голосовъ, а горы, окружающіе рейдъ, отдавали эхо.

¹⁾ Для непривычнаго уха кажется страннымъ такой способъ выраженія о средствахъ передвиженія по водамъ, но онъ, къ сожалѣнію, долженъ остаться необъясненнымъ.

Изъ Гонгъ-Конга, совмѣстно съ «Воронежемъ», вышли мы къ вечеру 12 августа. Весь путь до Портъ-Артура былъ, какъ нельзя болѣе, счастливымъ. Шли шесть сутокъ. Встрѣчалось множество джонокъ, но между ними нельзя было предположить присутствія китайскихъ военныхъ судовъ

„Рюрикъ“.

или вообще такихъ, которыя бы осмѣлились выказывать враждебныя намѣренія противъ насъ.

На большемъ разстояніи въ морѣ видѣли нашъ военный крейсеръ «Рюрикъ», идущій для охраны спокойствія въ Формозскомъ проливѣ.

Подходимъ къ взволнованному Китаю, къ театру военныхъ дѣйствій, но, словно, домой возвращаемся, предчувствуя скорую стоянку въ но-

вомъ російскомъ городѣ, Портъ-Артурѣ. Обойти полсвѣта и попасть въ Россію съ другого ея конца!.. Правда, что это обстоятельство поднимаетъ чувство справедливой народной гордости.

Отъ Кронштадта до Портъ-Артура пройденное нами разстояніе приблизительно опредѣляется, за девять мѣсяцевъ морской жизни, въ почтенной цифрѣ: 12,681 морская миля, или около 22,200 сухопутныхъ верстъ.

III. НА СТРАЖѢ ВЪ КИТАѢ.

Уступила дорогу волна,
Промелькнули пучины морскія;
Неизбѣжное зло ждетъ: война,
Гдѣ прольются всѣ слезы людскія.

X.

Портъ-Артуръ.

ЖЪ ВЕЧЕРУ 18 августа нашъ крейсеръ отдалъ якорь на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура.

Видимъ новую Россію, китайскую. Въ просвѣтѣ узкаго пролива, за домами китайской архитектуры, блеснулъ съ лучемъ заката крестъ церкви, а у борта крейсера «юлить» однимъ весломъ, стоя на кормѣ своей лодки «шампуньки», китаецъ-перевосчикъ; спѣшатъ сюда же и его товарищи ¹⁾. Пассажиръ одной изъ шампунекъ—чиновникъ морского вѣдомства въ форменной фуражкѣ, въ другой—два любопытствующіе армейскіе писари, выбрав-

¹⁾ Здѣсь перевозчиковъ призываютъ къ себѣ возгласомъ: „Эй, юли-юли!“.

шіеся изъ душной канцеляріи на вечернюю прохладу подышать морскимъ воздухомъ, и тамъ въ третьей шампунькѣ уже спѣшатъ къ судну прачки, японцы. Быстро приближается и военный вельботъ съ мичманомъ. Это сосѣдняя по стоянкѣ на якорѣ канонерская лодка первую успѣла послать своего представителя для поздравленія насъ «съ благополучнымъ приходомъ на рейдъ». Нашъ буфетчикъ, матросъ догадливый, бывалый, уже хлопнулъ пробкою Г. Н. Мумм'а, и звенить стаканами въ офицерской каютѣ-кампаніи, готовясь, по общепринятому обычаю, къ приему гостей.

Сцены обычные въ заграничномъ плаваніи, но смыслъ ихъ здѣсь свой, родной.

Южная оконечность Лаодунскаго полуострова, омываемая съ запада заливомъ того же имени, и съ востока Корейскимъ заливомъ, стала русскою собственностію съ весны 1898 года. Японско-Китайская война 1894 года, ослабившая Китай, дала Россіи возможность арендовать этотъ выходъ въ открытое Желтое море чрезъ Манджурію, чрезъ которую пролегаетъ теперь наша желѣзная дорога, и чрезъ не замерзающій зимою Портъ-Артуръ, называемый китайцами Люнь-Шунь-Коу. Цѣлыхъ три года наши Восточно-Сибирскіе батальоны ¹⁾ готовы были «надѣть катаники» для зимняго похода чрезъ Манджурію, чтобы встать лицомъ къ

¹⁾ Каждый изъ этихъ батальоновъ въ военное время «развертывается» въ цѣлый полкъ.

лицу съ Японією, уже владѣвшею Портъ-Артуромъ, пока совершенно мирнымъ путемъ наша Тихо-океанская эскадра не заняла этотъ нужный намъ портъ. Городъ счастливо расположенъ на юго-восточномъ берегу полуострова, совсѣмъ близко къ его крайней оконечности. Чрезъ гг. Мугденъ, Гиринъ и др., онъ соединенъ съ центральной нашей сибирской магистралію.

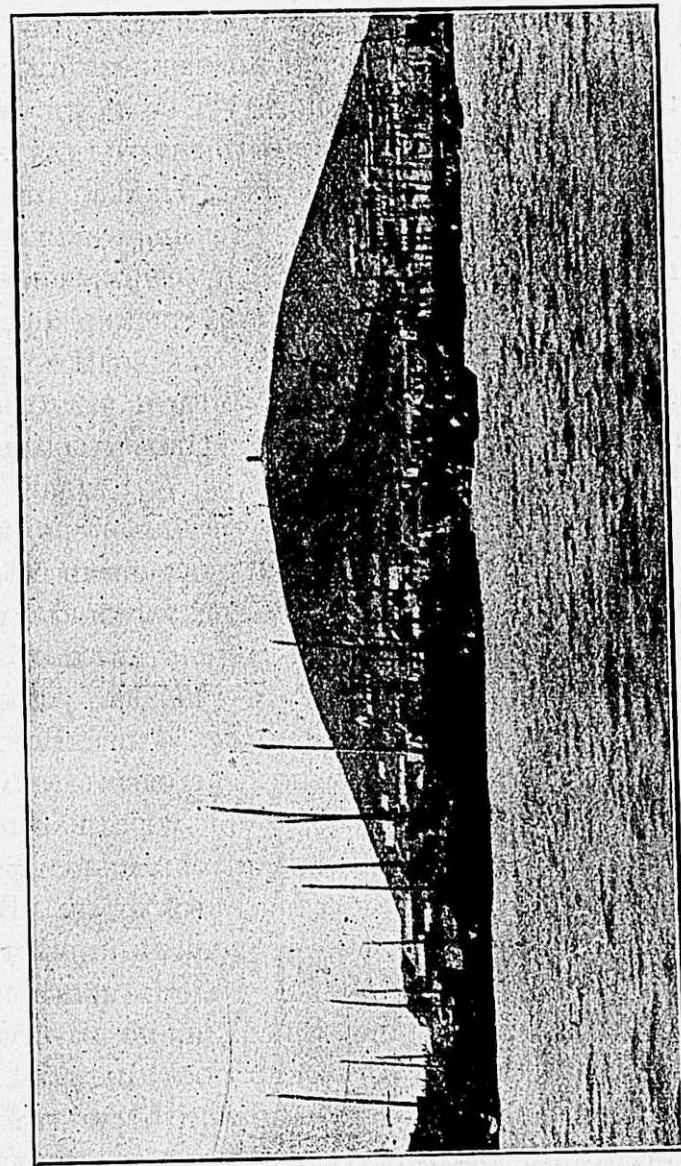
За короткое время Артуръ пережилъ три важнѣйшихъ періода своей исторіи: изгнаніе китайцевъ и господство японцевъ надъ развалинами его съ 1895 года, возстановленіе разграбленныхъ порта и арсеналовъ подъ русскимъ флагомъ съ 1898 г. и наконецъ, устройство крѣпости, способной выдержать всякое непріятельское нападеніе, и составленіе оффиціальныхъ плановъ будущаго русскаго города. Иностранцы называли Артуръ китайскимъ Гибралтаромъ; теперь онъ еще усиленъ линією грандіознѣйшихъ земляныхъ укрѣпленій. Цѣлые овраги, промежуточные между береговыми холмами, засыпаны и грозное кольцо непрерывныхъ фортовъ широко обнимаетъ городъ со всѣхъ сторонъ.

Въ чистомъ вечернемъ освѣщеніи рѣзко вырисовываются гребни береговыхъ холмовъ, за которыми совершенно спрятана застроенная домами котловина; сзади ея идутъ новые холмы, а по срединѣ высоко поднялся одинъ, замѣчательно правильной формы, конусъ съ маякомъ на вершинѣ,

приходящимся прямо въ створѣ узкаго пролива, ведущаго во внутреннюю гавань. Гора эта названа первыми нашими частями войскъ «перепелиною» въ память охоты, устраиваемыхъ здѣсь въ пору занятія Артура.

Всѣ прибрежные холмы лѣвой стороны укрѣпленнаго берега, взятые въ цѣломъ видѣ, напоминаютъ фигуру лежащаго тигра, откуда и получилось китайское названіе Артура. Когда-то одна изъ береговыхъ горъ, самая крутая, отдѣлилась силою какого-то переворота отъ лѣвой своей части и тѣмъ образовала проливъ съ углубленіемъ до 30 футовъ, вводящій суда съ моря во внутреннія гавани. Стѣны пролива, высокія и обрывистыя справа, при входѣ образовали «золотую гору», блистающую желтымъ отливомъ благороднаго металла; слѣва онѣ образовали небольшую площадку въ полгорѣ, гдѣ помѣщенъ малый маякъ. Внутри тянутся стѣны прохода не болѣе, какъ сажень на сто.

Далѣе, внутрь идетъ коса, названная «тигровымъ хвостомъ». Она тянется слѣва отъ входа, раздѣляя внутреннюю гавань на двѣ части. Правая изъ нихъ, искусственно углубленная, обложенная гранитною набережною, къ которой вплотную пристають самыя большія военныя суда, скрывается отъ моря за внутреннимъ крутымъ отвѣсомъ высокой «золотой горы». Естественнымъ продолженіемъ этого, праваго бассейна до сихъ поръ остается мелкое озеро, заложенное стѣною

Набережная Портъ-Артура.

военного порта наглухо. Бывшее ранѣе соленымъ, теперь, когда скопилась здѣсь, благодаря дождямъ, прѣсная вода, это озеро до половины лѣта содержитъ воду все еще солоноватую на вкусъ и годную только для питья животнымъ и для питанія судовыхъ паровыхъ котловъ. Налѣво отъ входа далеко разстилается мелкая гавань, «приглубая» только у набережной города, противъ оконечности «тигрового хвоста», а далѣе переходящая въ отмель, совершенно свободную отъ воды во время морскихъ отливовъ. Теперь эта отмель углубляется съ помощію гигантскихъ землечерпалокъ подъ стоянку купеческихъ судовъ.

Гранитный бассейнъ заключаетъ обширный сухой докъ и окруженъ разными портовыми мастерскими и каменными сараями для складовъ угля. Шумно работаетъ водопрѣснитель, расположенный подъ «золотою горой»; тутъ же устроенъ береговой грузоподъемный кранъ и пр. Вокругъ озера, за послѣднее время, по береговымъ холмамъ выросли красивые, съ видомъ на море, каменные домики для семействъ военныхъ инженеровъ, куда ведутъ прекрасно устроенныя шоссе. Видъ отсюда на море довольно живописный; мѣстные патриоты сравниваютъ его съ видомъ на Гонгъ-Конгъ, взятымъ съ пика Викторіи, но на самомъ дѣлѣ первый много уступаетъ послѣднему. Главное лишеніе здѣсь — это полное отсутствіе какой бы-то ни было растительности по холмамъ, открытымъ для всякаго вѣтра. Внутри котловины,

по береговой низинѣ озера, совершенно не у мѣста открыты кирпичные заводы, испортившіе на довольно обширное пространство всю землю. Рядомъ, среди скудной зелени приютилось каменное низкое зданіе «Загороднаго ресторана», уже вошедшаго теперь въ черту города. Далѣе, по плоской возвышенности кое-гдѣ выстроились красными пятнами казармы и дома съ квартирами для офицеровъ двухъ пѣхотныхъ полковъ и полевой артиллеріи. Въ самой дали, верстахъ въ 3-хъ отъ набережной бассейна, подъ противоположными входному проливу горами темнѣетъ обширное зданіе городской больницы. Между всѣми этими новыми по-

«Золотая гора» и проливъ.

стройками остаются пустующими цѣлые кварталы будущаго русскаго города, теперь засѣянные высокимъ китайскимъ просомъ, «кяуляномъ». Проектируется выстроить портовый соборъ съ площадью на одномъ изъ такихъ пустырей. Вѣроятно, вся эта часть города впослѣдствіи будетъ носить характеръ оффиціально-казенный.

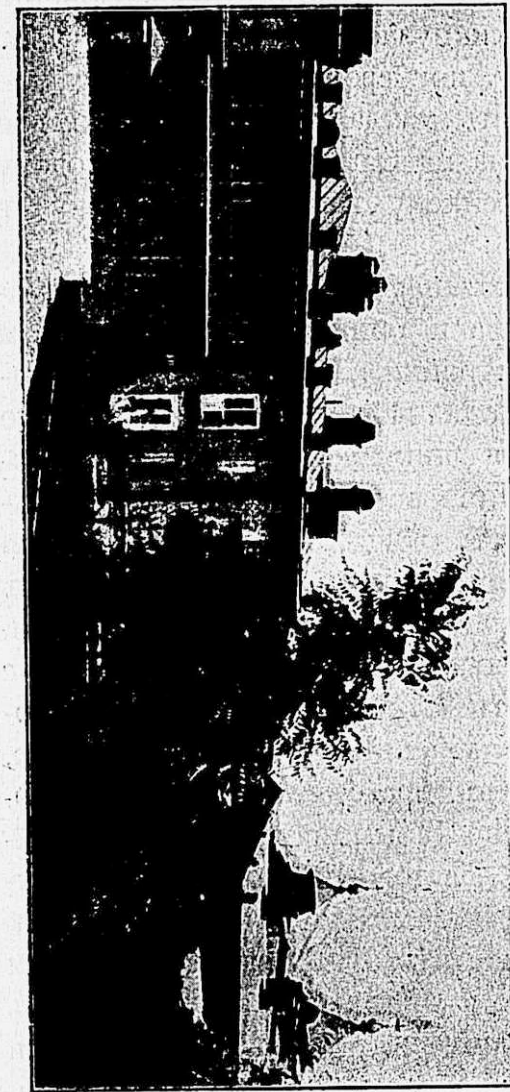
Полусоленое озеро ранѣе соединялось съ моремъ небольшимъ протокомъ, крутой оврагъ котораго теперь засыпанъ вровень съ ближайшими холмами. На продолженіи русла бывшаго протока, въ сторонѣ къ морю, раскинулись нѣсколько особняковъ, фермъ еще китайской постройки. Начало свое протокъ беретъ изъ рѣки, которая двумя руслами обходитъ «перепелиную гору» и дѣлитъ на части старый городъ. Одно русло этой рѣки всегда содержитъ воду и выливается въ мелкую торговую гавань почти за городомъ. Второе русло наполняется только во время приливовъ и выходитъ въ море чрезъ заселенную часть города, почти противъ «тигроваго хвоста», давая просторъ на своей набережной цѣлой улицѣ конторъ, магазиновъ, разныхъ сараевъ для склада и т. п. Это же русло рѣки отдѣляетъ «перепелиную гору» отъ меньшаго на цѣлыхъ двѣ трети холма, называемаго теперь «военною» или «штабною горою», по которой густо расположенъ весь бывший китайскій городъ съ его продольными, параллельно руслу рѣки, улочками. Впрочемъ, срединная, самая видная изъ пролива часть этого холма, кон-

чаясь обрывомъ къ морю, а также и къ берегу рѣки, остается и по сейчасъ пустою и, въ свой чередъ, дѣлитъ старый городъ на двѣ половины. Одна изъ нихъ раскинулась въ набережную у самаго моря и внизу, по берегу сухаго русла рѣки; другая, съ бывшимъ мандаринскимъ дворцомъ и садомъ, расположена на скатѣ горы къ портовому бассейну, ко внутреннему озеру и по протоку въ него изъ рѣки.

Подножіе конуса «перепелиной горы» со стороны торговой гавани обнимается теперь двумя улицами новой постройки. Эти улицы, расположенныя террасами одна надъ другой, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе каждаго, вступающаго въ гавань. Тутъ находятся желѣзнодорожные склады, конторы, вокзалъ, одна гостинница и частые дома, которые привѣтливо высматриваютъ изъ своихъ садиковъ и недавно разбитыхъ цвѣтниковъ. Къ сожалѣнію, новыхъ улицъ по горѣ не позволяетъ устроить оставленное здѣсь нетронутымъ китайское кдадбище, могилы котораго, по обычаю китайцевъ, представляютъ видъ холмиковъ съ гробами, спрятанными въ нихъ выше общаго уровня почвы. На поворотѣ, отсюда, къ нижней набережной, по ту и другую сторону моста находится самое бойкое мѣсто въ городѣ, не смотря на то, что осенью и зимою оно открыто всѣмъ сырымъ вѣтрамъ и половину дня остается въ тѣни за высокимъ конусомъ горы. Отсюда же, отъ подножія «перепелиной горы» углубляется внутрь

страны плотно желѣзной дороги. Обойдя самую гору съ противоположной городу стороны, оно

идеть по берегу рѣки, минуетъ отдѣльныя фермы, скромно пріютившіяся въ ущельяхъ, и оставляетъ на другомъ берегу тѣнистое, обширное городское христіанское кладбище. Одно изъ ущелій горы, со стороны города, узкое и длинное, очень глубокое, занято недавно выселившимися сюда чернорабочими китайцами, живущими со всѣми особенностями ихъ національной обстановки. По болѣе отлогимъ

Дворецъ начальника края.

склонамъ той же «перепелиной горы» и во вну-

тренней котловинѣ, отдѣльными кварталами расположены обнесенные каменными и земляными стѣнами, бывшіе китайскіе «импани». Это—дворы прежнихъ чиновниковъ и богачей. Такія постройки заняты теперь парками артиллеріи и квартирами офицеровъ. Тутъ же, особнякомъ, широко раскинулись новыя обширныя строенія своднаго Артурскаго военнаго госпиталя.

Въ старой китайской, въ мандаринской части города группируется сейчасъ все управленіе краемъ. Именно, мандаринскій дворецъ, построенный для китайцевъ вмѣстѣ съ бассейнами внутренней гавани еще французскими инженерами, теперь занятъ помѣщеніемъ начальника края. Постройка обнесена фигурною каменною стѣною, заключающею въ себѣ и благоустроенный цвѣтникъ съ садомъ.

Рядомъ, прежніе импани китайской администраціи обращены въ квартиры русскихъ чиновниковъ. Тутъ отведено помѣщеніе подъ морское офицерское собраніе, разбитъ новый бульваръ, гдѣ по вечерамъ собирается на музыку мѣстное интеллигентное общество, и съ другой стороны дворца, за рѣчкою открытъ общественный клубъ.

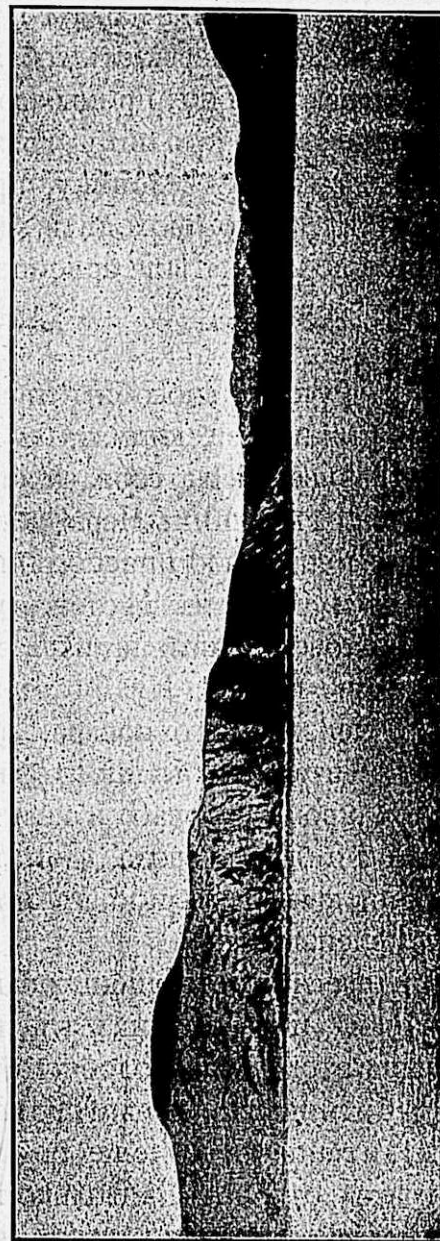
Съ рейда едва видна церковь штаба войскъ Квантунскаго полуострова, но изъ бассейна, съ холмовъ всей правой стороны порта, отъ казармъ и городской больницы видъ на нее вполне открытъ. Площадь предъ церковью тѣсна; улицы, ве-

душія къ ней, узки и грязноваты; самый видъ ея очень скромень ¹⁾).

Внутренній городъ сохраняетъ до сихъ поръ старый китайскій планъ и почти не лучшую обстановку, чѣмъ во время китайскаго владычества. Узкія улицы обставлены домами въ одинъ этажъ. Нерѣдко при домахъ имѣются маленькія внутреннія дворики, въ которыхъ найдется пара тощихъ деревьевъ, посаженныхъ въ грунтъ; это — наслѣдіе послѣ китайца, уцѣлѣвшее отъ раззоренія. Чаше дворики обставляются деревьями, привезенными изъ Японіи въ большихъ кадкахъ. Тонкія стѣны построекъ сложены изъ дикаго камня и уже позднѣе пробиты въ нихъ окна на улицу. Полы, потолки, внутреннія переборки въ комнатахъ также новѣйшаго устройства и самага походнаго образца. Квартиръ такъ мало, что ими дорожатъ больше, нежели въ столицѣ. Изъ служащаго сословія — кому удалось, тѣ заняли китайскіе домишки. Частными лицами едва приспособлены для жилья голыя стѣны, мрачныя и пахучія, которыя и отдаются въ наемъ; и тѣхъ недостаточно, по спросу. Необычайно высокія цѣны на квартиры создались, кажется, подъ вліяніемъ неумѣренныхъ аппетитовъ квартирохозяевъ, но можно указать и другія къ тому основанія. Строить новые дома пока нельзя, такъ какъ еще не

¹⁾ И то — хорошо. Въ первое время, послѣ занятія нами Портъ - Артура, все лѣто и зиму штабная церковь помѣщалась въ порту, занимая простой китайскій сарай, служившій прежде складомъ для какихъ-то военныхъ матеріаловъ.

приводится въ исполненіе составленный планъ улицъ и земля арендуется отъ казны. Арендатора связываетъ непремѣнное условіе снести постройки на свой счетъ, если понадобится казнѣ занять арендуемое мѣсто. Дешевизна китайскихъ рабочихъ рукъ при постройкѣ домовъ не окупается высокой стоимостью матеріаловъ, медлительностію китайскихъ мастеровъ и недостаткомъ умѣнья производить самую работу по европейскому образцу. Главное же, нѣтъ русскихъ мастеровъ и указателей, нѣтъ предпримчивости... Потому,

Правая сторона «Золотой горы».

напримѣръ, три уже года сохраняется рядомъ съ армейскимъ офицерскимъ собраніемъ китайскій базаръ, къ которому примыкають такіе путанные переулки, такая въ нихъ грязь и разныя испаренія, что свѣжему человѣку, принужденному необходимостію часто проходить здѣсь, удивительнымъ кажется долготерпѣніе армейцевъ, живущихъ тутъ цѣлыми семьями.

Мы, русскіе, способны примѣниться къ условіямъ страны, ея климата и народа. Въ Артурѣ же мы чувствуемъ себя дома. Климатъ немного разнится отъ нашихъ Черноморскихъ портовъ, жилища недолго было приспособить, воду даетъ опрѣснитель и устроенъ несложный водопроводъ изъ чистыхъ озеръ, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Кухня въ рукахъ у того же, всегда неизмѣннаго повара, вѣстового или деньщика. Китайцы, бывшіе хозяева края, ушли всѣ отсюда, кромѣ рабочаго и мелкаго торговаго люда. Порядки и бытъ города, сами по себѣ, стали чисто нашими, какъ гдѣ-либо въ полувоенномъ лагерѣ: они общеизвѣстны.

Интереснѣе отношенія наши къ оставшимся китайцамъ и равно—ихъ къ намъ. Наружныя отношенія этого рода подобны отношеніямъ хозяевъ къ работникамъ и наоборотъ. На характеръ и бытъ китайцевъ мы еще не имѣемъ вліянія; они не учатся отъ насъ, а только исполняютъ то, что прикажутъ, и то исполняютъ, какъ наемники, пока

стоитъ надъ ними надзиратель. Разъ остался китаецъ одинъ, онъ становится самъ собою; безъ особо уважительныхъ причинъ онъ стоитъ далеко внѣ регламентаціи русскаго государственнаго порядка и свободенъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Но что такое самъ по себѣ китаецъ, и какъ онъ смотритъ на насъ, это-то и интересно.

Простой китайскій народъ доволенъ владычествомъ русскихъ, такъ какъ видитъ отъ нихъ увеличеніе своихъ заработковъ, видитъ больше порядка и мягкой гуманности, пользуется благотворительностію и медицинской помощію; даже гражданской равноправностію и личною свободой онъ быстро пріучается пользоваться въ должныхъ границахъ. Но въ силу историческихъ причинъ и народныхъ традицій, китаецъ выработалъ и усвоилъ самостоятельную, неизбежно одностороннюю цивилизацію, понятную только ему одному. Становясь лицомъ къ лицу съ нами, онъ не понимаетъ насъ, какъ иностранцевъ; онъ поражается и пренебрегаетъ нами, ставя свое выше; въ этомъ и состоитъ главная рознь между населеніемъ Артура. Мотивы, руководящіе нами въ нашихъ дѣйствіяхъ, ускользають отъ пониманія китайца и, проводя сравненіе между своимъ и нашимъ, онъ приходитъ къ заключенію, совершенно невыгодному для насъ.

Русская борода дѣлаетъ насъ похожими, по мнѣнію китайца, на обезьяну; отсутствіе косы, составляющей, по убѣжденію желтолицаго, необходимый отличительный признакъ настоящаго чело-

вѣка, цвѣтъ волосъ—бѣлокурый, рыжій и пр., а не однообразно черный, одежда, ничего неимѣющая общаго съ китайскими шараварами, широкою курмой, войлочными туфлями и отсутствіемъ бѣлья, образъ жизни, вкусы, развлеченія—все это китайцу кажется неприличнымъ и смѣшнымъ. Ёдимъ мы на скатерти, при помощи вилокъ и ножей, какія-то странныя блюда, приготовленныя на коровьемъ маслѣ, и запиваемъ кушанья холоднымъ краснымъ виномъ; между тѣмъ какъ китаецъ совершенно незнакомъ вообще съ молочными продуктами, масло знаетъ только кунджутное, при ёдѣ довольствуется палочками и пальцами, а жажду утоляетъ чаемъ и теплою водкой. Наши знакомые при встрѣчѣ пожимаютъ намъ руку, китайцы же сжимаютъ кулаки и потрясаютъ ихъ предъ лицомъ встрѣченнаго друга. Обычай нашъ снимать шляпу при входѣ въ домъ кажется китайцу позоромъ, потому что онъ прикрываетъ голову, когда желаетъ показать кому-либо свое уваженіе. Почетною стороною у насъ считается правая, у китайца—лѣвая. При траурѣ у насъ носятъ черный цвѣтъ, а китаецъ одѣвается во все бѣлое. Спрашивать о здоровьѣ жены, сестры или дочерей почитается, по-китайски, невѣжливостію; напротивъ того, вопросъ о возрастѣ считается самымъ приличнымъ вступленіемъ къ общему разговору. Поцѣлуй совсѣмъ неизвѣстенъ, даже матери не цѣлуютъ своихъ дѣтей.

Встаемъ мы довольно поздно, китаецъ же под-

нимается съ пѣтухами. Моемся мы холодною водою, китаецъ питаетъ къ ней инстинктивное не-расположеніе. Не переносимъ мы отвратительныхъ запаховъ, господствующихъ на улицахъ и въ домахъ китайскихъ кварталовъ, но китаецъ незамѣтно вдыхаетъ ихъ и за то, не переноситъ запаха нѣкоторыхъ туалетныхъ духовъ, жаренаго кофе, керосину и пр. Даже спать мы не можемъ, какъ китайцы, которые ложатся съ жесткою подушечкой—скамейкой подъ головой.

Но что особенно удивляетъ новаго русскаго гражданина и заставляетъ его окончательно убѣдиться въ нашемъ варварствѣ, такъ это развлеченія достаточнаго русскаго класса охотою или, тѣмъ болѣе, танцами. Офицеръ ёдетъ верхомъ, охотится или гуляетъ безъ всякой видимой надобности, просто для моціона; китаецъ считаетъ это ниже его достоинства. Съ нескрываемымъ удивленіемъ онъ смотритъ на охотника, шагающаго по полямъ и болотамъ, разсуждая, что есть промышленники, готовые избавить его отъ такого низкаго труда. Игра въ мячъ, тѣмъ болѣе—при участіи дамъ, кажется китайцу унизительною для образованнаго человѣка. Танцы же—прямо неестественны, неприличны и безнравственны въ силу китайскаго обычая, требующаго полного разобщенія между мужчинами и женщинами.

Хотя въ приведенныхъ противоположностяхъ перемѣшано важное съ неважнымъ и серьезное съ пустымъ, но совокупность всего образуетъ, тѣмъ

не менѣе, нѣчто внушительное, достаточно объясняющее рознь и непониманіе, существующія между кореннымъ населеніемъ Артура и русскими людьми. Прямыхъ правонарушеній, правда, мѣстный китаецъ не допускаетъ большихъ, чѣмъ кража, обманъ и т. п. Судится онъ въ такихъ случаяхъ по російскимъ законамъ, но съ представителемъ отъ своего сословія, и самый судъ для него служить уже наказаніемъ, какъ отлученіе отъ сообщества своихъ; арестъ кажется ему тяжелѣе, чѣмъ самое наказаніе. Мягкость же судей, соединенная съ гуманной настойчивостію и строгой справедливостію, много служатъ гражданскому сліянію старожиловъ города съ пришельцами, невольно заставляя первыхъ узнавать лучший строй отношеній, чѣмъ къ какому они привыкли при мандаринахъ.

Крейсеръ простоялъ въ Артурѣ въ первый разъ 9 сутокъ, именно съ 18 по 27 августа; затѣмъ, возвратясь изъ Таку, во второй разъ простоялъ 10 дней, съ 20 по 30 октября, и, наконецъ, еще разъ возвратился сюда изъ Шанхай-Гуаня 29-го ноября.

Первая и вторая стоянка характеризовались военнымъ положеніемъ города и поспѣшностію, съ какою грузились углемъ, провизіей и дополнительными боевыми запасами, чтобъ уйти на театръ военныхъ дѣйствій. По приходѣ нашемъ въ портъ, первымъ дѣломъ исполнена была священная обя-

занность навѣстить раненыхъ въ бою при Таку товарищей, сослуживцевъ. Изъ нихъ чаще видѣли лейтенанта А. Ф. Т—а, помѣщенного въ сводномъ Артурскомъ военномъ госпиталѣ. Смотрѣли на него и поучались нагляднымъ примѣромъ, чего стоитъ герою его военная слава. Увы!—Богъ съ нею, и со славою... если бы не исполненіе святаго подвига, соединеннаго со званіемъ воина, призывало и доставило многострадальную эту славу.

Все время приходили и уходили съ войсками Добровольцы и другія транспортныя суда и военные крейсеры: оживленіе было полное. Въ бассейнѣ, рядомъ съ нами стояли «Бобръ» и «Кореецъ», уже исправившіе свои поврежденія послѣ боя. Наиболѣе пострадавшій «Гилякъ» еще чинился, стоя въ докѣ. На немъ видѣли мы въ дверяхъ одной изъ офицерскихъ каютъ ту рѣшетку, въ щели которой послѣ боя найденъ неизвѣстному принадлежавшій глазъ. Съ первыхъ минутъ боя китайское ядро разбило здѣсь офицерскую каютъ-компанію. Молодой врачъ, оперировавшій тутъ съ ранеными, остался невредимъ, но, однако, что-то онъ, нужно подумать, перенесъ тутъ...

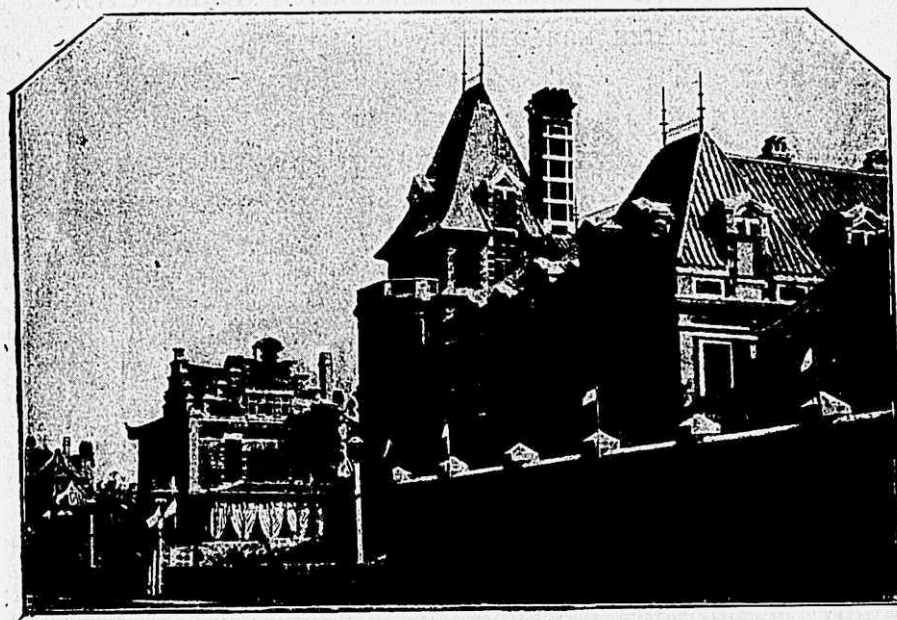
Многія семейства офицеровъ въ Артурѣ пользовались правомъ, даннымъ по случаю возможнаго нападенія на городъ, и выѣхали въ Японію и Владивостокъ на казенныя средства. Но супруга одного изъ боевыхъ военачальниковъ дѣлитъ съ мужемъ всѣ трудности походной жизни. Оставшіяся полковыя дамы покойны за себя, душой

же онѣ съ мужьями и братьями: то въ Тяньцзинѣ, то въ Манджурскихъ отрядахъ. Бездѣтныя изъ нихъ, какъ сами говорятъ, предпочли бы походное положеніе вмѣстѣ съ близкими сердцу, чѣмъ мученія неизвѣстности о судьбѣ родныхъ, и одиночество.

Вѣсти съ войны доходятъ сюда медленно; полевые телеграфы завалены казенною работою, а въ Артурѣ телеграфистовъ—одинъ, два... и обчелся. Англійскія газетныя извѣстія скорѣе идутъ сюда чрезъ Нагасаки, чѣмъ письма изъ нашихъ дѣйствующихъ отрядовъ.

Все время остается безпрепятственнымъ сообщеніе изъ Артура съ городомъ Дальнимъ, чѣмъ нельзя было не воспользоваться. Для военнослужащихъ проѣздъ туда и обратно казенный и никакими формальностями не стѣсненъ. Новый нашъ городъ Дальній представляетъ хорошій портъ, очень обширный. Въ военное время довольно одного полка и небольшой части артиллеріи, чтобъ обезопасить отсюда сухопутный тылъ города Артура: такъ узокъ здѣсь перешеекъ полуострова. Японцы въ свое время поняли стратегическое положеніе этого мѣста, овладѣли имъ и уже отсюда вели нападеніе на Артуръ. Торговый нашъ портъ здѣсь строится наскоро, но съ широкимъ размахомъ; онъ соединяется съ магистралію желѣзной дороги полуострова и съ обоими заливами, Печилійскимъ и Корейскимъ. Тамъ, по слухамъ будетъ епархіаль-

ный уѣздный соборъ, училища разныхъ наименованій и пр. Отсюда развивается свои громадныя торговыя предпріятія Русско-Китайскій банкъ. Постройки въ городѣ и сейчасъ уже удивляютъ грандіознымъ видомъ и строго выдержаннымъ своимъ стилемъ. Странно только, что стиль этотъ,

Новѣйшія постройки въ г. Дальнемъ.

взятый чисто-россійскими инженерами, самъ по себѣ чисто-нѣмецкаго характера.

Въ настоящее время тысячи рабочихъ заняты здѣсь устройствомъ дамбы для торговой пристани, разбивкою городского сада, прокладкою шоссейныхъ дорогъ по улицамъ и пр.

Дѣйствительная служба нашего крейсера— быть стражемъ русскихъ интересовъ въ Китаѣ, поднять значеніе здѣсь нашего военнаго флота на одну боевую единицу.

Она, эта служба началась съ приходомъ нашимъ въ Портъ-Артуръ.

— «Какъ-то впереди выразится наша служба?» — думается каждому.

Рейдъ Таку.

Утро довольно вѣтренное. На мутныхъ водахъ, близко въ виду, цѣлымъ городомъ раскинулись десятка четыре крупнѣйшихъ судовъ. По мѣрѣ приближенія къ нимъ, подробнѣе выясняется, что люди на нихъ заняты утреннею приборкой палубъ. Отсюда летятъ брызги и фонтаны воды, по которымъ радостно бьетъ солнце, разгораясь снопами искръ, отражаясь игривыми бликами въ ближайшихъ къ борту волнахъ, ударяя въ глаза залюбовавшагося на общую картину зрителя. Не успѣло еще высоко подняться солнце. Косыми лучами своими, кажется, хочетъ оно показать каждому военнаго шеголя, каждое судно въ отдѣльности, какъ можно выгоднѣе и картиннѣе. На самомъ горизонтѣ чуть замѣтна черта плоскаго берега, подъ которымъ смутно обозначаются силуэты транспортныхъ пароходовъ.

Словно цѣлый городъ съ обширнымъ предметствомъ образовали правильные ряды судовъ, собравшихся со всей Европы на рейдъ при бывшей китайской крѣпости Таку. Но странный это городъ! Вотъ, по улицѣ его, изъ устья рѣки Пэйхо

проносить отливомъ и колышетъ на поверхности воды нѣсколько грязновато-бѣлыхъ, безформенныхъ массъ: не то китайскихъ труповъ, окутанныхъ какими-то лохматями, не то внутренностей быковъ, выброшенныхъ съ котораго-либо судна. Тучи чаекъ крикливо кружатся надъ этими признаками близкаго скопленія войскъ или, можетъ быть, и кровавыми жертвами войны.

Около 8 часовъ утра, **29 августа**, мы поровнялись съ линіей русскихъ судовъ. На встрѣчу картинно вытянулись по вѣтру родные вымпела. Узкія и длинныя ленты ихъ, развѣваясь съ самыхъ высокихъ мачтъ судовъ, ласково привѣтствуютъ своего почетнаго собрата, георгіевскій вымпелъ¹⁾ нашего крейсера. И ровно въ 8 часовъ, по ежедневному обычаю, загремѣла кругомъ, словно бы продолжая привѣтствіе, торжественная музыка народныхъ гимновъ всѣхъ главныхъ европейскихъ націй. Въ первый разъ за настоящее плаваніе на Востокъ пришлось намъ слышать и самимъ исполнять здѣсь, какъ международное привѣтствіе, и японскій скрипучій гимнъ. Одновременно началу музыки, во всей своей красотѣ, сполна разверну-

¹⁾ Вымпелъ—узкій и длинный флагъ, съ перваго момента плаванія судна и «до окончанія компаніи» поднимается на бомъ-брамъ-стенгѣ, на верхней оконечности средней мачты. У военныхъ судовъ онъ—бѣлый съ косицами и у шкаторины, со стороны крѣпленія, ближайшей къ мачтѣ, имѣетъ синій андреевскій крестъ, а у «Нахимова» — и еще изображеніе св. Георгія на конѣ.

тыми поднимаются съ величественной постепенностію разноцвѣтные квадраты кормовыхъ флаговъ и пестрыхъ носовыхъ гюйсовъ.

Въ такую торжественную минуту съ крейсера отдали мы якорь на рейдѣ, фактически присоединившись къ международной, союзной противъ Китая эскадрѣ. Сигналомъ опредѣлено намъ мѣсто стоянки рядомъ съ адмиральскимъ судномъ младшаго флагмана Тихоокеанской нашей эскадры.

Какихъ только типовъ судовъ нѣтъ здѣсь! Громоздскіе великаны—броненосцы, броненосные крейсера и стройныя канонерскія лодки медленно и величаво колышутся на якоряхъ, едва удостоивая склонять свои гордые носы только предъ пятою или предъ девятою волной. «Нахимовъ» занимаетъ между ними очень почтенное мѣсто, по своей внушительной солидности. Больше качаются на якоряхъ легкіе минные крейсера, миноносцы-истребители, вертлявыя миноноски, паровые катера и всевозможныя гребныя суда. Шустрые паровые катера, тяжелые гребные барказы, 16-ти, 14 и 12 весельные катера, вельботы и шестерки неусомненно откланиваются предъ каждою находящею на нихъ волной, стоя на своихъ «шкентеляхъ» подъ «выброшенными» съ бортовъ «выстрѣлами»¹⁾, или же переходя свободное между судами пространство.

¹⁾ «Выстрѣлъ»—это выпущенное наружу, перпендикулярно борту судна, гладкое бревно, по которому матросы «бѣгаютъ» на качающуюся по волнамъ шлюпку. Съ выстрѣла свѣ-

Сколько разнообразнѣйшихъ пушекъ смотрятъ съ каждаго судна! Здѣсь, по борту высокаго крейсера, стройнымъ рядомъ ошестинились восьмидюймовки и въ открытые люки его батарейной палубы ярко блестятъ мѣдныя части пушечныхъ станковъ и разной мелкой артиллеріи: щегольство, емѣняемое въ обязанность завѣдующимъ этими орудіями комендoramъ. Тамъ, на броненосцѣ, изъ

Вблизи устья рѣки Пэйхо.

прикрытія круглыхъ, вертящихся на своемъ основаніи, стальныхъ башенъ, на кормѣ, на носу, по бортамъ, попарно и высоко въ небо вздернули свои жерла грозныя 12-ти, 11-ти и 9 дюймовки ¹⁾.

плавается конецъ веревки, съ нѣсколькими утолщеніями на своемъ протяженіи, или веревочная лѣстница: это и есть „шкентель“. За корму на шлюпку „подается конецъ“, т. е. выпускается канатъ на необходимое протяженіе чрезъ клюзъ, и тогда называется, что шлюпка „стоитъ на бакштовѣ“.

¹⁾ Калибръ опредѣляется по снаряду; діаметръ канала пушки всегда нѣсколько болѣе діаметра снаряда, чтобы послѣдній могъ свободно входить въ каналъ.

Вездѣ верхнія палубы и разные мостики, боевые марсы ¹⁾ усыяны дальнобойными орудіями разнаго калибра и системъ. Скорострѣльные орудія каждаго военного судна ежесекундно могутъ обдавать непріятеля, буквально, дождемъ бомбъ, ядеръ, шрапнелей и пуль разныхъ величинъ. У насъ на суднѣ есть, на примѣръ, двѣ пары пулеметовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности выпускаетъ въ одну минуту 400—500 ружейныхъ пуль въ цѣль, удаленную хотя бы на цѣлую версту.

Сообразно съ величиной и вооруженіемъ судна, стоимость иного морскаго богатыря, легко сказать, вырастаетъ въ 6—10 милл. рублей. Такъ дорого обходится человечеству сохраненіе общаго мира и согласія между отдѣльными націями. Грандіознѣйшее впечатлѣніе при видѣ всей этой «армады», собранной противъ Китая, и выражается въ сознаніи справедливости пословицы: «худой миръ лучше доброй войны», особенно войны морской, съ современными средствами нападенія и защиты.

Общее управленіе союзною эскадрой поручено нашему адмиралу. Связь между націями наглядно выражается въ томъ, что замѣстителемъ главнаго начальника, старшимъ его флагманомъ, нашимъ же адмираломъ созывается общій совѣтъ адмираловъ въ важныхъ случаяхъ. Также, разные извѣщенія постоянно производятся къ общему свѣдѣнію по международной сигнализаци; каждое судно

¹⁾ Это—защищенные бронею будки по мачтамъ.

объявляетъ заранее часть своего ухода съ рейда и назначеніе свое, бесплатно принимая отъ всѣхъ корреспонденцію и пассажировъ военного сословія. На равномъ же положеніи стоятъ и транспортные пароходы всѣхъ націй. Кромѣ того, для ученій всѣ военныя суда одновременно «сбрасываютъ» свои шлюпки, дежурятъ, по назначенію, въ свою очередь по всей эскадрѣ и т. п. Таковы обычныя картины общаго согласія и оживленія, связующаго союзниковъ.

На рейдѣ стоитъ плѣненный союзниками китайскій крейсеръ. Каково-то, думается, смотрѣтъ на всѣ рейдовые демонстраціи китайскому адмиралу, командиру этого судна, когда, кромѣ того, тамъ изъ судовой машины вынуты важнѣйшія принадлежности для обозначенія позорнаго плѣна! И каждому китайцу, надо думать, тяжело чувствуется на этомъ злосчастномъ суднѣ, такъ же, какъ и на всемъ побережьи у занятой европейскими войсками крѣпости Таку. Однако, они же, береговые жители, тѣ же китайцы, повидимому, охотно и очень исправно привозятъ намъ куръ и утокъ по полтинѣ за пару, бережно доставляютъ, ни кѣмъ не принуждаемые, тысячи яицъ по 1 руб. 20 коп. за сотню и пр. Кто этотъ нашъ «непріятель»? — Народъ ли китайскій?.. невольно возникаетъ этотъ вопросъ.

О китайцахъ, пришельцахъ въ портовыхъ городахъ англійскихъ колоній Востока, уже не разъ

говорилось ранѣе; частнѣе говорилось о нравахъ и обычаяхъ коренного жителя Квантунскаго полуострова. Въ Таку поставщики провизіи, торгаши, какъ и мѣняла въ Сингапурѣ и Гонгъ-Конгѣ, какъ куліи въ Артурѣ, все это одинаково истые китайцы, не менѣе, чѣмъ всякій желтокожій, живущій въ центрахъ Срединной имперіи, только говорящіе разными нарѣчіями. Но послѣдніе сплочены въ одну общую массу, чувствующую свою силу, и такая масса не желаетъ ничего болѣе знать, кромѣ себя самой, не имѣя возможности оцѣнить сполна политическую и культурную силу европейца. Первые же разбились каждый про себя или, много—много, если составляютъ они союзы, нѣсколько ознакомленные съ европейскою культурой, но во всемъ пассивно уступающіе значенію и вліянію сосѣда, европейца. Отсюда происходитъ коренная разниа активныхъ проявленій характера однихъ и другихъ китайцевъ; расовыя же особенности ихъ вездѣ и всегда совершенно одинаковы такъ, какъ съ древнѣйшихъ временъ остается неизмѣнною ихъ исторія и цивилизація.

Основная цѣль жизни человѣка, по ученію Конфуція и его послѣдователей, заключается въ воспроизведеніи себѣ подобныхъ. Потому, какъ бы ни былъ бѣденъ китаецъ, онъ вступаетъ въ бракъ и терпѣливо переноситъ настоящее, не заботясь о будущемъ. Такъ какъ онъ крайне неприхотливъ и выносливъ, то и является въ высшей степени жизнеспособнымъ. Жизненность его осо-

бенно доказательно наблюдается на голодающих, которые составляют постоянный элемент населенія, на куліяхъ, рабахъ и на прочихъ классахъ чернорабочихъ. А китайскіе нищіе!—не видѣвши ихъ, нельзя вообразить себѣ, чтобы человѣческія существа, даже самыя отверженныя, могли выносить подобную жизнь. И, однако, каждый изъ нихъ безропотно переноситъ судьбу, только въ послѣдней лишь крайности рѣшаясь на переселеніе изъ родного края.

Наиболѣе симпатичною чертою въ характерѣ китайца называютъ его миролюбіе. Но оно скорѣе зависитъ отъ апатичнаго темперамента гражданина Срединной имперіи, которому противно все рѣзкое, чѣмъ можетъ быть поставлено ему въ сознательную заслугу. Миролюбіе это есть только врожденная склонность къ спокойствію. Кроме того, подчасъ оно такъ велико, что его трудно бываетъ отличить отъ трусости. По крайней мѣрѣ, въ понятіе о храбрости у китайца совершенно не входитъ сознаніе долга или чувства чести, а военная доблесть въ умѣ его часто отождествляется съ дикостію и варварствомъ, недостойными просвѣщеннаго человѣка. Ближайшій ученикъ Конфуція Менце сказалъ: «любящій войну заслуживаетъ величайшаго наказанія; человѣкъ, утверждающій, что онъ можетъ собрать войско, или что онъ искусенъ въ сраженіи, есть величайшій преступникъ». Китаецъ вообще не дорожитъ жизнію и хладнокровно относится къ смерти, какъ къ естествен-

нымъ заключеніямъ въ своей постоянной дѣятельности, но онъ не понимаетъ, чтобы дѣятельность человѣка могла быть непосредственно направлена къ уничтоженію, а не къ созиданію. Его культура уже установилась въ такихъ тѣсно опредѣленныхъ рамкахъ націонализма, что онъ другихъ взглядовъ уже не можетъ понять. Потому, въ нынѣшнюю войну нерѣдко находили китайскихъ солдатъ прикованными къ пушкамъ... Японцы давно знали эту слабую, говоря языкомъ современной стратегіи, сторону китайца; они никогда не нападаютъ на китайца со всѣхъ четырехъ сторонъ вдругъ, а непрѣменно оставляютъ одну сторону для свободнаго бѣгства. Такъ, между прочимъ, былъ взятъ японцами нашъ нынѣшній Портъ-Артуръ, считавшійся неприступной китайской крѣпостію.

Итакъ, съ такими вотъ противниками наши войска, вмѣстѣ съ европейскими союзниками, воевали на сушѣ. Взаты съ бою Таку, Тянцинь, Пекинъ, Бейцангъ и др. Но теперь, съ моря суда наши не воюютъ, поддерживая лишь своихъ, сражающихся на берегу, людьми, орудіями, боевыми и другими припасами. Отсюда же съ моря идутъ всѣ распоряженія о движеніяхъ союзныхъ сухопутныхъ войскъ внутрь страны, и т. п.

Мы, собственно судовые, совершенно не считаемъ себя состоящими въ военныхъ дѣйствіяхъ

противъ Китая ¹⁾. Государственный китаецъ—человѣкъ порядка; онъ нашъ самый большой пріятель, потому что за него проливается наша кровь, а «боксеръ», императрица—мать съ патріотами называются у насъ возмутителями противъ европейскаго «вліянія» въ Китаѣ, коварно поправшими основы международныхъ отношеній. Мы идемъ только противъ произвола черни и сознательнаго послабленія ей, или безсилія государственной китайской власти. И, напротивъ справедливымъ признають у насъ общее негодованіе китайской націи, по поводу хищничества разныхъ европейскихъ предпринимателей въ Китаѣ и способа введенія германскаго и французскаго христіанства съ помощью крупновской пушки, противъ насажденія европейской культуры на принципахъ милитаризма. Каковы сами эти культуртрегеры и воинствующие миссіонеры, о томъ здѣсь, на рейдѣ у Таку, пришлось понаслушаться.

Нашъ крейсеръ скоро сдѣлался здѣсь какимъ-то сборнымъ пунктомъ, чрезъ который, какъ чрезъ фильтръ, прошли «герои», игравшіе осенью, чаще всего, штабныя роли на походахъ внутри страны. Во второй половинѣ сентября суда наши ушли съ рейда, а «Нахимовъ» остался станціонеромъ, служа героямъ радушнымъ своимъ гостепріимствомъ и эти, въ благодарность, не скупились на рассказы.

¹⁾ И, конечно, это названо быть можетъ только сближеніемъ разнорѣчивыхъ мнѣній, а не ихъ заключеніемъ.

Не нужно доказывать, что поживились европейцы на счетъ китайцевъ, не брезгуя брать все, что понравилось, «на память» или «для національнаго музея» какого-то. Простакамъ, нижнимъ чинамъ чаще доставалось оружіе, куры и пр. Гдѣ-то, въ одномъ изъ арсеналовъ удалось нашимъ рядовымъ наткнуться на гору «чоховъ» ¹⁾. Эта разнѣнная монета была брошена безъ вниманія англичанами... Въ арсеналѣ при Инкоу, въ рѣкѣ Пэйхо, занимаемомъ одно время нашими судовыми матросами, обращены были въ военную контрибуцію запасы кукурузы, мѣдь, соль въ слиткахъ, пушки пр.

Интереснѣе извѣстія, привезенныя изъ страны очевидцами, нашими офицерами, и рассказы, слышанные отъ участниковъ въ военныхъ дѣйствіяхъ за первый періодъ времени. Впрочемъ, къ этимъ послѣднимъ рассказамъ приходится относиться крайне осторожно. Соревнованіе націй, страсти участниковъ и другія причины придавали разную окраску одному и тому же событію.

Наши офицеры командированы были для оцѣнки годности и для приспособленія къ плаванію нѣсколькихъ китайскихъ императорскихъ паровыхъ катеровъ, замѣченныхъ въ каналахъ за Пекиномъ. Пять сутокъ эта комиссія осматривала разные глухіе закоулки канала, окруженнаго ка-

¹⁾ Въ разнѣнѣ на одну копѣйку приходится 5 — 6 чоховъ.

уляномъ. Охрану и команду для катеровъ составляли только кочегаръ, вѣстовой, три—пять казаковъ и проводникъ китаецъ. И такое «войско» не нашло себѣ противниковъ — боксеровъ. Однажды, правда, подъ вечеръ замѣчены были въ каулянѣ китайскіе войска въ значительномъ количествѣ, но такъ какъ наши по нимъ первые не стрѣляли, то обѣ стороны разошлись очень мирно: китайцы глубже спрятались въ высокій каулянъ, а наши на катерѣ «прошли по каналу» невредимыми. Но эти китайцы не были «союзными нашими войсками»: такихъ въ окрестностяхъ Пекина не признавалось нами. Каждый вооруженный китаецъ, въ отдѣльности и въ строю, считался боксеромъ. Можетъ быть, это правило и не было военною ошибкой, но случай съ нашими офицерами, тѣмъ не менѣе, имѣлъ свое значеніе. Общее у насъ убѣжденіе сложилось такое, что китайцы съ нами не воюютъ уже теперь, а только иногда защищаются и всегда бѣгутъ. Въ началѣ была война, теперь идетъ преслѣдованіе побѣжденнаго.

Послѣ объявленія ультиматута о сдачѣ крѣпости Таку, наши были, по рассказамъ, настолько покойны, что отослали отъ фортовъ за сѣномъ въ Артуръ двѣ канонерскія лодки, изъ имѣющихся тогда здѣсь пяти. Рѣшено было, что крѣпость должна сдаться безъ боя, такъ какъ, по докладу одного изъ офицеровъ, «на фортахъ у китайца пушки деревянные». Оказалось, однако,

что вся артиллерія тамъ была современнаго образца. Фактъ необычайно быстрого взятія крѣпости теперь многіе союзники наши объясняютъ безумной смѣлостію русскихъ, проявленною благодаря ихъ, будто бы, незнакомству съ силами противника, и позорной трусостію китайцевъ. На самомъ же дѣлѣ, смѣлость однихъ и недостаточность стойкости другихъ, конечно, были дѣйствительными фактами; но докладъ нашего офицера о китайскихъ орудіяхъ былъ намѣренно искаженъ международною молвой. Этимъ офицеромъ, отправленнымъ на рекогносцировку къ фортамъ крѣпости, справедливо замѣчено было, что орудія тамъ «обшиты деревомъ», а потому у него, лишеннаго возможности близко видѣть ихъ, не могло составиться яснаго убѣжденія о калибрѣ, системѣ, силѣ ихъ; онъ могъ опредѣлить только общее количество орудій.

«Гилякъ» и «Кореецъ», остановясь съ вечера на предназначенномъ имъ боевомъ мѣстѣ въ рѣкѣ Пэйхо, тѣмъ самымъ дали китайцамъ возможность точно опредѣлить свои по нимъ прицѣлы изъ орудій. Эти суда въ первый же часъ стрѣльбы съ фортовъ, поэтому, и пострадали; съ переменною теченіемъ въ рѣкѣ, они, потомъ, повернулись на корпусъ и вышли изъ подъ выстрѣловъ, почему только и не были окончательно добиты. Но «Бобръ», по совѣту старшаго на немъ штурмана Л., замаскировавшій свое истинное боевое мѣсто нѣсколькими переходами еще засвѣтло, получилъ

только одинъ случайный осколокъ гранаты, которымъ выведено было у него изъ строя носовое крупное орудіе, и никакого вреда больше «Бобръ» не потерпѣлъ. Удачное сохраненіе въ бою людей и судна заслужило достойную оцѣнку, только много времени спустя послѣ дѣла.

На другой день послѣ боя при Таку, нашихъ раненыхъ взялъ изъ рѣки пароходъ «Инкоу», но онъ едва выгребалъ противъ волны уже на рейдѣ. Здѣсь онъ долженъ былъ потерять много времени, отстаиваясь отъ непогоды. Воды для питья въ суточномъ переходѣ до Артура не достало на немъ; одинъ раненый офицеръ, чувствуя жажду, въ горячечномъ бреду полезъ за водою чрезъ бортъ и едва не потонулъ. Волна била чрезъ палубу и заливала раненыхъ нижнихъ чиновъ, положенныхъ здѣсь, за недостаткомъ мѣста въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Убитые въ бою наши моряки переданы были на миноносецъ и тѣла ихъ, миляхъ въ пяти отъ рейда, по морскому обычаю, погребены были въ морѣ. Неудобнымъ, почему-то, находили похоронить ихъ на чужой землѣ, взятой съ бою, а отправивъ въ Артуръ «боялись», чтобъ тамъ не вызвать «нежелательныхъ настроеній»... Сухопутные же войска хоронили своихъ убитыхъ на берегу, около Таку, и теперь торжественно переносятъ прахъ ихъ въ Артуръ.

При занятіи фортовъ Таку, на правомъ берегу рѣки Пэйхо коварно поступили съ нашими вой-

сками нѣмцы и англичане. Участники того боя рассказывали, что англичане рѣшительно отказались тогда идти на штурмъ крѣпостныхъ воротъ подъ тѣмъ предлогомъ, что соединенная артиллерія кононерскихъ лодокъ еще недостаточно подготовила взятіе втораго изъ этихъ фортовъ и, потому, китайцы еще твердо держатся. Начальникомъ соединеннаго десанта былъ здѣсь русскій офицеръ. Онъ рѣшилъ про себя и объявилъ союзникамъ, что идетъ одинъ, какъ ему приказано: «наступать по сигналу», потому что сигналъ этотъ данъ уже съ прекращеніемъ стрѣльбы съ судовъ. Тогда за нашими двинулись японцы и, спустя нѣкоторое время, видя успѣхи нашихъ, проходящихъ уже ворота крѣпости, заспѣшили присоединиться къ японцамъ и остальные союзники. Къ счастью для нашего малочисленнаго отряда, ворота, ведущія въ фортъ, оказались едва притворенными: это были тѣ заднія, по отношенію къ рѣкѣ, ворота, откуда китайцы предполагали бѣжать въ случаѣ нужды. Наши быстро ворвались внутрь форта и пошла штыковая работа. Китайцы начали высккивать прямо за стѣны, бросая орудіе, но, однако, успѣли сдѣлать одинъ залпъ чрезъ головы нашихъ ¹⁾, навстрѣчу позднѣе вступившимъ въ ворота японцамъ и примкнувшимъ къ нимъ здѣсь, въ самыхъ воротахъ, англичанамъ и нѣмцамъ. Виновныхъ, зная, нашла пуля; заднихъ японцевъ

¹⁾ Таковъ постоянный приемъ китайской стрѣльбы: они берутъ цѣль выше дѣйствительной.

и, больше того, англичанъ и нѣмцевъ полегло тутъ довольно. Но союзники, все же, успѣли забрать чуть ли не всѣ орудія, пока наши работали штыками и, можно сказать, одни прогнали китайцевъ. Послѣдній фактъ не смѣли отрицать даже англичане, обыкновенно никому не желающие добровольно уступать пальму первенства, хотя бы они ее и не заслужили. Сейчасъ наши отдаютъ должную честь храбрости и дисциплинарной выдержкѣ японцевъ: это, дѣйствительно, воины... «Въ маломъ тѣлѣ», говорятъ, «у нихъ—душа не изнѣженная».

Поручикъ Н. В. С. полка М. рассказалъ эпизодъ, относящійся ко дню взятія Пекина. Имъ самимъ была занята съ бою одна кумирня въ городѣ, но такъ какъ людей у него было мало, оставить же при кумирнѣ слабый караулъ было рисковано, то, затворивъ двери ея, онъ забилъ ихъ гвоздями, приколотилъ на нихъ свой эполетъ и сдѣлалъ надпись объ охранѣ кумирни на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Тутъ же, рядомъ съ кумирнею, въ частномъ мирномъ домѣ онъ далъ охранную записку семейству китайцевъ, состоявшему изъ трехъ мужчинъ и двухъ женщинъ, одной дѣвушки и трехъ дѣтей. Но, вернувшись изъ обхода знакомою уже дорогою, онъ нашелъ кумирню разграбленною начисто и самъ видѣлъ убѣгающихъ изъ нея французовъ. Въ частномъ же домѣ онъ былъ свидѣтелемъ возмутительнѣйшаго

варварства: мужчины китайцы, истыканные штыками, найдены мертвыми, надъ мертвыми женщинами совершено гнусное поруганіе, у дѣтей разбиты головы. Очевидецъ возмущался до слезъ, при рассказѣ объ этомъ дѣйствительномъ фактѣ. Китайцы, правда, поступали съ нашими плѣнными не лучше, выкраивая у живыхъ ремни изъ спины. Но язычникамъ, по ихъ понятіямъ, смѣлость на то давало право побѣдителя... гдѣ же была хваленая гуманность европейцевъ!

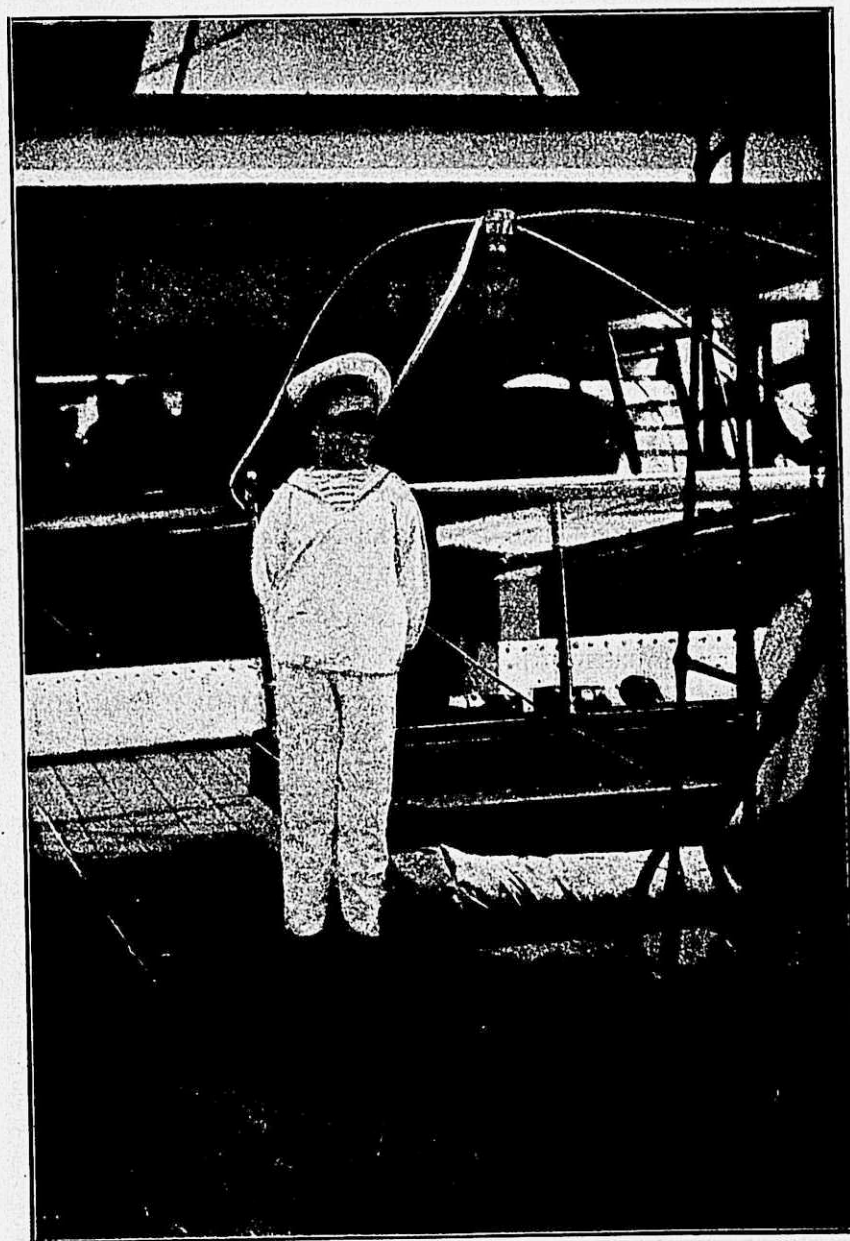
На пути къ Пекину и при взятіи его чуть-ли не каждый японецъ предусмотрительно снабженъ былъ ручнымъ планомъ города. У насъ совсѣмъ не было плановъ. На мѣстѣ сами генералы наши руководились дрянными планчиками, вырванными изъ какого-то китайскаго путеводителя. И—вотъ, наши солдатики, подружась тамъ или тутъ на общемъ бивуакѣ съ японскими солдатами, заимствовали отъ послѣднихъ очень опредѣленными свѣдѣніями о расположеніи города, объ окрестностяхъ, и даже узнали, гдѣ японцы намѣрены «хунхузить¹⁾». Солдатики сами, съ ихъ ближайшими ротными старшими, умѣли найти и занять домъ китайскаго министерства финансовъ... Впослѣдствіи, японцы безъ церемоніи разграбили богатые кладовыя этого министерства. Совершенно открыто

¹⁾ „Хунхузь“—разбойникъ въ Манджуріи, пользующійся своего рода легальнымъ правомъ собирать дань съ населенія въ округѣ своихъ дѣйствій и за то, оберегающій мирныхъ жителей отъ злоупотребленія властію со стороны мелкихъ представителей правительства и даже самихъ мандариновъ.

переправлялись изъ Пекина въ Японію громадныя деньги въ слиткахъ и монетою, но, къ чести японскаго солдата нужно сказать, что китайскія деньги полностью поступили въ японское государственное казначейство.

Удивительно выносливъ и послушенъ, смѣливъ и храбръ нашъ солдатъ, о чемъ говоритъ каждый, имѣвшій съ нимъ дѣло въ настоящую войну. На походѣ, въ бою, со своими или чужими, вездѣ онъ равно благодушенъ и веселъ. Помочь готовъ онъ тому же врагу; много дѣтей, брошенныхъ китайцами, принято и воспитываются они сейчасъ на судахъ и въ сухопутныхъ частяхъ войскъ. Мальчики очень понятливы.

Разсказывалъ одинъ полковой священникъ, что для него, не выдаваго ни крошки хлѣба за полныя сутки на походѣ отъ Тяньцзина къ Пекину, не нашлось ни у кого во всемъ полку заваляшагося солдатскаго сухарика, а сами нижніе чины не ѣли тогда сутки полторы и пили одну грязную воду изъ рѣки Пэйхо. Въ Пекинѣ такіе-то голодные солдаты сражались и спѣшили накормить сначала голодное свое начальство. Того же полковаго священника и взятаго имъ къ себѣ въ походную церковную линейку больнаго офицера самоотверженно выручили въ Пекинѣ пятеро, неизвестныхъ ими русскихъ солдатиковъ, бросившихся, чтобы выбить китайцевъ изъ одного дома въ узкой улицѣ, откуда сыпались пули на церковную линейку.

Новокрещенный китайскій мальчикъ-гвардеецъ.

Одинъ изъ нижнихъ чиновъ Н. В. С. стрѣлковаго полка, фельдфебель получилъ всѣ четыре степени знака отличія военного ордена ¹⁾. Находясь въ составѣ охотничьей команды, онъ вынесъ изъ боя раненаго офицера; въ другой разъ произвелъ онъ молодецкую развѣдку; онъ же разбилъ боксеровъ, имѣя подъ своею командой всего трехъ охотниковъ, и наконецъ, въ составѣ же охотниковъ, послѣ того, какъ начальникъ отряда придавленъ былъ убитой подъ нимъ лошадыю и вы былъ изъ строя, этотъ фельдфебель, принявъ команду, задержалъ до прихода подкрѣпленій шайку боксеровъ, человекъ въ четыреста.

Ночью съ 6 сентября всѣмъ намъ на крейсерахъ въ первый разъ въ жизни пришлось быть очевидцами дѣйствительнаго сраженія, происшедшаго при занятіи союзными войсками фортовъ китайской крѣпости Бейцангъ. Съ рейда, на разстояніи 12 морскихъ миль, прекрасно видна была вся картина огня.

О проливаемой крови какъ-то не думалось, но особенно жутко становилось на сердцѣ и поднималось въ душѣ новое оригинальное возбужденіе, когда вдругъ усиливалась пальба и по всему видимому береговому горизонту красиво перебѣгала ломаная линія непрерывныхъ огней. Заревомъ

¹⁾ Были случаи производства нижняго чина въ офицеры за отличие, — большая рѣдкость, допускаемая только въ военное время.

зари разливались въ полнеба вспышки фугасовъ ¹⁾ и пушечныхъ выстрѣловъ; въ ночной тишинѣ гулко раскатывался громъ орудій и звонко рокотала ружейная пальба залпами и въ перемѣшку. Форты поминутно вспыхивали со всѣхъ четырехъ сторонъ, посылая свои 15 пудовые гостинцы осаждающимъ. Взрывами фугасовъ, дающими цѣлые снопы пламени и безчисленныхъ искръ, вскидывало на воздухъ, тяжело обжигало и слѣпило группы людей, вступившихъ на проводы къ этимъ выдумкамъ злаго генія войны. Такимъ образомъ выведено изъ строя, какъ оказалось потомъ, однихъ нашихъ людей болѣе ста человекъ.

Впрочемъ, сравнительно говоря, линія нападающихъ казалась съ судна слабою. Артиллерійскіе выстрѣлы и ружейные залпы приближающихся къ фортамъ съ трехъ сторонъ передовыхъ стрѣлковыхъ частей войскъ, словно хотѣли только привлечь на себя вниманіе атакуемыхъ. Подъ покровомъ ночи готовился къ утру штыковый бой. Время его приближалось, но китайцы не выдержали и бѣжали. Къ 8 часамъ утра союзники формально заняли форты. Брошенными оказались всѣ крупныя орудія; они даже не были испорчены.

При взятіи Бейцанга истинно отличился нашъ морякъ, кондукторъ одного изъ судовъ эскадры, К., догадавшійся еще днемъ, на рекогносцировкѣ

¹⁾ Это — заряды въ 3—5 фунтовъ пороха, положенные въ ямы и замаскированные землею, съ механическимъ приводомъ для взрыва.

минеровъ, ознакомиться съ мѣстоположеніемъ крѣпости и умѣло воспользовавшись отливомъ. Ночью онъ тихо провелъ матросовъ-минеровъ по обсохшему рву внутрь фортовъ и погналъ остатки спѣшившихъ уже уходить отсюда китайцевъ. Неожиданность его появленія была такъ стремительна, что китайцы бросили тѣла своихъ убитыхъ товарищей и не успѣли увести съ собой прикованныхъ къ пушкамъ артиллеристовъ. Кучка нашихъ смѣльчаковъ шла къ фортамъ собственно для того, чтобы взорвать ворота, и сама, конечно, никакъ не могла бы удержаться противъ непріятеля, но она напугала его. Ожидая съ дневнымъ свѣтомъ общей атаки, и замѣтивъ этихъ передовыхъ русскихъ, китайцы бросились въ бѣгство; наши же тогда благоразумно не преслѣдовали ихъ, а поспѣшили забирать орудія... Но, подоспѣвшіе сюда японцы и нѣмцы, подъ шумокъ, у многихъ, уже занятыхъ нашими минерами пушекъ, повынимали «плитки», эту важнѣйшую, но мало замѣтную принадлежность орудій и, потомъ, предъявили на тѣ пушки свои права. У союзниковъ, такимъ образомъ, оказалось столько же боевыхъ трофеевъ, какъ и у насъ. Кстати нужно здѣсь сказать, что множество пушекъ, захваченныхъ нашими въ арсеналѣ при деревнѣ Таку, великодушно подѣлено было между всѣми союзниками. Японцы тогда особенно были довольны нашимъ великодушіемъ и поскорѣе отправили свою долю домой.

Съ 10 сентября твердо держались слухи, что нашъ крейсеръ, съ тремя другими сильными судами нашей эскадры, идетъ бобмардировать форта китайской крѣпости Шанхай-гуань. Готовились охотно и усердно. Десантъ ¹⁾ съ двумя пулеметами былъ отправленъ впередъ, съ расчетомъ быть ему на мѣстѣ 17 сентября. Въ число этихъ избранныхъ, всего 40 человекъ, въ десантъ рвались пойти всѣ; нѣкоторые исповѣдались, готовясь къ случайностямъ ожидаемаго боя; командиръ и судовой священникъ ободряли уходившихъ горячими рѣчами ²⁾.

¹⁾ Такъ называется высадка на непріятельскій берегъ части матросовъ въ полной боевой готовности.

²⁾ Вотъ рѣчь послѣдняго, напечатанная въ „Вѣстникъ Военнаго Духовенства“, за Ноябрь 1900 г., № 23.

Христомилые воины!

Вы—готовы въ бой...

Избранные изъ избранныхъ Гвардейскаго экипажа, вы готовы исполнить священный долгъ воинскаго званія. Не щадя живота своего, до послѣдней капли крови—послужите вы истинѣ Христовой вѣры, послѣдователи которой здѣсь, въ Китаѣ, обрѣтаются до сихъ поръ въ смертной опасности, и многіе приняли мученическій вѣнецъ отъ изувѣрныхъ язычниковъ. Чистосердечно окажете вы самоотверженное послушаніе своему воинскому долгу во славу Бѣлаго Царя, простершаго Державную руку для возстановленія законной власти и порядка. Всею любовію сердца къ дорогому Отечеству вы мужественно встанете на защиту мира и спокойствія, нарушеннаго жестокимъ скопищемъ возмутителей многомилліоннаго народа.

За вѣру, за Царя, за отечество—идите, памятуя, что, по слову Христову: „нѣтъ больше той любви, какъ если кто душу свою положить за друзей своихъ (Іоан. 15, 13).“

Братья! всѣ ваши товарищи горятъ тѣмъ же духомъ любви, какъ и вы—избранные. Не гордитесь же предъ ними, ибо вы не совершите ничего болѣе, какъ только всѣ и каждый въ

Но не суждено было гвардейцамъ попасть на этотъ разъ подъ выстрѣлы: ни десантъ, ни судно не понадобились для боя. Первый послужилъ только при высадкѣ сухопутныхъ войскъ въ Шанхай-гуанъ и скоро возвратился на судно. Крѣпость взята безъ боя со всѣми орудіями, но всѣ китайскіе войска ушли изъ нея заранѣе. Съ 17 на

отдѣльности—исполните свой долгъ. Посему, самолюбіе, само-надѣятельность да не обольститъ васъ. Бѣгайте праздно-хвастливости, заключая силу во внутренней крѣпости духа, въ терпѣливомъ перенесеніи трудовъ похода, въ постоянной ровной веселости. Отдавайте другъ другу должную помощь, честь и заслугу въ дѣлахъ. По возможности, исполняйте обы-чай пѣнія общей молитвы, не стѣсняясь ложнымъ стыдомъ предъ союзниками по оружію, иновѣрцами. Въ душѣ своей всегда просите помощи у Бога, каждый поминай своего Ангела-Хранителя, — оградись Крестомъ святымъ и тогда прямо и смѣло смотри въ глаза опасности.

Знаете сами, что предъ непріятелемъ — не въ слѣпой дер-зости должно проявляться истинное мужество воина-христіа-нина, а въ самообладаніи, въ сохраненіи ясной мысли о дан-номъ положеніи, въ неуклонномъ и точномъ повиновеніи на-чальству, своей чести и правиламъ дисциплины, какъ въ томъ наставлены вы присягою. И—вѣрьте также, что милостивый изъ васъ къ павшему врагу—самъ помилованъ и блаженъ бу-детъ, какъ обѣщаетъ Христосъ Спаситель (Мѣ. 5, 7).

Боже и Господи! сохрани избранныхъ Твоихъ отъ оболь-щенія корыстію военной добычи, отъ позора растлѣнія плот-скою страстію: ей, да не будетъ! Вспомните, братья, слово Гос-подне: „гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ — и сердце ваше“ (Лук. 12, 34). И—„если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма есть, то—какова же тьма“ (Мѣ. 6, 23).

Благословляя васъ сею святою иконою, молитвенно благо-желаю: да будетъ — предстательствомъ небеснаго Архистра-тига Михаила, и святыхъ Ангеловъ, Хранителей вашихъ,—

„И Бога браней благодатью
Вашъ каждый шагъ запечатлѣтъ“.

Рейдъ Таку. 1900 г., 18 сентября.

18 сентября китайцы оставили крѣпость, а днемъ того-же 18-го первымъ прибылъ туда съ суши по желѣзной дорогѣ нашъ генераль. Онъ занялъ же-лѣзнодорожную станцію, расположенную верстахъ въ трехъ отъ крѣпости, одну кумирню и нѣкото-рые форта. Съ моря, только немногимъ ранѣе, первыми высадились англичане и 19 сентября по-доспѣли небольшіе морскіе десанты прочихъ союз-никовъ. Многіе наши гвардейцы искренно огор-чены были, что не удалось имъ сдѣлаться въ свою очередь «героями».

Курьезень относящійся къ сдачѣ Шанхай-гуаня разсказъ о «старой лисицѣ», о китайскомъ дипло-матѣ и вице-королѣ Кантона и всего южнаго Китая, о Ли-Хун-Чангѣ. Этотъ тонкій политикъ, по усиленному настоянію нашей дипломатіи, на-писалъ въ Тянцинѣ приказъ коменданту Шан-хай-гуаня сдать крѣпость безъ боя русскимъ и еще предупредилъ нашихъ: «поѣзжайте скорѣе, а то англичане сами, безъ спроса нашего съ вами заберутъ форта». Когда наши торопились изъ Таку поскорѣе отправиться на рейдъ къ адмиралу, начальнику русской эскадры, въ то самое время нашъ генераль, стоящій невдали отъ Шанхай-гуаня, имѣлъ уже въ рукахъ письмо коменданта этихъ фортовъ, оффиціально сдающаго ему крѣ-пость. Но почему-то, говорятъ, наши на этотъ разъ замедлили переводомъ китайскаго письма. На рейдъ же въ Таку, въ то самое время, чрезъ ан-гличанъ стало извѣстно, будто крѣпость Шанхай-

гуань сдалась исключительно имъ однимъ. Англичане, имѣя письмо отъ Ли-Хун-Чанга съ предложениемъ занять крѣпость, поспѣшили объявить свой дипломатическій успѣхъ, но занять оставленные форта они поспѣли одновременно лишь съ нашимъ генераломъ. Моряки, при этомъ случаѣ, не утерпѣли, чтобъ не пороптать на излишнюю осторожность и медлительность россійскую, но, кажется, слухи по поводу сдачи фортовъ были ближе къ истинѣ и характернѣе въ отношеніи къ образу дѣйствій Ли-Хун-Чанга, нежели кого-либо изъ самихъ союзниковъ.

Нѣсколько ранѣе того, со всею пышностію восточнаго деспота, при свитѣ въ 400 человекъ, на своемъ пароходѣ подъ англійскимъ флагомъ и собственнымъ брейдъ-вымпеломъ, изображающимъ чернаго дракона въ желтомъ полѣ, прошелъ мимо всей эскадры на рейдѣ въ Таку этотъ Ли-Хун-Чангъ, владѣющій, говорятъ, личнымъ состояніемъ въ 200 милліоновъ ланъ ¹⁾. Въ Тяньцзинѣ, куда онъ слѣдовалъ, его дворецъ растащенъ до послѣдней мебели, въ чемъ «друзья-союзники» услужливо взваливаютъ вину на казаковъ, такихъ, будто бы, варваровъ, которые одни только и не могутъ понимать дружескихъ чувствъ и не цѣнятъ расположенія европействующаго сановника Китая. Не мудрено, поэтому, что можетъ досадовать на насъ китайскій дипломатъ... Открывъ

¹⁾ Лана—кусокъ серебра, стоящій болѣе 2 рублой.

16 сентября переговоры съ европейцами отъ лица своего императора, онъ въ первое слово просилъ мира, а самъ, въ залогъ его и своихъ выгодъ, искалъ случая посорить союзниковъ, бросивши одновременно въ разныя руки Шанхай-гуань. Но «китайскій Бисмаркъ» ошибся, не разсчитавъ величавости русскаго незлобія и быстроты сухопутныхъ переходовъ, къ какимъ способны наши армейцы. Самъ вышеупомянутый генералъ нашъ спѣшилъ къ Шанхай-гуаню съ небольшою охраной на поѣздѣ желѣзной дороги; прочій составъ его отряда сдѣлалъ тогда чисто суворовскій переходъ: 70 верстъ пройдено было въ 7 часовъ. Англичане никакъ не ожидали встрѣтить здѣсь нашего генерала, вдругъ цѣлымъ поѣздомъ подкатившаго къ вокзалу со скоростію по 60 верстъ въ часъ и, конечно, еще болѣе удивились приходу всѣхъ его войскъ. Откровенно сознались всѣ союзники: «нѣтъ, намъ никогда не сдѣлать бы такого быстраго перехода». Честь занятія Шанхай-гуаня союзники согласились раздѣлить полюбовно, не справляясь съ нѣмецкою картою, гдѣ заблаговременно указаны были «границы и сферы вліяній» каждаго изъ союзныхъ государствъ. Противъ предложеннаго нѣмцами разграниченія, русскіе великодушно оставляютъ теперь Шанхай-гуань въ общемъ пользованіи всѣхъ европейцевъ.

Рейдъ Таку представляетъ большія неудобства для стоянки судовъ. Онъ открытъ со всѣхъ сто-

ронъ; часто поднимается такая зыбь, что на якорѣ значительно качаетъ и тогда прекращается шлюпочное сообщеніе между судами, а транспортные пароходы, придя изъ рѣки, не могутъ спустить или принять шлюпку и ждутъ по цѣлымъ суткамъ, когда удастся приступить къ дѣлу.

Въ первую же ночь стоянки здѣсь нашъ крейсеръ столкнулся съ сосѣднею японскою канонеркой. «Авраль» ¹⁾ вышелъ внушительный; пострадалъ японецъ, но, къ счастью, немного: помяло у него трапъ и своротило шлюпбалку. Случай этотъ назвали знаменательнымъ, указывая на возможность столкновенія въ будущемъ русскихъ и японскихъ политическихъ интересовъ на почвѣ вліянія въ Корей и Манджуріи.

Морскіе отливы обмеляютъ баръ ²⁾ въ устьѣ рѣки Пэйхо до уровня одного фута, и тогда не проходятъ на рейдъ даже плоскодонныя китайскія джонки. Мутная, грязно желтая вода рѣки въ отливъ такъ быстро сбываетъ здѣсь, что подняться противъ теченія составляетъ довольно усиліе для гребныхъ шлюпокъ. Нерѣдко шестерки, переходя баръ, бываютъ въ опасномъ положеніи сѣсть на мель или перевернуться въ бурунахъ.

¹⁾ Авраломъ называются усиленные работы по судну, вызывающія бѣготню на палубѣ, „спѣшку“ и „вызовъ всѣхъ на верхъ“.

²⁾ Это мелководье, илистая или песчаная гряда, намываемая въ устьѣ рѣки быстрымъ теченіемъ ея во время морскихъ отливовъ съ одной стороны, и силою встрѣчнаго морского

Августа 28-го русскій паровой катеръ съ офицерами прижало теченіемъ къ стоявшей на якорѣ большой джонкѣ; люди не успѣли оттолкнуться, катеръ накренило однимъ бортомъ и опрокинуло. Одинъ изъ офицеровъ, ударившись головой обо что-то твердое, быстро утонулъ; даже тѣло его не было найдено, отливомъ унесло его въ море. Второй, раздѣвшись въ водѣ, успѣлъ продержаться на поверхности рѣки болѣе десяти минутъ и уже безъ сознанія, полузахлебнувшійся въ бурунахъ, едва былъ спасенъ подоспѣвшею нашею же военною шлюпкой. Матросы же и кочегары катера успѣли во время спастись на джонку.

При такихъ-то условіяхъ нашимъ гвардейцамъ пришлось, больше всего, заниматься грязною работою по нагрузкѣ и выгрузкѣ войскъ, боевыхъ принадлежностей, провизіи, а также всякими порученіями, передаваемыми на берегъ ежедневно, не исключая и праздниковъ. Для всѣхъ такого рода работъ, правда, зафрахтованы были нашимъ правительствомъ два американскіе легкіе парохода, но они чаще работали въ самой рѣкѣ. Капитаны этихъ пароходовъ не имѣли своихъ шлюпокъ, хотя и получали, бывало, отъ нашего ревизора немалую плату. Имъ самимъ, лично только, давалось тройное, въ сравненіи съ лейтенантами нашего флота, содержаніе и, кромѣ того, даны имъ были наши мичмана въ помощники и послѣдніе, конечно, исполняли хлопотливѣйшую часть дѣла. При наличныхъ средствахъ и естественныхъ усло-

віяхъ такого рода работъ на рейдѣ Таку, крайнѣ несправедливо было бы обвинять нашихъ моряковъ въ бездѣятельности или недостаткѣ энергіи, какъ то иногда слышалось со стороны мало знакомыхъ съ моремъ нашихъ сухопутныхъ родичей. Работали, и часто, въ неурочные часы...

Въ общемъ нужно замѣтить, что легче, кажется, быть въ бою, чѣмъ каждую минуту ждать его и томиться опасностями невиднаго, скучнаго «станціонерства» у суровыхъ непріятельскихъ береговъ.

Потому, вся стоянка наша на рейдѣ при Таку показалась тяжелою; каждый радъ бы впередъ туда не заглядывать.

Уходу въ Портъ-Артуръ или, хотя бы въ Шанхай-гуань, радовались не менѣе, пожалуй, какъ если бы слышали вѣсть объ отдыхѣ зимою въ портахъ веселой, всегда цвѣтущей Японіи.

Шанхай-гуань.

Реветь вѣтеръ. Мороза -3° . Близко берегъ. Пришли сюда не воевать, а охранять...

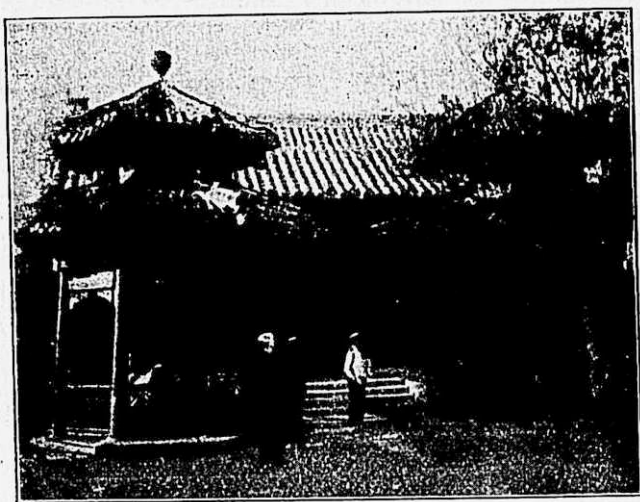
Непосредственно, за бурунами ¹⁾ мрачно сѣрбуютъ земляные форта крѣпости Шанхай-гуань, испещренные европейскими флагами. Ясно узнаемъ среди нихъ свой андреевскій крестъ въ трехъ мѣстахъ и рядомъ съ каждымъ изъ нихъ видимъ цвѣта національныхъ нашихъ флаговъ. Нѣсколько далѣе, подъ цѣпью береговыхъ холмовъ, правильнымъ квадратомъ раскинулся городъ, обведенный глинобитною стѣной, Лѣвѣе его тянутся пригороды, вправо песчаная коса и зеленѣющіе луга. Съ той и другой стороны къ городу, подъ берегомъ изрѣдка проволочется черепахою неуклюжая китайская джонка.

Прямо, въ глубинѣ еще какія-то укрѣпленія и: отсюда высоко вверхъ лѣпится по обнаженнымъ хребтамъ горъ знаменитая «великая китайская»

¹⁾ Бурунь—отбой волны отъ берега и прибой волны къ берегу; встрѣча прибои съ отбоемъ образуетъ бурунь, идущій къ берегу, гребнемъ; и среди береговыхъ камней и у скалъ бурунь опасенъ даже въ легкую непогоду.

стѣна». Сѣрыми массами своихъ башенъ, представляющихъ издали гигантскою пилою, обращенной остріями въ небо, неуклонно взбирается это многогѣбовое сооруженіе отъ береговыхъ фортовъ, что бы протянуться на нѣсколько тысячъ верстъ.

Внѣшняя картина строгой зимней природы и условій военного времени остается предъ глазами

Китайская кумирня.

все время стоянки нашей въ Шанхай-гуанѣ, съ 31 октября по 28 ноября. Усиленно продолжаютъ хлопотливыя работы по нагрузкѣ войскъ и прочимъ дѣламъ, касающимся судна станціонера, каковымъ остается здѣсь одинъ только нашъ крейсеръ. Въ отношеніи къ войнѣ мы только простые зрители, за исключеніемъ похода небольшой части нашей команды внутрь страны.

Рѣдко небо радуется яснымъ солнцемъ и покойнымъ денькомъ. Но за то, не забыть объ одномъ изъ вечеровъ, когда небо показало оригинальнѣйшую картину: это было 6 ноября. Чистая, ясная, глубокая лазурь голубаго неба покрыта была, съ 4^{1/2} часовъ, дымчатыми облаками, расположенными совершенно правильно, вездѣ въ одинаковомъ освѣщеніи и одинаковой формѣ, пропорціональными, какъ чешуя какой-то сказочно — большой, круглой рыбы, распушенными, какъ легкіе куски полупрозрачной ваты. Что удивительно было, такъ это сравненіе одного облачка съ другимъ, взятымъ хотя бы изъ противоположнаго края небосклона: каждое изъ нихъ въ отдѣльности было точною копіей всѣхъ, рассматриваемыхъ въ свой чередъ порознь. И нельзя было опредѣленно показать, гдѣ было само солнце. Предъ закатомъ оно раздѣлилось лучами своими совершенно поровну на каждое изъ отдѣльныхъ облачковъ; было множество солнцъ, совершенно одинаковыхъ, и не было главнаго между ними. Въ самый моментъ заката картина быстро измѣнилась. Красный, раскаленный шаръ солнца, словно пристыженный получасовымъ плѣномъ, въ какомъ онъ былъ у облаковъ, вдругъ вырвался на склонѣ горизонта. Золотомъ облилъ онъ всѣ облака, въ одну минуту раскалилъ ихъ до красна и самъ скрылся безслѣдно, а небо и золотыя теперь облака начали покрываться траурною дымкой; затѣмъ, рѣзко они нахмурились, слились въ сумер-

кахъ и пропали въ темнотѣ ночи. Слѣдующій день пришелъ такимъ неласковымъ, бурнымъ, что подъ берегомъ разбило бурунами нашъ плашкоутъ, занятый съ утра нагрузкою провизіи съ парохода «Чау-чау-фу» ¹⁾.

Къ печальнымъ случайностямъ войны относятся интересный фактъ столкновения нашихъ войскъ съ французскими, происшедшій, по недоразумѣнію, внутри страны, недалеко отъ Шанхай-гуаня. Отрядъ нашихъ сибирскихъ стрѣлковъ, человекъ въ 50, издали замѣтилъ скопище какихъ-то синихъ кофтъ, скрывающихся за неровностью почвы и кустарниками. Полагая, что некому здѣсь прятаться, кромѣ боксеровъ, наши удалцы, не обращая вниманіе на численное превосходство встрѣченныхъ войскъ, разсыпали цѣпъ, начали приближаться къ предполагаемому непріятелю и мѣтко поражать его. Непріятель отвѣчалъ выстрѣлами же, упорно держась за прикрытія. Наши потеряли одного убитымъ, изъ строя выбыло двое тяжело раненыхъ. Рѣшили уже броситься въ штыки, какъ вдругъ у мнимыхъ боксеровъ взвился бѣлый, парламентерскій флагъ и оказались тамъ лучшіе французскіе стрѣлки, зуавы. Костюмъ ихъ, синія куртки ввели въ заблужденіе командира нашего отряда сибиряковъ. Зуавовъ было до 200

¹⁾ Плашкоутъ—легкій, плоскодонный плотъ—судно, служащее для выгрузки съ крупныхъ судовъ на берегъ разныхъ тяжестей. Названіемъ своимъ пароходъ выражаетъ пожеланіе—«пріятнаго аппетита»: таково китайское острословіе.

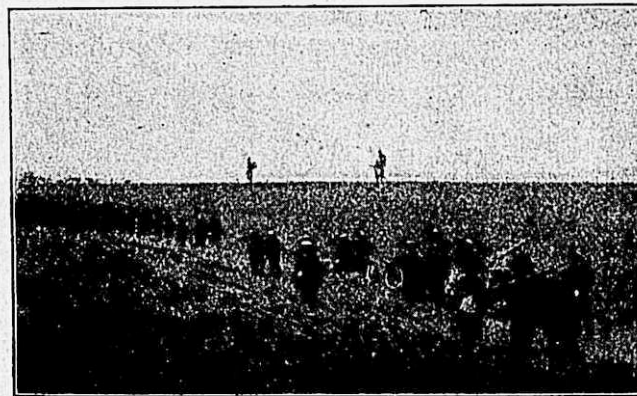
человѣкъ; потеряли они убитыми двухъ и ранеными пять нижнихъ чиновъ, и два офицера у нихъ были тяжело ранены. Слѣдствіе по этому дѣлу, прежде всего, не могло отказать нашимъ сибирякамъ въ замѣчательной мѣткости стрѣльбы на скоромъ бѣгу по скрытымъ зуавамъ. И неудивительна такая похвала нашему сибиряку, который, охотясь дома на бѣлку и сберегая шкурку ея и маленькую пульку своего ружья, безъ промаха пробиваетъ голову юркаго звѣрка. да такъ еще, что-бъ пулька засѣла въ дерево и могла быть легко найдена для новаго употребленія: до десяти разъ охотникъ не теряетъ одну и ту же пульку... Военный судъ кончился — безъ послѣдствій.

Наконецъ, выпалъ «счастливый случай отличиться» и нашимъ гвардейцамъ, какъ это событіе впослѣдствіи было отмѣчено... Одинъ изъ молодыхъ лейтенантовъ крейсера въ десантъ съ 20 нижними чинами и 2 пулеметами участвовалъ въ походѣ, съ 20-го по 26-е октября къ сѣверу отъ Шанхай-гуаня. Оттуда онъ возвратился на судно «лихимъ морякомъ», прославленнымъ такъ въ реляціи генерала Ц. Теперь у насъ есть свой «герой». Въ одни сутки онъ прошелъ съ отрядомъ болѣе 70 верстъ, спѣша для освобожденія католической миссіи и на выручку осажденному непріятелемъ, слабому отряду нашихъ сибиряковъ, во главѣ съ р. Е. Матросы наши изобрѣли для этого похода оригинальную обувь, бла-

годаря которой могли сдѣлать, не испортивши своихъ ногъ, такой непривычный имъ переходъ. Они устроили себѣ лапти изъ мягкаго смоленого троса, расщипаннаго на мелкія пряди—«кабалки», которыя умѣлыми руками плотно и аккуратно были заплетены, составляя довольно красивую обувь на ногѣ. Къ водѣ же, пропускаемой такою обувью, не привыкать—стать было ногѣ матроса...

На этомъ походѣ одному молодому вѣстовому, скромнѣйшему матросу случилось впасть въ какое-то непонятное, бѣшенное изступленіе, возможное, кажется, только въ военное время. Поводъ къ тому былъ слѣдующій. Отряду дано было приказаніе «въ плѣнъ не брать вооруженныхъ боксеровъ». Послѣдніе выжидали и слѣдили за нашими войсками, прячась по сторонамъ пути, а иногда и стрѣляли въ тылъ изъ нарочито приготовленныхъ въ землѣ ямъ, прикрываемыхъ кауляномъ. Такого-то врага, отлучившись на одну-другую минуту отъ товарищей, совершенно случайно открылъ въ каулянѣ нашъ вѣстовой. Боксеръ сидѣлъ на землѣ, прикрывшись разнымъ хламомъ, и когда увидѣлъ вблизи себя матроса, то отбросилъ въ сторону свое оружіе, чтобы скрыть его и прикинуться мирнымъ обывателемъ. Но звукъ упавшаго оружія, прежде всего, и обратилъ вниманіе матроса. Хитрость боксера стала очевидно, разстояніе до него было такое близкое, неожиданность встрѣчи со врагомъ такъ велика, что

матросъ, инстинктивно оберегая себя, подскочилъ на шагъ и проткнулъ китайца штыкомъ. Тотъ «только крикнулъ и скрючился», а матросъ «продолжалъ работать штыкомъ», пока трупъ врага, проткнутого первымъ же ударомъ въ сердце, «не растянулся пластомъ», какъ чистосердечно рассказывалъ самъ этотъ «герой». Сосчитано, потомъ, было 14 штыковыхъ ранъ на китайцѣ; изъ нихъ

На походѣ внутрь страны.

13 ранъ пришлось уже по трупу. Матросъ въ изступленіи, безсознательно наносилъ удары, ожидая отъ врага крика или другого понятнаго выраженія боли и страданій, пока самъ не утомился колоть, по его выраженію, «словно въ подушку».

Правда, и нашихъ солдатиковъ, уединявшихся къ сторонкѣ, втихомолку поражали враги ударомъ громаднаго боксерскаго ножа въ минуту безза-

щитнаго положенія въ высокомъ каулянѣ, да— такъ ловко, что однимъ ударомъ отрубали голову напрочь. Товарищи убитыхъ такимъ способомъ не слышали предсмертнаго крика или шума въ каулянѣ. Безслѣдно пропалъ солдатъ на походѣ— и только...

Возмутительное это дѣло—война!

Другое дѣло—на войну идти, чтобы оказывать помощь и милосердіе ближнему и врагу. Примѣромъ величія души, терпѣнія, безкорыстнаго и неустаннаго труда, мягкой женской заботливости служили на глазахъ у всѣхъ сестры «Краснаго Креста».

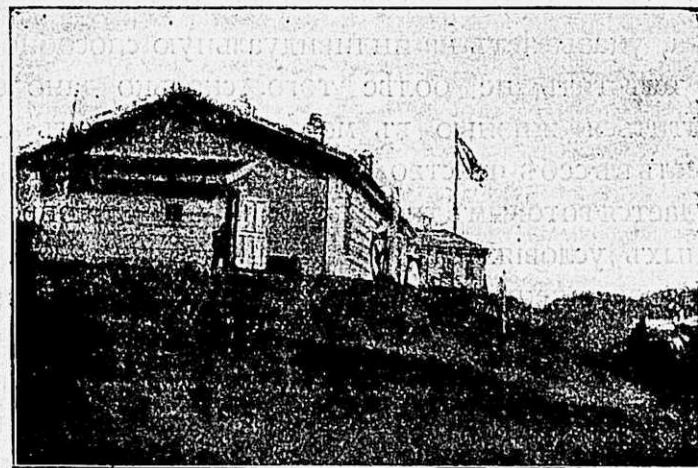
Нѣкоторыя изъ нихъ, состоя въ родственныхъ отношеніяхъ къ служащимъ на крейсерахъ, навѣщали насъ и эти минуты добраго общенія всегда были для моряковъ, строгихъ «службистовъ», незамѣнно пріятнымъ «развлеченіемъ въ своемъ кругу».

Сестры чутко понимали жизнь моряка, освѣщали ее собственнымъ сознаніемъ, интересовались ея содержаніемъ.

Въ мирное время, особенно на ходу судна подъ парами, повидимому, монотонна и безсодержательна жизнь моряка. Горизонтъ во всѣ стороны открытый, ни суденышка на немъ, ни берега. Синее море, лазурное небо, въ срединѣ—точкою свое судно... Гдѣ тутъ жизнь—какое ея содержаніе?

Для моряка отвѣтъ ясенъ. Каждый занятъ своимъ дѣломъ, требующимъ полного къ себѣ вниманія. Но не о томъ рѣчь.

Свободное свое время морякъ полно переживаетъ въ чувствѣ неизвѣстнаго для береговаго жителя покоя. Созерцательность—въ природѣ моряка. Если съ моря, бываетъ, стремится онъ душой на берегъ, то на берегу еще болѣе тоскуетъ

Чумные бараки.

по морю. Влечетъ человѣка въ море не одна привычка къ нему самому, потому что вѣдь «никто до рожденія своего не воплощался въ рыбу, чтобъ вѣчно плавать», и неоспоримъ тотъ дѣйствительный фактъ, что къ морю человѣкъ даже и не можетъ привыкнуть до степени безразличія: будетъ-ли онъ жить на морѣ или на сушѣ. Качка въ морѣ, напри- мѣръ, дѣйствуетъ на каждого неприятно въ томъ

или другомъ отношеніи, какъ бы кто много не плавалъ: суша, а не море, естественно, остается сродною человѣку сферой бытія. Но потому тянетъ моряка въ плаваніе, что здѣсь въ духовномъ его существованіи повышается сумма чистаго и своеобразнаго удовлетворенія. Морякъ—тотъ же господинъ и слуга моря, какими бывали аскеты для своихъ пустынь. Продолжительное пребываніе моряка вдали отъ береговъ, какъ на скалѣ борметра, указываетъ на индивидуальную способность его вмѣстить не болѣе того, сколько дано ему насытиться жизнью въ морѣ, сколько самъ онъ развилъ въ себѣ чувство любви къ морю. Морякъ не рождается готовымъ типомъ, а создается при опредѣленныхъ условіяхъ воспитанія и быта.

И совершенно ясно содержаніе морской жизни. Идея движенія и покоя, свободы или порядка и терпѣнія, вѣчности и измѣняемости, силы и легкости, величія и простоты, могущества и плавной мягкости явленій, всѣ другія безконечныя противоположности, чередуясь по стройнымъ законамъ смѣны или грозной неожиданности, осязательно и ежеминутно примиряются въ единствѣ, сталкиваются, но не разрушаются и пр. Божественная гармонія! безъ словъ ясно здѣсь премудрое дѣло творенія Божія. Чрезъ созерцаніе и чувство эти идеи становятся близкими къ непосредственному, всею душой, сознанію ихъ человѣкомъ. Моря, воды не напрасно же составляютъ въ земномъ мірѣ двѣ трети цѣлаго...

Мысль уступаетъ здѣсь мѣсто мягкому эластичному чувству, почему напримѣръ, болѣе чистое, пониманіе и выраженіе идеи о морѣ дается только художнику, великому поэту и, меньше тѣхъ, мыслителю. Морякъ именно любовью своей къ морю и живетъ шире и глубже, чѣмъ опредѣлить это можетъ пересказъ понятіями. Кисть Айвазовскаго или перлы поэзіи Гейне, конечно, понятны моряку и всегда вызовутъ въ немъ проявленіе любви къ морской картинкѣ въ краскахъ или во вдохновленномъ словѣ. И, однако, трудно предъявить неробкому и чуткому моряку, чтобъ онъ всегда предпочиталъ натуру копіи... Оттого-то, для него полна невыразимымъ смысломъ морская жизнь во всей своей цѣльности такъ же, какъ и въ малѣйшей детали; она влечетъ его къ непосредственному съ собой общенію безразлично: въ крупныхъ ли то своихъ проявленіяхъ или въ ничтожнѣйшихъ, повидимому, частностяхъ. Бываетъ же вѣдь и такъ, что съ берега, по профессіи и не морякъ, а только чуткій человѣкъ залюбуется моремъ: въ бурную-ли то погоду или при мертвомъ штилѣ, и въ увлеченіи онъ часовъ не замѣчаетъ.

Вотъ сейчасъ провели церемонію спуска флага; это самая обыкновенная, ежедневная въ морской жизни картинка; въ которой обязательно участвуютъ полнымъ судовымъ составомъ. Но между тѣмъ, каждый разъ вновь беретъ она сполна за душу. Широкий куполь неба, стеклянная гладь моря, благоговѣйная тишина и священный покой

ожиданія на лицахъ у всѣхъ людей, освѣщаемыхъ ежесекундно новыми и новыми тонами догорающаго солнца въ самыхъ эффектныхъ комбинаціяхъ, переливы свѣта и тѣней вечерней зари на облакахъ, полный дискъ солнца, отчетливо и послѣдовательно опускающагося за опредѣленную черту горизонта, гдѣ золото неба слилось съ темноголубою водою, еще одно, послѣдніе мгновение и, безъ особой команды, сами «фуражки долой» снимаются... Самый малый край неба, верхушку золотой точки его сопровождаютъ прощальнымъ гимномъ;

„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“¹⁾ и пр.

Сердцемъ поется этотъ гимнъ вмѣстѣ съ оркестромъ музыкантовъ, отъ души каждый перекрестится вмѣстѣ со старшимъ барабанщикомъ, читающимъ, вслѣдъ за гимномъ, молитву Господню. Такъ, смиренно благодаритъ морякъ Бога за отслуженный вѣрою и правдою день; миромъ и радостію сердца своего восполняетъ онъ дарованное ему внѣшнее благо жизни.

Пріятно послушать когда вспоминаютъ старыя моряки, какъ въ недавно прошедшее время на парусныхъ судахъ воспитывалось у нихъ чувство любви къ морю и какіе изъ этого чувства хорошіе характеры выросли. И теперь, говорятъ¹⁾,

¹⁾ Въ первый разъ такое рѣшительное мнѣніе о морякахъ пришлось выслушать отъ сестры флотекаго лейтенанта въ Черномъ морѣ, на пути отъ Ялты къ Одессѣ.

механизмъ во многомъ замѣнилъ личную энергію, находчивость часто тратится на составленіе служебной карьеры, пензъ плѣняетъ живую душу, чувство иногда уходитъ въ деньги. Пусть будетъ такъ: это—исключенія. Для тѣхъ, для старыхъ моряковъ, море было все и они для моря. Общее согласіе съ морской жизнью и природой возвышалось до единства, а личность сохранялась типичною и индивидуальною. И современный морякъ входитъ въ жизнь и свое званіе при ясномъ сознаніи, что—

„Стихій волна
Пробуждена;
Несетъ она,
Куда вольна“...¹⁾ и пр.

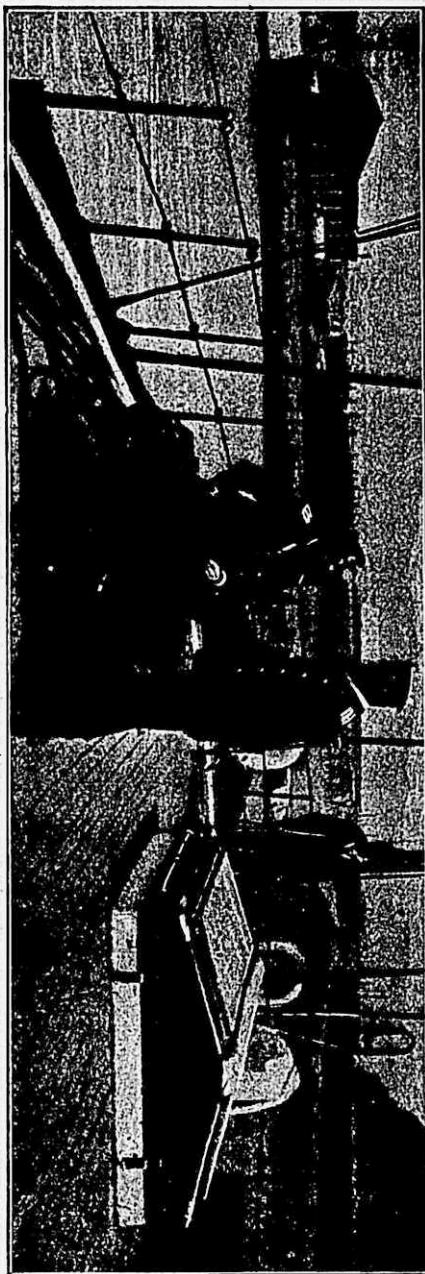
Понимаетъ онъ и твердитъ, слѣдя за тою же стихіей, что ближайшая волна дастъ ему все разнообразіе и полноту жизни, только—

„Пусть каждый въ ней влагаетъ
Своей души весь строй:
Тотъ радость въ ней гадаетъ,
Къ тому она—съ тоской.
А море, чувствомъ творя,
Какъ другъ, намъ дастъ отвѣтъ:
То отголосокъ горя,
То счастья привѣтъ“²⁾.

Старыя традиціи живы во флотѣ. Во многомъ онѣ облагорожены... Морская жизнь и ея содержаніе стали теперь полнѣе.

¹⁾ Первый опытъ въ передачѣ чувствованій новичка на морѣ.

²⁾ Изъ морской пѣсенки.

Не касаясь специальной программы занятій на военномъ суднѣ, въ которую обязательно входятъ частыя шлюпочныя ученія, разнаго рода стрѣльба, учебныя и практическія работы минеровъ, гальванеровъ, по машинному дѣлу и т. п., надо упомянуть, въ заключеніе, что для нижняго чина трудность службы, продолжительность ея, тѣснота и неудобство обстановки, скопленіе и сожитіе многихъ и разнохарактерныхъ людей, гнетъ дисциплины и все, тому подобное, вызываетъ въ частности утомленіе, тоску по берегу и слабость къ раз-

наго рода соблазнамъ, особенно изобилующимъ въ портовыхъ городахъ. Съ другой стороны, тѣ же условія морской жизни сплочаютъ людей; моряки сживаются между собой, какъ родные братья, разделяя и трудъ, и горе и радость.

Команда—это вообще золотой народъ, чистую душу котораго не могло испортить многовѣковое рабство татарамъ и помѣщикамъ. Но и свирѣпыхъ «крѣпостниковъ» прежняго времени теперь знаютъ во флотѣ только развѣ по наслышкѣ. О «бѣлой кости» офицера «барина» ¹⁾, о «черной кости» матроса остаются только развѣ осторожные и рѣдкіе, а съ другой стороны шутливые намеки.

Матросъ въ плаваніи самъ учится грамотѣ. Въ часы отдыха, урывками перенимаетъ онъ отъ товарища искусство читать и писать, такъ какъ во время рѣдкихъ уроковъ грамотности на суднѣ, его отрываютъ отъ этихъ занятій къ другимъ неотложнымъ, текущимъ работамъ. Любитъ каждый почитать хорошую книжку, не жалѣя для ней ночи.

Возможность несчастнаго случая по службѣ всегда близка къ матросу. У одного сломало руку при разборкѣ машины, сосѣду его по работѣ оторвало два пальца на рукѣ, этотъ смертельно простудился въ ночномъ дежурствѣ на шлюпкѣ, того чуть заживо не похоронило осыпавшаяся

¹⁾ Название, сохранившееся за нынѣшними офицерами по старой привычкѣ.

горой каменного угля въ душевой ямѣ: это все нерѣдкіе факты изъ будничной жизни матроса. Онъ часто нуждается въ нравственной поддержкѣ и всегда проситъ не отнимать у него времени, назначеннаго для общественной молитвы въ праздники. Письмо изъ дому, книжка и молитва доставляютъ истинное утѣшеніе матросу въ плаваніи.

Еще одинъ, послѣдній счетъ.

Изъ 548 нижнихъ чиновъ, взятыхъ на крейсеръ изъ Кронштадта въ ноябрѣ 1899 года, ушло за-границу изъ Ревеля въ февралѣ 1900 года 544 человека, а сейчасъ считается уже ихъ только 520. Въ числѣ выбывшихъ есть списанные по болѣзни, есть изуродованные, умершіе и убитые.

Изъ офицеровъ «списались въ Россію» двое, въ командировкахъ числятся трое и только одинъ пока прибылъ въ замѣну. Всего остается на суднѣ 17, но изъ этого числа двое уѣзжаютъ во временный отпускъ, по болѣзни, въ Нагасаки, а новыхъ офицеровъ вскорѣ ждатель неоткуда.

Вообще, слѣдуетъ повторить, что жизнь на суднѣ, въ отношеніи къ количественной суммѣ впечатлѣній и качественной значимости ихъ, богата содержаніемъ. Но съ другой стороны, «никто не созданъ рыбою, чтобы вѣчно плавать», — какъ нервно повторяютъ иногда о себѣ наши моряки. Необходимъ отдыхъ на сушѣ. Скупаютъ, правда, до первой возможности провести у бе-

рега недѣлю—другую и, потомъ, опять охотно пойдутъ въ плаваніе.

Просторъ широкій!..

Придется скоро побывать въ Японіи, въ Корей, увидѣть нашу Сибирскую окраину по берегамъ Тихаго океана.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА ПУТИ,
пройденнаго на крейсере „Адмиралъ Нахимовъ“,

съ 12 ноября 1899 года

по 30 ноября 1900 года.

Названіе портовъ.	Расстояніе въ морскихъ миляхъ.	День прихода.	Дни стоянки.	День выхода.	Ходовыя сутки.
Отъ Кронштадта	—	—	—	12 Нолб. 1899 г.	—
до Ревеля	180	13 Нолб. 1899 г.	75	26 Янв. 1900 г.	1
„ Кипля	618	30 Янв. 1900 г.	21	22 Февр. „	4
Каналомъ	52	—	1	23 „ „	1
Въ Брюсселѣ	—	23 Февр. „	2	25 „ „	—
До Шербурга	511	27 „ „	10	8 Мар. „	2 1/2
„ Кадикса	1072	13 Мар. „	3	16 „ „	6
„ Портъ-Магона	613	19 „ „	4	23 „ „	3
„ Спеціи	360	25 „ „	73	6 Июн. „	2
„ Неаполя	300	7 Июн. „	7	14 „ „	1
„ Портъ-Саиды	1150	19 „ „	1	20 „ „	5
Каналомъ	88	21 „ „	1 1/2	21 „ „	1 1/2
Отъ Суэца	—	22 „ „	1	23 „ „	—
до ос. Перима	1210	27 „ „	3	30 „ „	4
„ Коломбо	2230	9 Июл. „	5	14 Июл. „	9
„ Сингапура	1560	20 „ „	5	25 „ „	6
„ Гонгъ-Конга	1440	31 „ „	11	12 Авг. „	6
„ Портъ-Артура	1280	18 Авг. „	9	27 „ „	6
„ Таку	170	28 „ „	52	19 Окт. „	1
„ Портъ-Артура	170	20 Окт. „	10 1/2	30 „ „	1
„ Шанхай-гуаня	120	31 „ „	28	28 Нолб. „	1
„ Портъ-Артура	120	29 Нолб. „	1	—	—
ИТОГО	13241	—	323	—	60
т. е. болѣе 23,000 сухопут. верстъ.					

Итого дней въ пути: 383.

Содержаніе книги.

Вмѣсто предисловія. Задача и характеръ замѣтокъ. Теоретическій интересъ къ нимъ, опредѣляемый связью между географическимъ, этнографическимъ и историческимъ матеріаломъ, подлежавшимъ наблюденію и собраніемъ въ пути до Китая. Выводъ относительно современныхъ движеній европейскихъ народовъ на Востокъ.

стр.

1—6.

I. Въ европейскихъ водахъ.

Первыя сутки въ морѣ. Береговые сборы. День ухода изъ Кронштадта. Прощальный салютъ. Условія похода. Снѣжная пурга. Катастрофа съ броненосцемъ „Адмиралъ Апраксинъ“. До Ревеля.

7—22

Отъ Ревеля до Киля. Зимнее „плаваніе“. Выходъ на рейдъ. День ухода за-границу. Во льдахъ за „Ермакомъ“. Поврежденія въ бортахъ крейсера. На границѣ. Весна. Морская идиллія у острова Борнгольма. Въ туманахъ. У цѣли. Международная вѣжливость. . . .

23—45

Городъ Киль. Историческая справка. Географическое положеніе бухты. Ближайшій видъ города. Признаки военнаго порта. Первая прогулка на берегъ. Музыкальность гѣмца. Наше „представительство“. Подготовительныя къ уходу заботы. Въ Кильскомъ каналѣ. Устье р. Эльбы. 46—65.

Города — Шербургъ, Кадиксъ и Портъ-Магонъ. Значеніе Шербурга. Подводныя лодки. Кадикская бухта и городъ. Оригинальность послѣдняго. Разные сорта винъ. Древніе „геркулесовы столбы“ и „ящерицы скалы“. Островъ Минорка съ городомъ Портъ-Магономъ. Общее впечатлѣніе, произведенное Испаніей. „Благородная наука тавромахін“. Клерикализмъ 66—76.

Города — Спеція и Неаполь. Роскошь природы и бѣдность жителей Италіи. Въ докъ Спеціи. Городокъ Порто-Венере. Море зелени на базарной площади. Неаполь. Красота залива. Островъ Капри и „Лазоревый гротъ“. Везувій, Этна и Вультуръ. Источники углекислоты. Мѣстные вина. Опера и „серенады“. Извѣстія изъ Китая 77—92.

II. У азіатскихъ береговъ.

До Аденайскаго залива. Большая дорога въ Китай. День ухода на Востокъ. До Портъ-Саида. Космополитизмъ этого города. Виды его и торговля. Подъемъ каналомъ въ Суэцъ. „Живая вода“ въ пустынѣ. Синай и Хоривъ. Бедуины и феллахи. До выхода въ Аденаискій заливъ. „Кладбище пароходовъ“ и пираты моря. Богатство жизни въ водахъ Аравіи.

Предметы вывозной торговли. Устройство кофейныхъ плантацій. Религія и права населенія. Знойные Перимъ и Адена. Условія мѣстной жизни въ Перимѣ. Значеніе Адена 93—117.

До острова Цейлона. Кипящее море. Пара кашалотовъ. Красота восхода и заката солнца въ морѣ. Встрѣча съ англійскимъ „купцомъ“. Морская качка. Приютъ въ штурманской рубкѣ. Два слова объ Индіи. Смерть въ океанѣ. Волна—богатырь. Крошечный островокъ. 117—130.

Городъ Коломбо. Островъ чудесъ. Благоухающій воздухъ. Горы и драгоценные камни. Почва и растительность. Жемчужныя отмели. Особенности въ нравахъ рыбъ. Рейдъ въ Коломбо и лодки индусовъ. Сингалезы-торговцы. Фокусники. Ближайшее знакомство съ городомъ и его окрестностями. Тропическая природа. Ѣзда на лошади-человѣкѣ. Населеніе. Поѣздка въ Кэнди. Утомленіе отъ роскоши въ природѣ. Таинственность тропической ночи. Религія коммерсанта. Колонія русскихъ частотворцевъ 131—155

Города — Сингапуръ и Гонгъ-Конгъ. Думы и настроенія на крейсерахъ. Кнейписты. Мѣстоположеніе и населеніе Сингапура. Тонъ городской уличной жизни. Китайцы эмигранты. Богатство фруктовъ. Ботаническій садъ. Исторія острова и города Гонгъ-Конга. Поѣздка на пикъ Викторіи. Тайфунъ на рейдѣ. Конвоируемый доброволецъ „Воронѣжъ“. Встрѣча съ крейсеромъ „Рюрикъ“. Въ Россіи, съ другаго ея конца. Количество пройденнаго разстоянія. 156—178

Ш. На стражѣ въ Китаѣ.

Портъ-Артуръ. Китайская Россія. Исторія города. Географическое его положеніе. Виды города. Условія жизни. Взаимныя наши отношенія съ китайцами. Стоянки крейсера на военномъ положеніи. Раненые въ бою при Таку. Городъ Дальній и его виды. 179—200.

Рейдъ Таку. Городъ на мутныхъ волнахъ. Типы судовъ и вооруженіе ихъ. Связь между союзниками. Плѣнный китайскій крейсеръ. Различіе между китайцемъ переселенцемъ и обывателемъ „Срединной имперіи“. Дѣла съ непріятелемъ. Въ командировкѣ за Пекинъ. Разказы о штурмѣ Таку и взятіи Пекина. Ночной бой подъ крѣпостью Бейцангъ. Приготовленія къ бомбардировкѣ фортовъ Шанхай-гуаня. О Ли-хун-чангѣ. Неудобства рейда Таку. Утонувшій офицеръ 201—230.

Шанхай-гуань. Береговья укрѣпленія. „Великая китайская стѣна“. Картины зимней природы и условій военного времени. Оригинальное вечернее небо. Столкновеніе сибиряковъ съ зуавами. О походѣ нашихъ гвардейцевъ. Сестры „Краснаго креста“ 231—238.

Морская жизнь и ея содержаніе. Два слова о нашемъ матросѣ. Измѣненія въ личномъ составѣ на крейсерахъ. Наше будущее . . . 239—247.

Приложенія. Таблица пройденныхъ разстояній съ показаніемъ времени стоянокъ и переходовъ крейсера. Содержаніе книги. . . 248—255.

Замѣченныя опечатки.

стр.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Читайте:
1	5 снизу:	жизни,	жизни
2	9 "	скозь.	сквозь.
11	7 "	бичевокъ,	бечевокъ,
12	11 сверху:	Кронштадскаго	Кронштадтскаго
16	11 снизу:	выразить	выражать
25	1 "	а другая	а другая,
29	1 "	судна,	судна
34	2 "	отъ 400	до 400
45	2 "	И такъ,	Итакъ,
58	15 "	умный,	умный
71	2 "	Оервантеса	Сервантеса
75	3 "	Сивельѣ,	Севильтѣ,
76	13 сверху:	католицизма.	католицизмъ.
80	6 снизу:	вдали	невдали
91	11 и 12 сверху:	подъстерегала	подстерегала
107	3 сверху:	изъ воды медузы,	изъ воды, медузы
110	5 снизу:	отличаются	различаются ме- жду собою
122	5 сверху:	волны; нерѣдко	волны. Нерѣдко
133	13 снизу:	преобразовала,	прообразовала,
140	12 сверху:	киричнаго,	коричнаго,
143	8 "	вопрочемъ,	впрочемъ,
162	6 "	поддѣлки	поддѣлки
167	8 "	коллоннада	колоннада
170	8 "	укрыться	укрытыя
175	16 "	на бокѣ	на бакѣ

Брошюры священника Николая ДЬЯКОВА.

Стихъ на христославленіе. Подражаніе старинымъ сказаніямъ. Спб. 1897 г., 18 стр., 5 рис., положено на одинъ голосъ; цѣна 25 коп.

Ballade de l'Arbre de Noël, Musique de lo P. N. D-k-II.
Paris. 1898. 8 p.; prix 1 fr.

Двѣ духовныя бесѣды, произнесенныя 23-го и 30 нояб-ри 1903 г. въ Спасопреображенскомъ, всей Гвардіи, Соборѣ, въ С.-Петербургѣ. I. О грѣхахъ. II. О грѣхахъ противъ христіанской надежды. Спб., 1903 г., 15 стр.; цѣна 10 коп.

Вѣра и благочестіе, по житію святит. Николая чудотворца, архіеп. Мирликійскаго. Внѣбогослужебная бесѣда на 6 декабря. Спб., 1903 г., 25 стр.; цѣна 15 коп.

Складъ изданія въ нижнихъ магазинахъ

К. И. ТИХОМИРОВА.

С.-Петербургъ. Итальянская ул., № 27.
Москва. Кузнецкій мостъ, домъ Захарьина.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 декабря 1903 г.

Типографія Артели Печатнаго Дѣла, Невскій, 61.